

Ж-14038

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ УКРАЇНИ

П 326136

ВІСНИК

ХАРКІВСЬКОГО
ДЕРЖАВНОГО
УНІВЕРСИТЕТУ

№ 384 (Том 2)

ПРОБЛЕМИ МОВИ ТА
МОВЛЕННЄВОЇ ДІЯЛЬНОСТІ

Харків
Видавництво "Константа"
1995

257000-

КОНСТАНТА

V.N. Karazin Kharkiv National University

00295600

4

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ УКРАЇНИ

ВІСНИК

ХАРКІВСЬКОГО
ДЕРЖАВНОГО
УНІВЕРСИТЕТУ

№ 384 (Том 2)

Заснований у 1965 р.

ПРОБЛЕМИ МОВИ ТА МОВЛЕННЕВОЇ ДІЯЛЬНОСТІ

Харків

Приватне видавництво "Константа"

1995

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
ВЕСТНИК
ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№0384 (Том 2)

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА И РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В вестнике представлены статьи, содержащие результаты исследований в области лингвистики текста, коммуникативно-интенционального анализа речи в синхронии и диахронии, структуры языка, перевода и стилистики. Также освещаются теоретические и практические проблемы методики преподавания иностранных языков.

Для научных работников и специалистов.

У віснику подані статті, що містять результати досліджень в галузі лінгвістики тексту, комунікативно-інтенціонального аналізу мовлення в аспекті синхронії та діахронії, структури мови, перекладу та стилистики. Також висвітлюються теоретичні та практичні проблеми методики викладання іноземних мов.

Для науковців і спеціалістів.

Редакционная коллегия: И.С. Шевченко (отв. редактор), Г.В. Ейгер, П.И. Донец, А.И. Дородных, Л.В. Конопельцева (отв. секр.), В.Г. Пасынок, А.А. Прокопчук, Е.В. Тарасова, Л.Н. Черноватый.

Адрес редакционной коллегии: Украина, 310077, Харьков-77, пл. Свободы, 4, Факультет иностранных языков, тел. 457-504

Copyright ©

Харьковский
государственный университет, 1995 г.

Ж-14038

Центральна наукова
бібліотека ХДУ
326136

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД АНГЛИЙСКИМИ ЗАИМСТВОВАНИЯМИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ МОЛОДЕЖНОМ СЛЕНГЕ

Исследование сленга, как и нестандартной лексики в целом, никогда не уходило из поля зрения языковедов, ибо это весьма подвижный слой лексики, обладающий высокой коммуникативной значимостью, которая обусловлена широким рядом выполняемых им функций.

В свою очередь именно молодежный сленг наиболее ярко демонстрирует указанные качества, ибо молодежи свойственно желание создать атмосферу непринужденности общения, новизны, остроумия, реалистичности, несентиментальности, неромантичности, восприятия жизни как она есть [2, с.20], что, по мнению исследователей, лучше всего выражается на уровне нестандартной лексики.

Анализ стилистико-функциональной стратификации английского вокабуляра (см., например [1, с.143; 4, с.148; 5, с.18]) свидетельствует о наличии общепринятой точки зрения, согласно которой сленг относят к нестандартной лексике и к норме второго уровня, развивающейся параллельно с нормой первого уровня.

Исследователи подчеркивают дихотомическую структуру сленга [2], то есть его деление на общий и специальный, и выделяют в последнем кент и жаргоны (профессиональные и корпоративные) [2], дифференциация которых все еще остается предметом научного спора. Обзор точек зрения можно обобщить следующим образом. Кент представляет собой кодовые языки деклассированного слоя общества, вокабуляр которого носит социальную маркированность и сниженную стилистическую окраску. Профессиональные жаргоны - это микросистемы просторечия, используемые преимущественно в профессиональной сфере общения. Корпоративные жаргоны представляют собой микросистемы просторечия, используемые различными группами по интересам, которые объединяют эти группы вне рамок профессий. Если употребление кента и профессиональных жаргонов не имеет четко выраженных возрастных ограничений, то корпоративные жаргоны - это преимущественно жаргоны молодежные: в речи старшего поколения такая лексика встречается гораздо реже. В силу ярко выраженного возрастного параметра корпоративные жаргоны целесообразно соотносить с молодежным сленгом. Вследствие тесного взаимодействия всех компонентов сленга в целом, молодежный сленг, являясь его составной частью, подвергается влиянию кентизмов, профессионализмов и общих сленгизмов. Таким образом, молодежный сленг - это микросистема просторечия, неоднородная по своему генетическому составу и имеющая в качестве ядра корпоративные жаргоны, в то время как профессионализмы, интержаргонные кентизмы и общие сленгизмы составляют его периферическую область.

В специальной литературе (см., например [2,3]) выделяют большое количество вариантов молодежного сленга, среди которых сленг школьников и студентов определяется как наиболее функционально значимый. Эти варианты сленга состоят из более мелких социально-детерминированных и локально ограниченных вариантов сленга (например, Итона, Винчестера, Хэрроу, Регби, Оксфорда, Кембриджа). Русский молодежный сленг является более открытой лексической системой, которая испытывает влияние сленга других молодежных

социальных групп, в частности, школ-интернатов и детских домов.

Кроме сленга школьников и студентов существует значительное количество других вариантов молодежного сленга. На протяжении последних 30-40 лет молодежный сленг расширяется за счет сленга битников, панков, хиппи, яппи, инди. Молодежные течения, коррелирующие с определенными лексическими системами, проникают и в страны СНГ. За последние годы были легализованы многие организации и течения, распространенные на Западе. Наиболее массовой и известной группой является "система", инкорпорирующая хиппи, панков, металлистов; распространение получили группы бойскаутов, рокеров, и связанные с ними варианты молодежного сленга.

Есть в русскоязычном обществе и "свои" молодежные течения. Вследствие более мягкого пограничного режима появилась социальная группа "челноков", то есть людей - преимущественно молодежи, - занимающихся торговлей за рубежом и ввозящих импортные товары для реализации на внутреннем рынке. С развитием мелкого предпринимательства возник сленг комка (коммерции и частной торговли). Широкое распространение, особенно в среде учащихся, получили течения мажоров, хайлайфистов, псевдошников и связанные с ними варианты молодежного сленга

Авторы (см., например, [2,3,4]) отмечают несколько источников формирования лексического состава молодежного сленга. В данной статье анализу подвергается лишь один из них, а именно - "английское избыточное заимствование". По нашим наблюдениям, содержание англицизмов в русском молодежном сленге составляет 14,6%. Материалом для анализа послужили 583 лексические единицы русского молодежного сленга, полученные путем опроса информантов - студентов вузов Харькова и текстовой выборки из 15 отечественных периодических изданий и публицистических произведений.

Английские заимствования активно формируют следующие семантические поля русского молодежного сленга: 1) члены группы: гай, бой, герла, нигер - 33%; 2) финансы: мани, грины, баксы, прайс - 9%; 3) секс: бэк, стенда, прик - 9%; 4) бытовые поступки: спикать, смокать - 9%; 5) одежда: траузера, шузы, зипер, джины - 8%. Следует отметить, что на данном этапе исследования рассматривались лишь номинативные поля. Они формируются на основе понятий, которые являются, по всей видимости, приоритетными для современной молодежи. С другой стороны, престижность английского языка и увеличение объемов взаимодействия английской и русской культур обусловили развитие именно этих семантических полей в русском молодежном сленге.

Следует отметить тот факт, что русский молодежный сленг заимствует, как правило, не субколлоквиальные лексические единицы, а слова стандартного английского языка, и лишь в процессе адаптации языком-реципиентом они приобретают сниженную стилистическую окраску и социальную маркированность.

В английском языке

shoes (n) - туфли
man (n) - мужчина
old (adj) - старый
ask (v) - просить, спрашивать

В русском языке

шузы - фирменная обувь
мэн - мужчина со связями и средствами
олдовый - мудрый, опытный
аскать - попрошайничать

Некоторые заимствования и в языке-источнике функционируют как сленгизмы: back - бэк - задница; bum - бам - задница; greens - грины - доллары; bucks - баксы - доллары.

Некоторые заимствования, ассимилируясь языком-реципиентом, сохраняют полную идентичность денотативного и коннотативного значений языка-источника, но формируют смыслы социальной маркированности и стилистической сниженности, которые позволяют идентифицировать их как

единицы нестандартного слоя лексики. Исследование показало, что подавляющее большинство заимствований (77%) претерпевают смысловые изменения, и лишь 23% сохраняют исконное значение.

Следует отметить наличие англоязычных вкраплений в уже существующие фразеологические единицы русского молодежного сленга (например, отбить баксы <- отбить бабки; съездить по фэйсу <- съездить по роже), а также формирование новых фразеологических единиц на основе англо-лисийских заимствований (пасть на бас - сесть в автобус; много бама, мало брейна - глупый человек). Такого рода заимствования представляют собой новое явление, и, несмотря на их небольшое процентное содержание (6%), свидетельствуют о проникновении англицизмов в наиболее устойчивые словосочетания русского языка.

Подавляющее большинство заимствований, функционирующих в молодежном сленге, недолговечны, ибо интенсивность их употребления обусловлена рядом изменчивых факторов социального и экономического характера (мода, смена интересов и приоритетов, изменение социального и возрастного статуса носителей сленга). Именно это делает исследование всегда актуальным, ориентирующим на наиболее динамично развивающуюся область языка, изучение которой, в свою очередь, способствует развитию переводоведения, этно- и социолингвистик.

Список литературы: 1. Alexander H.A. The Story of our Language. - New York, 1962. 2. Беляева Т.М. Хомяков В.А. Нестандартная лексика английского языка. - Ленинград: ЛГУ, 1985. 3. Мазурова А.И., Радзиховский Л.А. Языковая система хиппи = Сленг и восприятие мира // Психологические особенности самостоятельных подростково-юношеских групп: Сб. научн. тр. / Акад. Наук СССР. - М., 1990. 4. Fries Ch. Usage Labels and Dialect Distribution. Harbrace Guide to Dictionaries. - New York, Burlingame, 1963. 5. Soudek Lev. Structure of Substandard Words in British and American English. - Bratislava, 1967.

Поступила в редколлегию в 1.03.1993 г.

*И.П.ЛИПКО, канд. филол. наук,
З.Н.ЛИПКО, канд. филол. наук*

К ПРОБЛЕМЕ ТЕОРИИ ВАРИРОВАНИЯ

Проблема варьирования языковых единиц на различных уровнях языковой структуры принадлежит к числу важнейших проблем современной лингвистики.

Как самостоятельный предмет исследования варьирование имеет сравнительно недолгую историю, что в значительной степени объясняет неразработанность многих сторон этого сложного процесса, в частности, как справедливо отмечает В.Н. Ярцева, вопрос о связи формального и семантического варьирования остается малоисследованным [10].

Интерес, наблюдаемый к этой проблеме в последнее время в отечественном [2] и зарубежном языкознании [11], обусловлен сложностью и многосторонностью явления варьирования, а также важностью его изучения для понимания характера и направления развития языка на разных его этапах.

Изучение проблемы варьирования, как в плане общей теории языка, так и применительно к различным уровням языка, к конкретным языковым системам и микросистемам, представляет несомненную важность для познания языка и

законов его развития и функционирования.

Естественна поэтому тенденция выделить изучение вариантных отношений в особый раздел языкознания [2, 8].

Онтологически варьирование это форма существования языка и результат языковой эволюции.

Но варьирование имеет и гносеологическую природу, поскольку "варируются не только языковые явления, но и их интерпретация" (Вышкин Е.Г., с.67-69) [2].

Рассмотрению любого сложного вопроса должно предшествовать определение исходных позиций и основных терминов, что особенно необходимо в связи с отсутствием единого взгляда и стабильного набора терминов для описания варьирования.

В современной лингвистической литературе мы встречаем термины: "варьирование", "вариантность", "вариативность", которые используются некоторыми авторами (Бараникова Л.И.) [1] либо как равнозначные, либо как дифференцирующие различные стороны этого явления (Расторгуева Т.А.) [6].

Т.А. Расторгуева, например, считает, что под варьированием следует понимать: "наличие и одновременное функционирование в пределах одного языка различного рода языковых параллелей, имеющих общее или близкое содержание и различающихся, а иногда и не различающихся оттенками значения, стилистическими или другими дополнительными признаками" (Расторгуева Т.А., с.117) [6].

Как следует из вышесказанного, в толковании явления варьирования можно проследить два отчетливых направления: 1) варьирование рассматривается как сосуществование изофункциональных единиц, имеющих общее содержание, но могущих отличаться друг от друга наличием дополнительных оттенков значения, стилистических коннотаций и т.д. и 2) варьирование понимается как сосуществование языковых параллелей, не несущих дополнительной информации, содержательной или стилистической.

Мы придерживаемся той точки зрения, что в общей форме под собственно варьированием или варьированием в узком смысле слова (мы [5] предпочитаем этот термин из-за его подчеркнута процессуального характера), (см. также Гак В.Г. [2]) следует понимать сосуществование в языке изофункциональных единиц с единым содержанием, единиц, представляющих собой различные проявления той или иной сущности (инварианта). Речь идет о варьировании структур с глаголом-сказуемым *have* в поссесивном значении в вопросительных и отрицательных предложениях в британском и американском вариантах английского языка (e.g. *Have you a friend?*, *Do you have a friend?*).

Инвариант - единица плана содержания, вариант - единица плана выражения.

Что касается определения национального варианта, мы исходим из концепции национального варианта языка, выкристаллизовавшейся в советском языкознании в результате исследований ряда языковедов [4, 9]. Национальный вариант языка - разновидность полинационального языка, представляющая собой его аллосистему и обслуживающая общение определенной нации.

Анализ варьирования открывает перспективы в изучении различных сторон языка. В границах варьирования мы различаем несколько типов вариантных отношений, которые мы выделяем на основе определенного набора признаков: 1) функционирование вариантных единиц в пределах одного или нескольких национальных вариантов, входящих в архисистему единого полинационального языка; 2) обусловленность интралингвистическими или экстралингвистическими факторами; 3) структурный или функциональный характер варьирования; 4)

уровень языковой структуры, к которой относятся вариантные единицы; 5) наличие или отсутствие определенной зависимости грамматических вариантов от лексических характеристик соответствующих единиц; 6) синхронический или диахронический характер варьирования.

В соответствии с п е р в ы м из указанных признаков мы различаем интра и интервариантные различия. По в т о р о м у признаку различаем варьирование, обусловленное внешними факторами, такими как существование единого языка в разных ареалах, в разных социолингвистических условиях, с одной стороны, и обусловленное характером языковой системы (в нашем случае грамматики), с другой стороны. В соответствии с т р е т ь и м критерием мы различаем структурное (внутрисистемное) варьирование и функциональное варьирование, обнаруживаемое в разных речевых ситуациях. В соответствии с ч е т в е р т ы м признаком мы различаем фонологическое, лексическое, морфологическое, синтаксическое и стилистическое варьирование. На основании п я т о г о признака мы можем говорить о свободном, т.е. не связанном с лексикой варьировании и относительно связанном варьировании, ограниченном определенными условиями, при котором выбор вариантной единицы в известной степени обусловлен характером лексического окружения, коммуникативно-структурной характеристикой предложения (вопросительным, отрицательным и т.п.). Ш е с т о й параметр дает основания для деления явления варьирования на синхронические и диахронические, подлежащие изучению в динамике, в процессе языковой эволюции.

Особый теоретический и практический интерес представляет анализ динамики варьирования в различных национальных вариантах полинациональных языков. Такой интерес обусловлен рядом соображений: данные изучения варьирования в его динамике могут быть основанием прогнозирования определенных языковых изменений, их характера и интенсивности, т.е. новое качественное состояние языковых явлений рассматривается как результат постепенного накопления языковых изменений и модификаций.

Исторические сдвиги в варьировании в границах различных подсистем еще не были объектом специального изучения, хотя естественно, что результаты такого исследования помогли бы пролить свет на многие стороны языкового развития, ибо ведущие процессы варьирования детерминированы уровнем и тенденциями развития языка в определенную историческую эпоху.

Анализ варьирования в динамике предполагает изучение борьбы старого и нового, выяснение связи возникших вариантных форм с общими закономерностями строя изучаемого языка.

Соотношение нормы и вариантов оказывается различным в различные исторические периоды.

Как справедливо указывает В.В. Веселитский, "Норма и вариант — исторические категории" [3]. Именно поэтому представляется недостаточно обоснованным тезис Д.С. Станишевой о возможности изучения национальных вариантов только в синхронном плане [7].

Ряд отличий американского варианта от принятой в Англии языковой нормы становится понятным лишь в исторической перспективе, в свете тех процессов, которые отмечались в английском языке в процессе его развития.

Изучение варьирования вариантных единиц естественно предполагает комплексный подход к рассмотрению изучаемых явлений, сочетание количественных и качественных оценок, что дает возможность глубже понять закономерности, недоступные прямому наблюдению.

Таким образом, изучение развития и функционирования полинациональных языков (в нашем случае, английского) в современном мире и в динамике

является важнейшей задачей в силу теоретических перспектив, открываемых анализом этой проблемы, и ее практической важностью для прикладного языкознания.

Список литературы: 1. Баранникова Л.И. Вариантность языковых систем и проблема типологии вариантов. - В кн.: Вариантность как свойство языковой системы: Тез. докл. М., 1982, ч.1, с. 19-20. 2. Вариантность как свойство языковой системы Тез. докл. М., 1982, ч.1, с. 67-92. 3. Веселитский В.В. Норма и вариант. - Рус. яз. в школе, 1967, №5, с. 30-36. 4. Жлуктенко Ю.А. Варианты полинациональных литературных языков. - Киев: Изд-во АН УССР, 1981. - 279 с. 5. Липко И.П. Варьирование структуры вопросительных и отрицательных предложений с глаголом-сказуемым have в британском и американском вариантах английского языка в синхронии и диахронии. Дис ... на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. - Харьков, 1984. - 200 с. 6. Расторгуева Т.А. Варьирование и исторические изменения в языке. - В кн.: Лингвистика и методика в высшей школе. М., 1978, с. 177-188. 7. Станислав Д.С. К вопросу о вариантах синтаксических единиц. - Науч. докл. высш. школы. Филол. науки, 1964, №1, с. 188-193. 8. Шарадендзе Т.С. Вариантность и изменяемость языка. - В кн.: Вариантность как свойство языковой системы: Тез. докл. М., 1982, ч.2, с. 125-126. 9. Швейцер А.Д. Соотношение американского и британского вариантов современного английского языка. Иностр. яз. в школе, 1967, №3, с.2-12. 10. Ярцева В.Н. Семантическое и формальное варьирование. - М.: Наука, 1979. - 375с. 11. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvic J. A Grammar of contemporary English. - London: Longman, 1972. - 1120 p.

Поступила в редакцию в 1.09.1993 г.

Н.В.МАЛИМОНОВА

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ОППОЗИТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ОППОЗИТИВНАЯ РЕАКЦИЯ

Диалогическое единство (ДЕ) типа "стимул - ответная реакция" связывает два суждения о денотативной ситуации, принадлежащих различным коммуникантам. В случае, если их точки зрения не совпадают, между эксплицирующими их высказываниями возникают отношения оппозитивности. Оппозитивные отношения между синтагматически соположенными предложениями-высказываниями на уровне их семантики соответствуют отношениям различия интерпретации одной и той же референтной ситуации и могут быть представлены в терминах пропозиций, являющихся объективированной ментальной моделью называемого предложением положения дел.

Высказывание-стимул предиктирует определенный признак конкретному субъекту относительно некоторой ситуации внешнего мира, данной коммуникантом либо в наблюдении, либо в совместном предопыте. В ходе интерпретации стимула адресат соотносит его с денотатом этой же ситуации в своей концептуальной системе. Анализ происходит относительно следующих параметров: соотношение предикативных признаков, приписанных данному субъекту; соответствие субъектов, которым приписан данный предикативный признак; совпадение пропозициональных структур в целом. В первых двух случаях имеет место соотнесение фрагментов денотативных ситуаций, в последнем - денотатов в целом.

При установлении несовпадения по одному из данных параметров возникает оппозитивность, о которой реципиент сигнализирует ответной репликой - оппозитивной реакцией (ОР). ОР помещает стартовую информацию в сферу

действия негативной оценки истинности, указывающей на неправомерность сопоставления данной ремы соответствующей теме [5, с. 194]. ОР передает информацию о том, что, согласно данным когнитивной системе адресата, компоненты семантической структуры воспринятого высказывания должны быть иными.

Оппозитивные отношения эксплицируются тремя основными семантическими типами ОР: отрицание стимула (констатация противоречия), модификация стимула (противопоставление) и сомнение (потенциальная оппозитивность).

Противоречие есть положение, при котором одно высказывание исключает другое, не совместимое с ним. По определению Дж. Лайонза, одно противоречащее предложение эксплицитно или имплицитно отрицает другое [3, с. 483]. ОР - отрицание (констатация противоречия) актуализируется в виде отрицания субъекта одной из предикаций стимула (пример [1]), предикативного признака ([2]), предикации (пропозиции) в целом ([3]).

[1] Reardon: (...) And what little secrets have you been prying out?

Mrs Burnett: None. Not any. (D. Storey)

[2] "Really, you're the last person I should ever have thought likely to fall in love with a boy."

"But I'm not in love with him." (S. Maugham)

[3] "And now you'll go downstairs and talk about me vividly to him. I know how men talk."

"No, no -" (I. Murdoch)

Второй семантический тип ОР, модификация стимула существует в трех основных разновидностях: сужение / расширение экстенционала его субъекта, предиката, пропозиции; утверждение семантической противоположности градуального предикативного признака; замена компонента семантической структуры стимула по ассоциации. В примере [4] представлено расширение экстенционала субъекта пропозиции стимула, в примере [5] - сужение экстенционала предикативного признака.

[4] "I can't get mumps, it's a child's disease."

"No, no," said Theodore. "children generally get it but quite often adults get it too." (G. Durrell)

[5] "Do such ships like ours often sink?"

"No, not often. Only once," was the reply. (G.G. Pochepstov)

В примере [6] сужение области референтной отнесенности предикации и пропозиции в целом происходит вследствие выдвижения реципиентом условия ее в одном из миров.

[6] "What, then you don't like all insects?"

"I like them when they can talk," Alice said. "None of them ever talk, where I come from." (L. Carroll)

Утверждение семантической противоположности в ОР возможно только относительно качественных предикативных признаков стимула, так как только качественные признаки могут противопоставляться как противоположные и мыслиться как переменные в количественном отношении, в отношении интенсивности [6, с. 147]. Семантически противоположные понятия являются крайними членами определенного логического ряда, между которыми возможно третье, среднее, и которые не только отрицают друг друга, но и несут в себе нечто положительное взамен отрицаемого [2, с. 54]. В рамках ДЕ противопоставляются два значения предикативного признака. Они могут быть расположены на шкале его интенсивности на равном расстоянии от нулевой отметки как крайние его проявления. Такая предельно интенсивная (крайняя)

противоположенность представлена в примере [7].

[7] "It looks like contemporary" — "It's old fashioned." (K. Morgan)

В то же время ОР может противопоставлять стимулу не крайне противоположное, а промежуточное между крайностями значение предикативного признака. Ослабленная семантическая противоположность представлена в примере [8].

[8] Peter: Well. I'm getting old, Pat.

Pat: Old? You're thirty-nine. (T. Rattigan)

Замена компонента семантической структуры высказывания-стимула на основе не логической, а ассоциативной соотнесенности составляет довольно значительный класс ОР. Как показывают данные психолингвистических исследований, представленные в работах [1], [4], именно ассоциация играет доминирующую роль при генерации оппозитивности в концептуальной системе человека. В эксперименте, описанном в работе [4], в 25% случаев члены оппозитивной пары не согласовывались по основным лексико-грамматическим категориям. Приведем пример ДЕ, где ОР основана на ассоциативных представлениях о комбинаторике языковых единиц.

[9] Flora: Has he turned over a new leaf?

Herbert: No, he's turned over a new car. (G.G. Pochepstov)

Третий семантический тип ОР, сомнение, рассматривается как потенциально противоречивая ОР. Она свидетельствует о том, что структурирование денотативной ситуации в высказывании-стимуле не согласуется с аналогичными представлениями адресата, но, если обоснования собеседника при ответе на вопрос покажутся убедительными, реципиент согласится с ними и оппозитивность, имевшая место как предпосылка продуцирования ОР-сомнения, нейтрализуется. В примере [10] представлена ОР-сомнение относительно субъекта исходной пропозиции, в примере [11] - предикативного признака, [12] - пропозиции в целом.

[10] "That's a joke. I wish you had made it."

"Why do you wish I had made it?" Alice asked. (L.Carroll)

[11] Steven: Let's hope there aren't too many of you.

Andrew: Too many? (D. Storey)

[12] Andrew: He died from a bout of galloping perfection.

Colin: Did he? (D. Storey)

В заключение подчеркнем, что выделенные семантические типы ОР чаще актуализируются в комбинации друг с другом в рамках сложной реплики (комбинированные ОР). Наиболее частотны (и теоретически возможны) сочетания "констатация противоречия (отрицание) + модификация стимула", "сомнение + отрицание", "сомнение + модификация стимула".

Из вышеизложенного следует, что оппозитивные отношения на уровне семантики высказываний существуют в виде либо исключения одного из компонентов семантической структуры стимула, либо в виде его замены другим компонентом, представленным в ОР, либо в виде сомнения относительно правомерности его употребления в составе пропозиции-денотата данной референтной ситуации. Перечисленные типы оппозитивных отношений соответствуют семантическим типам ОР: ОР-отрицание, ОР-модификация, ОР-сомнение, актуализирующимся как изолированно, так и в сочетании друг с другом.

Список литературы: 1. З а л е в с к а я А.А. Индивидуальное знание и специфика его функционирования. Тверь, 1992. 2. К о м и с с а р о в В.Н. Проблема определения антонима//ВЯ. 1957. №2. С. 49-58. 3. Л а й о н з Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978. 4. Н о в и ч и х и н а М.Е. Опыт

экспериментального изучения оппозиций // Слово и текст в психолингвистическом аспекте. Тверь, 1992. С. 51-57. 5. Труб В.М. К проблеме функционального сходства нейтрального и контрастивного отрицания // Тожество и подобие: Сравнение и идентификация. М., 1990. С.194-204. 6. Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии рус. яз. М., 1964.

Поступила в редколлегию 1.09.1994 г.

А.П.МАРТЫНЮК, канд. филол. наук
С.А.БАШКИРЕВА

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЛОЖНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР И ВОПРОСОВ В РЕЧИ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

Представление о социальной природе языка восходит еще к античной философской мысли. А в конце XIX - начале XX века формируется особое лингвистическое направление - социолингвистика, главным в которой, по словам Мейе, является изучение социальной сущности языка, описание механизма влияния социума на язык. "Единственный переменный элемент, к которому следует обращаться при объяснении языкового изменения, это изменение социальное" [2, 17]. Мейе выводит одну из важнейших задач современной социально ориентированной лингвистики - задачу установления тех ячеек и микроструктур общества, которые оказываются релевантными с точки зрения социально-коммуникативной стратификации языка и эволюции элементов его структуры, тех звеньев, в которых реально и протекает языковая жизнь человека, и которые занимают промежуточное место между национальным языковым единством и языковой инди-видуальностью [2, 6]. Принадлежность к социально-экономическому классу, этнической группировке, возрастной группе, пол коммуникантов лежат в основе социально-коммуникативной стратификации. Одной из наиболее интересных и менее изученных является проблема зависимости функционирования языковых единиц от пола коммуникантов. Проблема отражения социальных и психологических особенностей полов в их речевом поведении представляется тем более притягательной, что на фоне всеобщего увлечения гуманизацией науки и поворота к человеческому фактору в языкознании она остается фактически неразработанной в отечественной лингвистике.

На Западе этому вопросу уделяется немалое внимание, особенно в германских языках, представителями феминистического направления лингвистики.

Рассматриваются различия мужской и женской речи, охватывающие сферы фонетики, морфологии, синтаксиса, лексикологии и стилистики, на основе которых выводится гипотеза о существовании "женского стиля". Мы склонны считать, что сама постановка вопроса о существовании подобного стиля в языке не является верной, так как мужская и женская речь — это явления далеко не однородные, различающиеся в зависимости от социальной ситуации, территории проживания, возраста, образования, профессии и индивидуальной психологии представителей противоположных полов.

Есперсен усматривает одно из основных различий в синтаксическом построении речи мужчин и женщин. "При сравнении построений длинных периодов (предложений) мужчинами и женщинами, мы должны отметить у первых большое количество сложноструктурных предложений, когда одно придаточное разрывает другое, дополнительное предложение находится в середине условного и наоборот, с подчинением и соподчинением, в то время как типичным способом образования периодов у женщин служит сочинение, когда

одно предложение соединяется с другим на одном уровне, а связь между соответствующими идеями обозначается не грамматически а эмоционально, ударением или интонацией, а на письме подчеркиванием. Используя лингвистическую терминологию, можно сказать, что мужчины предпочитают гипотаксис, а женщины паратаксис [1, 25]. Проведя исследования высказываний сложной структуры (их частотности качественных характеристик) разговорной речи мужчин и женщин, отличных по возрасту, социальному положению, характеру, образованию, профессиям, мы пришли к выводу, что женщины менее красноречивы, чем мужчины. Они сдержаннее, редко прерывают собеседников, избирая стиль сотрудничества с собеседником. Если собеседник прерывает свое высказывание, женщины обычно завершают его логически, не внося при этом оттенка агрессивности, стремления высказать свое отношение к вопросу во что бы то ни стало, что часто свойственно мужчинам.

При более детальном исследовании сложных высказываний, используемых мужчинами и женщинами, мы пришли к выводу, что представители обоих полов используют сочинительную связь гораздо реже, чем подчинительную, что можно объяснить существованием как у мужчин, так и у женщин внутренней потребности к проведению аргументации, сопоставления, сравнения, альтернативы в организации речи.

При более глубоком исследовании был сделан вывод, что, во-первых, как качественная, так и количественная разница в использовании союзных средств для сочинения мужчинами и женщинами отсутствует, и, во-вторых, все виды придаточных предложений присутствуют у представителей обоих полов.

Значительный интерес представляла для нас проблема продолжительности периодов у мужчин и женщин (т.е. количество предикаций, связанных сочинительной или подчинительной связью). Максимальное количество предикаций, связанных по смыслу и синтаксически у мужчин и женщин колеблется в одинаковых пределах и зависит прежде всего от компетентности говорящего в обсуждаемой проблеме, его образования, характера и окружения (собеседников). По нашему мнению пол говорящего не является мерилем в разграничении возможного количества связанных предикаций.

Очевидно, что истоки подобных различий следует искать в закономерностях процесса социализации полов, воспитываемых в разных социо-культурных условиях и с детства обучающихся по-разному оперировать языковыми единицами в процессе общения.

Таким образом, можно сказать, что в процессе исторического развития грамматические особенности женской речи сглаживались по мере ликвидации социального неравноправия женщин и выхода их на арену общественной и политической борьбы.

Исследователи мужской и женской речи часто довольно узко рассматривают проблему, сводя ее к изучению функционирования и использования обоими полами разделительных вопросов типа *Dinner will be ready at six o'clock, yes?* Результаты их исследований довольно противоречивы. Одни исследователи разделительных вопросов отдают приоритет женщинам, отдавая должное так называемому женскому стилю сотрудничества и такой, по их мнению, типично женской черте, как нерешительность и неуверенность в выражении своих мыслей и мировосприятия (Lakoff, Kramer), другие отдают приоритет в использовании указанных вопросительных форм мужчинам (Dubois, Crouch), третьи не видят разительных отличий в использовании их мужчинами и женщинами (Hartmann). Мы решили посмотреть на проблему шире и исследовать все типы вопросов, которыми оперируют мужчины и женщины, опираясь на фактический материал диалогов, записанных Leslie Dickinson, Ronald Mackin ("Varieties of Spoken English"),

Mary Underwood ("Listen to this"). Используя разработки Валгиной Н.С. в ее "Синтаксисе современного русского языка", Крыловой И.П. и Крыловой Е.В. в "Английской грамматике для всех", Голубевой-Мокаткиной Н.И. в статье "Классификационное исследование вопросов и ответов диалогической речи", Geoffrey Leech, Jan Startwik в "A Communicative English Grammar" и R.A. Close в "A Reference Grammar for Students" мы составили общую классификацию вопросов, на основе которой и производились дальнейшие исследования речи мужчин и женщин. Все вопросительные предложения мы разделили на собственно-вопросительные, вопросительно-побудительные и вопросительно-риторические.

Собственно-вопросительные предложения заключают в себе вопрос, предполагающий обязательный ответ. Собственно вопросы имеют своей разновидностью общие вопросы, специальные и альтернативные вопросы. Общие вопросы ставятся с целью получения подтверждения (yes) или отрицания (no) его содержания. Общие вопросы в свою очередь мы делим на вопросительно-утвердительные, вопросительно-отрицательные, вводные общие и общие повторительные. Под вопросительно-утвердительными понимаются вопросы, которые, будучи обращенными к собеседнику, требуют лишь подтверждения того, что высказано в самом вопросе. Однако общие вопросительные предложения могут заключать в себе отрицание того, о чем спрашивается. Они задаются в отрицательной форме. Обычно это делается для придания вопросу эмоциональной окраски - удивления, разд-ражения, разочарования, а также могут означать, что спрашивающий рассчитывает получить отрицательный ответ на свой вопрос. Вводные вопросы ставятся с целью узнать мнение собеседника. В предложениях этого типа содержатся как бы два вопроса: один во вводном предложении, другой - в основном составе предложения. Специальные вопросы ставятся с целью уточнения и получения дополнительной информации по поводу какой-нибудь частности. Специальные вопросы мы в свою очередь делим на собственно специальные вопросы, краткие вопросы, вводные специальные и специальные повторительные.

Третьим основным типом собственно вопросов являются альтернативные вопросы, которые ставятся с целью предложить собеседнику сделать выбор между двумя предметами, действиями, качествами и т.д. Этот тип мы делим в свою очередь на 1) собственно-альтернативные, включающие также альтернативные вопросы в форме утверждения; 2) на составные вопросы с альтернативным повторением; 3) вводные альтернативные.

В отдельный класс мы выделяем вопросительно-побудительные предложения, в которых в форме вопроса выражается также волеизъявление говорящего, побуждение к действию. Побудительные предложения могут иметь форму утверждения и вопросительную интонацию (на письме выражаемую знаком вопроса), могут иметь усеченную форму и нести отрицательный семантический оттенок.

Семантически они могут иметь различную окраску и выступать в виде мольбы, просьбы, приглашения и приказа. В третий класс вопросов мы выделили так называемые риторические и встречные вопросы, выражающие всевозможные семантические оттенки эмоционального плана.

Обобщив полученные результаты, мы сделали вывод, что в использовании как вопросов вообще, так и отдельных их видов женщинами и мужчинами, существенных различий не наблюдается. Существует некоторый дисбаланс в использовании кратких общих вопросов типа (Is it, Really?) и др., где доминирует женский показатель, что может объясняться, с нашей точки зрения, особой коммуникативной интенцией женщин, стремящихся создать более комфортные коммуникативные условия для собеседника.

Список литературы.: 1. Coates J. Women, men and language. A socio-linguistic account of sex differences in language. London & New York. Longman, 1984.
2. Meillet A. Etudes de la linguistique générale // Meillet A. Linguistique historique et linguistique générale. II ed. P., 1926.

Поступила в редколлегию 1.09.1992 г.

Н.И.МАСЛОВА, канд. филол. наук

МЕТОДИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НОВЫХ ПАРАМЕТРОВ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ

В данной статье исследовательские параметры рассматриваются применительно к глагольным граммемам в англоязычной прессе и художественной прозе Индии, Великобритании и США.

Исходной информацией для анализа динамики глагольных граммем является табл.1 средних значений частот граммем.

1. Определение понятия индекс схождения.

1. Расстоянием между ареалами А и В по глагольной граммеме С в n-м году называем абсолютную величину разности частот C_A и C_B (C_A и C_B - граммема С в ареале А и В соответственно) в n-м году $\rho(A, B)_{C_n} = |C_A \text{ и } C_B|$ Например, по граммеме

$$\rho(IE/H/, BE)_{P.S.40} = |P.S.IE/H/ - P.S.BE|_{40} = |48.8 - 40.5| = 8.3;$$

по граммеме

$$\rho(IE/H/, BE)_{P.S.80} = |Pr.P.IE/H/ - Pr.P.BE|_{80} = |7.3 - 9.0| = 1.7$$

2. Считаём, что ареал А по отношению к ареалу В имеет отрицательную динамику. (по соответствующей граммеме С на интервале 40-80 гг.), если

$$\rho(A, B)_{C_{40}} - \rho(A, B)_{C_{80}} < 0,$$

т.е. расстояние между ареалами в 80-х годах больше, чем было в 40-х. (Положительной динамике соответствует обратное неравенство

$$\rho(A, B)_{C_{40}} - \rho(A, B)_{C_{80}} > 0).$$

Величину $\rho(A, B)_{C_{40}} - \rho(A, B)_{C_{80}} = \text{Ис}$ называем индексом схождения ареалов А и В по граммеме С в интервале 40-80 гг.

Пример: Из табл. 1 вычисляем

$$\rho(IE/H/, BE)_{P.S.80} = |P.S.IE/H/ - P.S.BE|_{80} = |59.2 - 49.5| = 9.7$$

Ис IE(H) к BE по граммеме P.S. в 40-80 гг.

$$\text{Ис} = \rho(IE/H/, BE)_{P.S.40} - \rho(IE/H/, BE)_{P.S.80} = 8.3 - 9.7 = -1.4.$$

Таким образом, отрицательному (положительному) индексу схождения соответствует увеличение (уменьшение) расстояния между ареалами А и В по граммеме С в 80-х годах по отношению к 40-м. Число отрицательных индексов схождения в дальнейшем кратко называем "числом расхождений", а число положительных - "числом схождения".

Индексы схождения вычисляются для каждой из семи граммем для четырех жанров для трех временных интервалов для шести пар ареалов IE(H) и IE(D), IE(H) и BE, IE(H) и AE, IE(D) и BE, IE(D) и AE, BE и AE и вносятся в табл. 2. Затем в табл. 2 подсчитывается число схождения и расхождений в каждом из 4-х жанров в каждой паре из 6-ти ареалов и вносится в числитель группы цифр в итоговой таблице 4. Первое число в числителях табл. 4 число схождения, 2-е число расхождений.

II. Показатель варьирования и тип варьирования.

Показатель варьирования (Пв) вводится для 2, 3 и более граммем. Остановимся на случае 2-х граммем, т.к. в основном анализ сделан для пар

граммем.

Показатель варьирования определяется при сопоставлении разностей частот граммем на данном временном интервале и определяется по разному, в трех случаях. 1₁ Если две граммы одновременно возрастают или одновременно убывают на данном временном интервале, то по определению показатель варьирования считаем равным нулю. Для обозначения варьирования граммем в этой работе применяется символ ∞ - знак подобия фигур в математике. В первом случае нулевому показателю соответствует знак ϕ (перечеркнутый знак варьирования) - отсутствие варьирования.

Пример. На интервале 40-60 гг. ВЕ, информация табл.1.

$$\Delta P.S. = P.S._{60} - P.S._{40} = 14.8, \quad \Delta P.P. = P.P._{60} - P.P._{40} = 3.4$$

$$\Delta P.S. + \Delta P.P. = 14.8 + 3.4 = 18.2$$

Обе граммы одновременно возрастают. В этом случае Пв равен нулю.

Пример 2. На интервале 60-80 гг. ареале ВЕ, информация, варьирование P.S. и P.P. представлено так (см. табл.1)

$$\Delta P.S. + \Delta P.P. = 49.5 - 55.3 + 3.9 - 7.7 = -5.8 - 3.8 = -9.6 \text{ Обе граммы одновременно убывают. Пв} = 0.$$

1₂ Если из двух граммем на данном временном интервале одна возрастает, а другая убывает, и абсолютная возрастания одной граммы больше абсолютной величины убывания другой, то Пв называем абсолютную величину убывания второй граммы и считаем, что первая граммема варьируется со второй (замещает вторую).

Пример 3. P.S. и P.P., информация, 40-80 гг.

$$\Delta P.S. + \Delta P.P. = 9.0 - 0.4 = 8.6$$

$$P.S. \infty P.P., \text{ Пв} = 0.4$$

1₃ Если из двух граммем на данном временном интервале одна возрастает, а другая убывает и абсолютная величина возрастания одной граммы меньше абсолютной величины убывания другой, то Пв в этом случае называем абсолютную величину возрастания первой граммы и варьирование называем неполным.

(Первая граммема не полностью замещает вторую). Обозначение ∞ (знак "меньше" и "подобие" одновременно).

Пример 4. P.S. и P.P., IE/H/, информация, 60-80 гг.

$$\Delta P.S. + \Delta P.P. = -2.4 + 1.2 = -1.2$$

$$P.P. \infty P.S., \text{ Пв} = 1.2$$

Каждая из записей ϕ , P.S. ϕ P.P., P.P. ∞ P.S., а также P.P. ϕ P.S.,

P.S. ∞ P.P. определяют тип варьирования.

Вводим понятие схождения или расхождения ареалов по типу варьирования.

Если в двух ареалах на двух или трех временных интервалах типы варьирования данных граммем совпадают, то эти два ареала сходятся (сближаются) по характеру варьирования этих граммем. Совпадение типов варьирования двух граммем означает, что эти граммы одинаковым образом изменялись на данном временном интервале, например, P.S. и P.P. в IE/H/ и IE/D/ в 40-60 гг. и 40-80 гг. информация, табл. 6, стр. 5, тип ϕ . Совпадение типов варьирования таким образом и количественная и качественная характеристика явления варьирования.

Для 10 пар грамем, 4-х жанров и 4-х ареалов в работе строится таблица 3 данных для определения типа варьирования и определения факта схождения или расхождения ареалов по характеру варьирования. Число схождения и расхождений для шести пар ареалов и 4-х жанров вносится затем в знаменатели групп чисел итоговой табл. 4. Первое число в знаменателе - число схождения по типу варьирования, второе - число расхождений.

Анализ итоговой таблицы 4 позволяет сделать выводы о сближении или расхождении ареалов IE/H/ и BE и т.д. по качественному (тип варьирования) и количественному (индекс схождения) аспекту варьирования и в целом по совокупности этих аспектов.

Аналогичный анализ проведен и для вербидов, но об этом будет доложено в следующей статье.

Таблица 1.
Частоты личных форм глагола

Ареалы Граммемы	IE(H)			IE(D)			BE			Ис IE(H) → BE		
	40	60	80	40	60	80	40	60	80	40-60	40-80	60-80
Информация	23.5	10.8	12.4	16.8	11.5	12.4	29.3	17.0	-24.1	-0.4	-5.9	-5.5
Present Simple	10.4	4.8	7.3	9.8	4.6	7.2	10.1	5.2	9.0	-0.2	-1.5	-1.3
Present Perfect	48.8	61.6	59.2	52.3	57.8	59.1	40.5	55.3	49.5	-2.0	-1.4	-3.4
Past Simple	3.6	1.0	1.9	2.4	2.3	1.7	9.4	3.2	3.0	3.6	4.7	1.1
Present Continuous	5.1	8.9	10.1	6.9	8.6	8.8	4.3	7.7	3.9	-0.4	-5.4	-5.0
Past Perfect	0.6	3.8	1.8	2.6	1.4	2.8	0.6	1.8	2.0	-2.0	-0.2	-1.8
Past Continuous	4.2	2.7	2.5	3.4	6.5	2.4	4.7	4.0	4.6	-0.8	-1.6	-0.8
Future Simple												

Таблица 7.
Индексы схождения

Таблица 6.
Данные для определения качественного характера варьирования

Жанры	Ареалы Годы	IE(H)	IE(D)	BE
ΔP.S.+ΔP.P.	40-60	12.8+3.8=16.6	5.5+1.7=7.2	14.8+3.4=18.2
Информация	40-80	10.4+5.0=15.4	6.8+1.9=8.7	9.0-0.4=8.6
	60-80	-2.4+1.2=-1.2	1.3+0.2=1.5	-5.8-3.8=-9.6

Таблица 11. (Итоговая)
Динамика варьирования личных форм

Ареалы Жанры	IE(H)→IE(D)	IE(H)→BE	IE(H)→AE
Информация	15:6	5:16	6:15
	8:2	7:3	1:9
Письма	10:11	10:11	9:12
	1:9	3:7	0:10
Худ. проза	16:5	15:6	13:8
	1:9	1:9	4:6

Поступила в редколлегию 1.03.1993 г.

ДРАМАТУРГИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ СИНТАКСИСА УСТНОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Как известно, персонажная речь любого художественного произведения не является полным аналогом устной разговорной речи (УРР), а является стилизацией последней. Сказанное в полной мере относится и к драматургической персонажной речи (ДПР), которая является составной частью драматургического текста (ДТ).

УРР - это реально звучащая речь, которая отличается спонтанностью, неофициальностью общения, а ДПР - неотъемлемая часть художественного произведения и подчиняется законам художественного творчества.

В драматургическом произведении преломляются различные сферы жизни человека, поэтому ДПР отражает не только особенности УРР, но и других форм коммуникации. В частности, в ДТ встречаются многочисленные публичные выступления, являющиеся образцами подготовленной официальной речи, написанными по законам ораторского искусства и не допускающими использования нестандартной лексики и т.д. Таким образом, по функциональному диапазону ДПР гораздо шире, чем УРР.

В связи со сказанным возникает вопрос о степени достоверности и надежности ДТ как источника изучения различных аспектов УРР, в том числе и синтаксического.

Как известно, одни исследователи считают драматургический текст вполне надежным источником информации о реальной речи (Беркнер, Скребнев), другие предпочитают работать с записями звучащей в действительности речи, не допуская возможности использования образцов художественной литературы (Квирк).

Для того, чтобы дать более определенный ответ на вопрос о правомерности использования ДПР в целях изучения синтаксиса УРР, проведем сопоставительный анализ по ряду признаков и параметров.

Как известно, спонтанный характер УРР приводит к тому, что процесс прохождения речи происходит непосредственно в присутствии получателя сообщения, адресата. При этом дают себя знать несовершенства речемыслительного аппарата, что вызывает появление значительного речевого брака. Это касается и структурно-синтаксических построений. Сложности прохождения речи приводят к ослаблению синтаксических связей между частями дискурса, а нередко и к их невыраженности, неоформленности. Эта специфическая особенность УРР отмечается во многих работах, посвященных данной проблеме [2; 5; 6; 7; 8].

В результате этого в отличие от кодифицированного литературного языка поток УРР трудно разбить на столь упорядоченные структурно-логические единицы, каковыми являются предложения. Поэтому в качестве основной синтаксической единицы УРР предлагается считать высказывание [3, с.133]. Границы высказывания определяются рамками одной или нескольких фраз, под которыми в свою очередь, понимаются части дискурса с соответствующей интонацией законченности. Фраза же состоит из более мелких интонационно-логических звеньев - синтагм. Иными словами, целесообразным представляется интонационный принцип расчленения дискурса.

Предлагаются также и другие принципы расчленения потока устной речи, отличные от традиционного. Так, О.А. Лаптева считает, что устный речевой поток делится на некоторые отрезки, порции, которые она называет сегментами [6, с.83] и которые отделяются друг от друга паузой, перепадом тона.

Исследовательница отмечает, что автономность сегмента позволяет ему ослабить свои лексико-грамматические и семантические связи с предшествующими частями (ibid).

По сути дела, высказывание и сегмент весьма близки по структурно-семантическим свойствам. И в первом и во втором случае мы имеем дело с нетрадиционным подходом к членению УРР. Нам представляется, что такой подход, признающий сегментированный способ производства речи, позволяет более точно представить специфику УРР и выйти из того тупика в синтаксическом плане, в который мы неизменно попадаем при традиционном подходе, вполне оправдывающем себя при анализе книжной речи.

Таким образом, для синтаксиса УРР характерно использование смысловых связей между компонентами, в то время как структурно-морфологические оказываются ослабленными.

Анализ англоязычных пьес XVI-XX в.в. показал, что в большинстве произведений драматургии весьма четко выражен принцип построения, характерный для кодифицированной литературной речи, с четким делением массива ДПР на предложения в их традиционном понимании. Гораздо реже авторы пьес исповедуют иной принцип построения речи персонажей, при котором поток ДПР состоит из отрезков, по своим характеристикам приближающимся к уже упомянутым сегментам или высказываниям, которые свойственны УРР.

Наиболее точный синтаксический рисунок, отвечающий специфике УРР, наблюдается в пьесах американских драматургов XX в. Однако следует заметить, что попытки написать ДПР по законам УРР, как правило, заканчивались неудачей, так как это вело к нарушению законов художественного творчества и затруднению слухового восприятия речи. Подобные эксперименты проводились во многом под влиянием техники "потока сознания", которая получила распространение в прозе XX в. Эта тенденция особенно четко проявила себя в творчестве драматурга С. Треуэлл.

В целом же ДПР отличается большей структурно-логической упорядоченностью и более тесными морфологическими связями. Речевой поток разбит на реплики, которые, в свою очередь, представлены традиционными для кодифицированной речи предложениями, оформленными по законам письменной речи с помощью соответствующих знаков препинания - точки, вопросительного или восклицательного знака. И только в рамках последних имеют место отдельные случаи ослабления структурно-морфологических связей, что отражается на письме с помощью тире или многоточий: Bill (off stage) : You're going to hear it anyhow...so...last Saturday they caught him down in the dunes, naked [9, p. 228].

Как видно, в данном случае происходит структурно-синтаксический слом. Граница между двумя интонационно-логическими блоками обозначена двойным многоточием и заполнителем пауз - so.

Для УРР характерна, как показали наши наблюдения, челночная организация речевого потока, предусматривающая невольный возврат к тому или иному опорному слову для последующего развития мысли. Челночное движение речевого потока в УРР обусловлено несовершенством речемыслительного аппарата. Спонтанность приводит к открытости его черновой работы.

Подобное челночное движение можно зафиксировать и в ДПР: Laura: Yes, I've been lonely here, miserably lonely... and my heart in its loneliness cried out for this boy...cried out for the comfort give me too [9, p. 311].

Как красноречиво свидетельствует приведенный пример, а также исследование обширного массива ДПР различных произведений, в ДТ челночное движение передается только тогда, когда оно выполняется, или должно выполнить, двойную функциональную нагрузку: не только отражает неровность спонтанной

речи, но и служит дополнительным средством передачи эмоционального состояния адресанта. Подчеркнем, что в УРР подобное построение высказываний наблюдается в любой, в том числе и весьма спокойной, обстановке, когда нет ярко выраженных причин для эмоционального всплеска. Говорящий в это время нередко испытывает сугубо технические трудности речепроизводства.

В целом сфера применения избыточных синтаксических элементов, одно из которых мы только что проанализировали, в ДПР резко ограничена, в то время как в УРР это вполне обычная вещь. Во многом такое намеренное сужение сферы использования избыточных конструкций объясняется прагматической установкой ДТ, его конечным слуховым восприятием. Сложные речевые нагромождения, не достаточно определенно связанные в структурно-логическом плане, плохо воспринимаются: реципиенту в этом случае трудно выделить главное смысловое ядро и отделить его от второстепенной информации. В ДПР нет пустых повторов - каждый повтор несет определенную смысловую нагрузку.

Вместе с тем имеется целый ряд избыточных элементов, которые достаточно часто наблюдаются и в ДПР. Это объясняется тем, что они не затрудняют восприятие речи на слух, а помогают конкретизировать мысль говорящего. К таким избыточным элементам относится так называемый "предваряющий ориентир" (термин Скребневa). В этом случае ядро самостоятельного номинативного предложения или клоза коррелирует по смыслу с членами последующей структуры. Однако такие структуры в ДПР сравнительно немногочисленны. Гораздо чаще имеет место то, что можно было бы назвать финальным конкретизатором. В этом случае номинативная структура коррелирует по смыслу с предшествующим высказыванием: Arnie: just getting it all organized. Everyone in the best of terms. Pleasantries, cordialities, sparks within a fire [13, p. 211].

Нам представляется, что и для ориентира, и для конкретизатора можно применить термин "номинативное представление" по аналогии с "именительным представлением" - термином, имеющим широкое хождение в русистике [2].

Весьма часто в ДПР встречается другая избыточная структура УРР - пролепис: подлежащее при этом соотносится со своим сказуемым опосредованно, через местоименный субститут: Marco: My wife - she feeds them from her own mouth [10, p. 324].

Ю.М. Скребнев считает, что пролепис особенно широко распространен в фольклоре. Наше исследование показало достаточно широкое использование его и в ДТ.

Довольно широко представлена и обратная конструкция, которую Ю.М. Скребнев называет антиципацией [8], а М. Шлаух - репризой [12]. Здесь подлежащее, выраженное существительным, занимает постпозицию по отношению как к сказуемому, так и к его местоименному субституту: Joan: She should have been back by now. That girl [132, p. 239].

Исследование показало, что такие репризы весьма популярны в ДТ XVI-XVII вв., так как помогали создавать четкий ритмический рисунок партии персонажа.

Итак, мы рассмотрели лишь некоторые особенности УРР в сопоставлении с особенностями ДПР на синтаксическом уровне. Однако даже этот небольшой анализ позволяет сделать некоторые выводы:

1. В синтаксическом плане ДПР и УРР не являются абсолютно тождественными.

2. Синтаксическая организация ДПР подчиняется законам художественного творчества, что требует учета особенностей перцептивного порядка. Слуховое восприятие ДТ жестко ограничивает число избыточных конструкций, порождаемых несовершенством речемыслительного аппарата.

3. ДПР и УРР безусловно имеют обширную область пересечения, что позволяет использовать ДТ в качестве источника для изучения многих синтаксических особенностей живой разговорной речи.

Список литературы.: 1. Беркнер С.С. Развитие языка английской драмы и его место в функционально-стилистической системе национального языка (XVI-XX в.в.): Автореф. дис. ... доктора филол. наук. - М., 1988. - 34 с. 2. Бондалетов В.Д. и др. Стилистика русского языка. - Л., 1989. - 223с. 3. Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. - М., 1979. - 239 с. 4. Кожевникова К. К вопросу художественного воспроизведения высказывания повседневной устной речи в литературном произведении. - *Ceskoslovenska rusistika*. - 1965. - №2. 5. Кожина М.Н. Стилистика русского языка - М., 1977. - 223 с. 6. Лаптева О.А. Дискретность в устном монологическом тексте // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. - М., 1982. - С.77-106. 7. Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности. - М., 1974. - 144 с. 8. Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику. - Саратов, 1985. - 209 с. 9. Anderson R. Tea and Sympathy // *Best American Plays*. - N.Y., 1977. - Vol.4. - P. 279-314. 10. Miller A. A View from the Bridge // *Best American Plays*. - N.Y., 1977. - Vol.4 - P. 315-346. 11. Quirk R. Colloquial English and Communication // *Studies in Communication*. - L., 1955. - P. 181-182. 12. Schlauch M. The English Language in Modern Times. - Warszawa, 1959. - 316 p. 13. Storey D. The Restoration of Arnold Middleton // *Modern English Drama*. - М., 1984. - P. 159-274.

Поступила в редколлегию 1.09.1993 г.

**Л.М.МИНКИН,
В.П.СИМОНОВ**

ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ОБЩЕВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Текст можно исследовать - "снизу" и "сверху". "Сверху" исследуются общие закономерности, прослеживается роль различных компонентов текста, их взаимодействие. "Снизу" исследование текста начинается с анализа языков, фактов, принимающих участие в текстообразовании [1]. При анализе таких фактов выявляется подчас целый ряд особенностей, которые имеют непосредственное отношение к общим характеристикам текста. Речь, например, может идти об элементах предложения, которые обеспечивают непрерывность смыслового развития текста. Грамматические средства, предопределяющие динамику прямонаправленной связанности текста, могут быть заданы языковой системой в отдельном предложении или же употребляться только в речевом высказывании [2]. Наибольший интерес представляет вопросительное предложение, которое коммуникативно всегда ориентировано вперед, на дальнейший ответ. Вопрос побуждает к развертыванию контекста. Функция прямонаправленности является для вопроса, в отличие от других коммуникативных типов предложения (сообщения и побуждения), обязательной. Это, естественно, не касается вопросов, которые сохраняют вопросительную форму для более экспрессивного выражения сообщения или побуждения.

Рассмотрим значения ряда грамматических средств, их взаимодействие в выражении целенаправленной коммуникативной функции общевпросительного предложения французского языка.

Кооперирование языковых средств может оказывать значительное влияние на целенаправленность вопросительного предложения. При этом часто основное коммуникативное задание, объективный признак собственно-вопросительного предложения, не изменяется. Субъективное же осмысление говорящим целенаправленности вопроса создает различную коммуникативную перспективу высказывания. Иными словами, в общую коммуникативную задачу "вызвать ответ, соотносительный с вопросом" [3] говорящий вносит свои коррективы, выражает свое отношение к содержанию высказывания, стремится иногда предсказать содержание возможного ответа.

Пользуясь набором определенных средств (их значений), говорящий может попытаться "запрограммировать" предполагаемый ответ. Среди средств, взаимодействующих со значением целевой установки, выделяется основное средство - значение, которое совместно с другими элементами принимает активное участие в формировании общего коммуникативного содержания вопросительного предложения. Это модальное значение наклонения глагола-сказуемого, обязательная характеристика сказуемой связи. В типовых парадигматических структурах вопросительных предложений модальное значение связи подлежащего и сказуемого является неслучайным элементом формы, не оказывающим влияния на закономерности построения предложения. Модальное значение наклонения оказывает различное влияние на коммуникативное содержание вопроса. Времена индикатива, локализирующие глагольное действие в настоящем, прошедшем и будущем, обнаруживают обычно нейтральное отношение говорящего к характеру предполагаемого ответа. Напротив, гипотетическое будущее (кондиционал) используется в вопросе как определенный показатель заинтересованности говорящего в содержании ответа.

Данные характеристики относятся прежде всего к парадигматическим структурам. В синтагматическом плане, при наличии других средств, модальное значение наклонения вопросительного предложения приобретает иные оттенки. Характерно, что для вопросительных предложений со сказуемым в индикативе (кроме кондиционала) в зависимости от наличия или отсутствия предикативного отрицания во французском языке установлены определенные нормы ответов. Нормативное распределение вопросов и ответов можно резюмировать так:

Est-ce vrai? - - - Oui/Non.

N'est-ce pas vrai? - - - Non/Si [4].

Для вопросительных предложений с глаголом-сказуемым в гипотетическом будущем нормы предполагаемых ответов не определены. Все средства, взаимодействующие с модальным значением наклонения как объективным и обязательным компонентом предложения, объединим в соответствии со сложившейся традицией в средства выражения субъективно-модальных значений, которые заключают "характеристику отношения к сообщаемому, экспрессивное выражение тех или иных эмоций говорящего по поводу содержания сообщения" [5].

В сфере парадигматического синтаксиса может быть обнаружена только объективная модальность [6]. Среди субъективной модальности формы отрицания занимают особое место. Отрицание представляет многофункциональную синтаксическую категорию [7].

В оппозиционных парадигматических структурах повествовательного и вопросительного предложений формы предикативного отрицания реализуют различное категориальное значение.

La raison est simple. Avec eux, il n'y pas d'obligation. (A. Camus)

N'arriverons-nous pas bientôt? (A. Gide)

В повествовательном предложении форма отрицания выражает негативный

характер связи подлежащего и сказуемого на конструктивно-синтагматическом и коммуникативном уровне. В общем вопросе связь между подлежащим и сказуемым лишь формально отрицательна, коммуникативное содержание данной связи не определено. Форма *ne...pas* не выражает негативности синтаксической связи, потому ее отсутствие не изменяет общего содержания вопроса. Ср. *arriverons - nous bientôt?* Роль *ne...pas* в общем вопросе сводится лишь к передаче отношения говорящего к содержанию высказывания.

Итак, лишь в общевпросительных предложениях форма *ne...pas* функционирует как средство субъективной модальности. В повествовательном предложении *ne...pas* выполняет собственно-отрицательные функции, которые не могут быть сведены ни к субъективно, ни к объективно модальным отношениям [8].

Отрицание выступает как дифференциальное средство в парадигме повествовательного предложения при противопоставлении утвердительных и отрицательных фраз. В межпарадигматической оппозиции "повествовательное - (общее) вопросительное предложение" значение отрицания нейтрализуется.

В форме *ne...pas* вторая часть, слово *pas*, лишена полностью лексического значения и поэтому вся форма наиболее пригодна для выполнения грамматических задач. О различном значении формы *pas* в вопросе говорит Р. Лебидуа. По его мнению, в таких предложениях как:

1) *On ne peut pas les visiter? - Mais non...* [Proust, VII. 225]

2) *Vous n'allez pas ce soir au bal de Mme de Sagan* [Proust, VI. 218]

отрицание имеет полное значение [9]. В предикативном сочетании первого предложения *pouvoir* + инфинитив отрицание взаимодействует с лексическим модальным значением глагола *pouvoir*. Значение индикатива смещается в сферу возможного, возможность исключает реальность действия (оно может быть и может не быть). Говорящий не стремится выяснить возможность или невозможность осуществления действия, а старается лишь уточнить мнение собеседника. Именно такое содержание вопроса вызывает эффективное подтверждение: "*Mais non...*". По коммуникативному заданию подобное предложение приближается к повествовательному, грамматическая роль отрицания возрастает. Второе предложение, приведенное Р. Лебидуа вне контекста, представляет некоторые трудности для анализа. Возможен просто вопрос в отрицательной форме, на который говорящий ожидает утвердительный ответ. Однако Р. Лебидуа имел, видимо, в виду запрещение, которое может содержать такой вопрос. Тогда отрицание приобретает то же значение, что и при императиве. Ср. *Faites-le. Ne le faites pas*. По коммуникативному содержанию вопросительное предложение приближается к повествовательному. Отрицание действует как грамматический показатель, который подчеркивает неосуществление действия в связи с желанием говорящего. Наконец, в третьем предложении, приведенном Р. Лебидуа:

Mais alors, vous n'êtes pas brouillés? (Proust II, 283)

В форме вопроса выражается констатация, отрицание сохраняет полное грамматическое значение. В этом предложении сочетание *mais alors* изменяет коммуникативное задание высказывания.

Анализ примеров, приведенных Р. Лебидуа, свидетельствует, что отрицание перестает быть средством субъективной модальности, как только изменяется основное коммуникативное задание формально-вопросительного предложения. Поэтому нельзя безоговорочно принимать утверждения некоторых грамматиков о том, что отрицание в общевпросительном предложении всегда подготавливает утвердительный ответ. Так, рассматривая значение *personne, rien, jamais, aucun* etc. в вопросительных предложениях, Л. Кледа говорит, что утвердительная форма

вопроса типа *Viendra-t-il jamais?* где *jamais* имеет положительное значение, коррелирует в основном с отрицательным ответом (*Non*), а отрицательная форма: *Ne viendra-t-il jamais?* - с положительным (*Si*) [11]. В составе диалогического единства, когда позиции двух говорящих (А и В) распределяются по схеме вопрос-ответ утвердительный ответ, по мнению С. Карцевского, может быть детерминирован в зависимости от наличия отрицания у предиката вопроса [12]. Очевидно, что и Р. Лебидуа остановился бы на половине пути, если бы отметил только полное значение отрицания в вопросе. В предложениях:

3) *Vous ne vous ferez pas le plaisir de dîner avec nous?* [Proust, V, 257]

4) *Vous ne trouvez pas ça joli tous ces arbres...?* [Proust, I, 28]

5) *Ce n'est pas votre avis, princesse?* [Proust, II, 287]

по мнению Р. Лебидуа, говорящий, используя отрицание, подчеркивает свою заинтересованность в положительном ответе, оставляя, однако, за собеседником право принять свое решение [13]. Как и в примерах с полным отрицанием, Р. Лебидуа не проводит более детального анализа вопросительных предложений из произведений Б. Пруста. В последних предложениях (3 и 4) сохраняется основное коммуникативное задание вопроса. По значению предполагаемого ответа, который детерминируется прежде всего предикативным отрицанием *ne...pas*, предложения 3, 4, 5 можно было бы назвать, пользуясь терминологией некоторых авторов, "подтверительно-вопросительными" [14].

Ни один из грамматистов, рассматривающих роль отрицания в общем вопросе, не связывает его значение со значением наклонения. Лишь Р. Жоржен ограничивается замечанием о том, что отрицание и кондигионал могут одновременно присутствовать в вопросе:

On ne pourrait pas ouvrir un peu la fenêtre? (Marcel Archard. *Jean de la Lune*, acte premier, scène II) [15].

Взаимодействие значения гипотетического будущего и отрицания подготавливает утвердительный ответ. Очевидно, что по аналогии с вопросами в индикативе, можно определить нормативные ответы и для вопросительных предложений в кондигионале. Часть этих ответов детерминируется в вопросе значением наклонения, отрицания, утверждения. При этом ответы следует рассматривать в оппозиции "детерминированный-недетерминированный".

Обобщенное значение времен индикатива и кондигионала (гипотетического будущего) собственно выражают значения констатации и вероятности. Последние мы относим к коммуникативной сфере высказывания. Взаимодействие коммуникативных значений: вопросительность (целевая установка), модальность (констатация), вероятность и отрицание в конечном итоге детерминирует содержание предиката (нового) ответного предложения последующего текста.

Общевопросительное предложение

Модальное значение констатации	Модальное значение вероятности
1. <i>Vous avez vu les tanks allemands?</i> (A. Malraux) dans le théâtre?	3. <i>Son frère l'aiderait-il à se lancer</i>
2. <i>N'avez-vous pas vu les tanks allemands?</i>	4. <i>Son frère ne l'aiderait-il pas à se lancer dans le théâtre?</i>

В предложении 1 и 2 сам факт констатации действия не подвергается сомнению, в вопросе остается неизвестным, утвердительный или отрицательный характер имеют констатации. Во втором предложении субъективно-модальное отрицание (по контрасту) подготавливает утвердительный ответ. Взаимодействие модального значения вероятности и вопросительности (предложение 3)

детерминирует отрицательный ответ. Отрицание 4-го предложения снимает значение вероятности действия, в итоге говорящий рассчитывает на утвердительный ответ. В целом оппозицию "детерминированный-недетерминированный" ответ" можно представить следующим образом:

Общий вопрос	
Констатация	Вероятность
1) Утверждение ----- OUI/NON	3) Утверждение ----- NON/OUI
2) Отрицание ----- SI/NON	4) Отрицание ----- SI/NON

В каждой оппозиционной паре левые ответы детерминированы, правые - недетерминированы. Оппозиция ответных предикативов нейтрализуется только в одном [1] из четырех вариантов. Соотношение ответов в трех случаях подтверждает высказанное предположение о том, что наклонение и отрицание в собственно общих вопросительных предложениях оказывают значительное влияние на коммуникативную перспективу вопроса [16].

В широкой речевой практике в вопросительных предложениях смещается часто основная коммуникативная направленность. В таком случае на коммуникативном уровне нейтрализуется действие некоторых потенциальных средств субъективной модальности (ср. проведенный выше анализ примеров из работы Р. Либидуа). В единичных случаях изменение значения наклонения глагола-сказуемого происходит в вопросах со смещенной коммуникативной установкой. Так, модальный глагол *pourriez* в форме 2-го лица гипотетического будущего используется в вопросительных предложениях для выражения вежливой просьбы:

Pourriez-vous y passer et vous charger de remettre vous-même le dessin à Wanda?
(A. Maurois)

Pourriez-vous M. Le Professeur, nous donner votre avis sur ce point qui passionne nos lecteurs? (France Nouvelle, 26.11.1969, p.15). Коммуникативная установка такого вопроса становится повелительной. Сочетание *pourriez-vous* представляет грамматически фразеологизированную форму выражения просьбы, в которой гипотетическое будущее - формальный показатель. В тех случаях, когда подлежащее глагола *pourvoir* в гипотетическом будущем не выражает адресата вопроса, коммуникативная целенаправленность предложения сохраняется:

Pourrait-on envisager l'achat d'un tandem ou d'une motocyclette (R. Sabatier) Отметим, что глагол-сказуемое в гипотетическом будущем сохраняется преимущественно в форме 3л. ед.ч. и реже 2л. ед. и мн. числа. Такое неполное использование морфологической парадигмы глагола в вопросительном предложении симптоматично в том смысле, что инверсионное построение ограничено не только модальным значением, но также морфологической категорией лица. В коммуникативном плане последнее ограничение компенсируется неопределенно-личным местоимением *on*.

Et voilà qu'il retourne dans cette maison maudite.

Est-ce qu'on devrait tolérer des choses pareilles dans une société civilisée?
(L. Aragon)

Если подлежащее общевпросительного предложения с глаголом-сказуемым в гипотетическом будущем представляет самого говорящего, то такой вопрос приобретает риторическое значение:

Devrais-je traiter avec le Diable? Trop tard.... (A. Maurois)

Сложная форма гипотетического будущего во взаимодействии со значением

вопроса подчеркивает более категорическое отношение говорящего к содержанию предполагаемого ответа:

Aurais-tu oublié aussi celui-là? s'ecria Boubou (Chr. Rochefort).

L'aurait-il voulue jalouse? De qui d'ailleurs? (L. Aragon)

Таким образом, прямонаправленная связь коммуникативного плана реализуется в общем вопросе, сохраняющем основное значение целеустановки. Грамматические средства, значения которых воздействуют на коммуникативную перспективу высказывания, относятся к его прагматической стороне. Кроме грамматического и прагматического значений, рассмотренные средства отличаются определенной стилистической значимостью - они "работают" в основном в конструкциях разговорной речи. Вопросы прямонаправленной связи коммуникативного плана в сочетании с прагматическими и стилистическими функциями рассматриваемых средств представляют несомненный, хотя и очень частный, интерес для лингвистики текста.

Список литературы и примечаний: 1. Безменова Н.А., Ромашко С.А. Традиции в исследовании текста. В кн.: Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М., 1982, с. 178. 2. О грамматических средствах прямонаправленной связанности текста см. Пфутце М. Грамматика и лингвистика текста. В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М., 1978, с. 219-240. 3. См. Смирницкий А.И., Синтаксис английского языка. М., 1957, с. 259. 4. Об отклонениях от этой нормы см. Ноубе Р. "Oui", "si" et "non" et faire quelque chose. Le français moderne, 1939, №1. 5. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960, с. 16. О двуплановости модальных значений см. Будагов Р.А., Проблема гипотетической модальности в романских языках. Известия АН СССР. Отделение языка и литературы. 1947, т.VI, в.2. 6. Ср. "Категории объективной модальности и синтаксического времени в парадигматических отношениях". В кн.: Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М., 1966, с.148. 7. См. Минкин Л.М. Категория отрицания в современном французском языке. Автореферат канд. дисс., Л., 1963. 8. Вопрос о характере взаимоотношений категории отрицания и модальности до сих пор остается дискуссионным. Мы разделяем точку зрения исследователей, считающих, что отрицание и модальность — две независимые грамматические категории. См. Васильева С.А. К постановке вопроса о так называемом отрицательном наклонении. Сб. работ Ленинградского технологического института пищевой промышленности, 1958., Шендельс Е.И., Отрицание как лингвистическое понятие. Уч. зап. I МГПИИЯ, т.19, 1959; Шипулин А.Л.П. Отрицательные повествовательные предложения в английском языке XV - нач. XVIII вв. Автореферат канд. дисс., Л., 1962, с. 7-8; Минкин Л.М. Ук. соч. Ср. противоположную точку зрения; Ходеева-Быкова А.А. К определению категории наклонения. Уч. зап. МОПИ, т.44. вып.3; Frei H. La grammaire des fautes, 1929, p. 157; Арская Р.Н. Утверждение и отрицание, выраженные модальными словами в итальянском языке. Уч. Зап. I МГПИИЯ, т.XXV, 1961. 9. R. Le Bidois. L'inversion du sujet dans la prose contemporaine. P. 1953, p. 47-48. 10. R. Le Bidois. Ук. соч., с. 48. 11. Clédat L. Essais de sémantique. Les formules négatives. Revue de philologie française et de littérature. t.XVI, 1902, p.203, P. 12.С. Карцевский рассматривает некоторые схемы диалогических единств на материале русского языка. См. Карцевский С. Deux propositions dans une seule phrase. Cahiers Ferdinand de Saussure. 1956, №14. R. Le Bidois. Ук. соч., с.48. 14. Однако мы сомневаемся в необходимости выделять подтвердительно-вопросительные предложения в самостоятельный тип. Ср. Фридман Л.Г. Вопросительные предложения в

современном немецком языке. Автореферат канд. дисс. М., с.4. 15. Georgin K. Consultations de grammaire, de vocabulaire et de style. P., p. 126. 16. Сп. М и н к и н Л.М. Коммуникативная перспектива общевпросительных предложений во французском языке. Сб. "Теория и практика лингвистического описания разговорной речи". Тезисы докладов. Горький, 1966; И в ш и н В.Д. Коммуникативное членение вопросительно-отрицательных предложений и особенности их употребления в разговорной речи. - Сб. "Теория и практика лингвистического описания разговорной речи". Горький, 1968.

Поступила в редколлегию 1.09.1992 г.

А.И.МИТРОФАНОВ
В.С.ПОЛИНА

ФОНОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕКОТОРЫХ ЭКСПРЕССИВНЫХ ФРАЗ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В РЕЧИ БИЛИНГВА

В данном экспериментальном исследовании экспрессивность (выразительность) понимается как оптимальный способ передачи мыслительного содержания в момент речи [1]. Содержательность речи становится особенно яркой, когда она облечена в экспрессивную форму, которая достигается единицами всех подсистем языка.

Просодическая экспрессивность остается в настоящее время недостаточно изученной, что затрудняет контрастивное описание просодических средств экспрессивности разных языков и исследование интерференции в данной области.

В ряду экспрессивных просодических средств особое место по своей значимости занимают высотно-тональные средства. Их роль в создании экспрессивности текста информационного подстиля жанра короткого информационного сообщения (КИС) в английском и русском языках недостаточно изучена. В связи с тем, что указанные тексты являются учебным материалом на переводческом отделении в Харьковском госуниверситете, возникла необходимость определения комбинаций просодических средств, типичных для данных текстов в английском и русском языках.

Цель исследования. Целью данного исследования является:

- 1) определение высотнотональных средств логической экспрессивности в английских и русских текстах, принадлежащих к информационному подстилю жанра КИС;
- 2) описание типологического сравнения этих средств в обоих языках;
- 3) обозначение зоны потенциальной интерференции со стороны родного языка;
- 4) определение типов просодической интерференции в экспрессивной речи билингва.

Материал исследования.

Исследовались 14 английских и 14 русских текстов информационного подстиля жанра КИС, озвученных радиодикторами "Би-Би-Си" и "Маяк" соответственно, эти же 14 английских текстов, озвученных носителем языка, преподавателем из Великобритании и испытуемыми.

Аудиторский корпус. Варианты прочтения английского текста были представлены 5-ю носителями языка - 4-мя дикторами "Би-Би-Си" и одним преподавателем из Великобритании; русские тексты были прочитаны 2-мя дикторами радиостанции "Маяк" и 1 преподавателем-филологом ХГУ. Все

дикторы мужчины.

Отбор испытуемых. Исследование было проведено среди студентов I и II курсов переводческого отделения факультета иностранных языков ХГУ. Испытуемые - 31 человек, все лица мужского пола в возрасте от 17 до 29 лет, все изучали английский язык в школе до поступления в ХГУ.

Процедура исследования. Для выявления и описания высотно-тональных средств экспрессивности в текстах информационного подстиля жанра КИС в английском и русском языках были записаны на магнитофонную пленку по 14 текстов радиостанции "Би-Би-Си" и "Маяк". Затем для удобства статистической обработки на отпечатанном варианте этих текстов была произведена фонетическая разметка в соответствии с их озвученной интерпретацией.

Выделение наиболее важной информации происходит с помощью реализации говорящим определенной комбинации высотно-тональных просодических средств, что придает, наряду с объективностью, и субъективный подход к подаче материала [3].

Дикторы радио и телевидения профессионально подготовлены не только для выразительного прочтения текста, но и для воздействия на аудиторию - прямую ориентацию на слушающего, т.е. они используют комбинацию просодикоинтонационных средств, характерных для субъективной интерпретации текста, как будто он исходит от самого диктора.

Альтернативный подход к прочтению того же текста может быть объективный, не "войти" в текст, не "играть" его, а быть вне текста, прочитать только то, что передано знаками, т.е. речь идет о косвенной ориентации на слушающего [3]. Для анализа высотно-тональных средств, характерных для объективной интерпретации, мы записали на магнитную пленку прочтение 4-х из 14 вышеуказанных английских текстов носителем языка, преподавателем из Великобритании, и перенесли его фонетическую разметку на напечатанный текст.

Затем эти же 4 текста были прочитаны испытуемыми и их варианты фонетической разметки были перенесены на печатные тексты с целью определения типов просодической интерференции в экспрессивной речи билингвов.

Результаты исследования.

В ходе количественного анализа данных о типичных просодических структурах английских экспрессивных фраз были выявлены следующие типичные компоненты просодии:

- 1) скользящая нисходящая шкала с нарушенной постепенностью;
- 2) одноакцентные шкалы + терминальный тон в 80% предложений, но для 10% предложений характерны дваакцентные шкалы + терминальный тон;
- 3) терминальный тон в:
 - 3.1. инициальной синтагме - высокий нисходящий в 80;
 - 3.2. срединной синтагме - высокий нисходящий в 40 и нисходяще-восходящий в 40%;
 - 3.3. финальной синтагме - высокий нисходящий в 50% или двойной нисходящий тон в 50%;
 - 3.4. высотно-уровневый контраст в пределах шкалы представлен широким диапазоном.

Статистическая обработка данных характерных для русских текстов компонентов просодии дала следующие результаты:

- 1) скандентная нисходящая шкала с нарушенной постепенностью;
- 2) полиакцентные (2,3,4 акцентные) шкалы + терминальный тон в 60%;
- 3) терминальный тон в:
 - 3.1. инициальной синтагме - высокий восходящий в 80, но для 20%

предложений характерен высокий нисходящий тон;

3.2. срединной синтагме - высокий восходящий тон в 80%;

3.3. финальной синтагме - высокий нисходящий тон в 100%;

4) выотно-уровневый контраст в пределах шкалы представлен средним диапазоном.

Прочитанные носителем языка, но не профессиональным диктором, тексты были проанализированы и количественные данные подсчитаны по тем же параметрам:

1) скользящая нисходящая шкала с нарушенной постепенностью;

2) одноакцентные шкалы + терминальный тон;

3) терминальный тон в:

3.1. инициальной синтагме - высокий нисходящий в 100% предложений;

3.2. срединной синтагме - высокий нисходящий тон в 98%;

3.3. финальной синтагме - высокий нисходящий тон в 98% предложений;

4) широкий диапазон выотно-уровневых контрастов в пределах шкалы.

Анализ интерферентных, т.е. вариантов, прочитанных испытуемыми,

дал следующую информацию:

1) скандентная шкала в 100% предложений;

2) одноакцентные шкалы + терминальный тон только в 34%,

66% - полиакцентные шкалы;

3) терминальный тон в:

3.1. инициальной синтагме - высокий нисходящий тон только в 58%, 42%

- восходящий тон;

3.2. срединной синтагме - высокий нисходящий тон - только в 59%, 41%

- восходящий тон;

3.3. финальной синтагме - высокий нисходящий тон - в 86%, 14% - двойной нисходящий тон.

4) выотно-уровневый контраст в пределах шкалы представлен суженным диапазоном.

Обсуждение результатов исследования.

Типологическое сравнение выотно-тональных структур в русском и английском текстах информационного подстиля жанра КИС позволило выявить их общие и специфические черты.

К общим относятся:

1) нисходящая шкала с нарушенной постепенностью;

2) высокий нисходящий тон в финальной синтагме.

Остальные компоненты - тип шкалы, акцентных групп, терминального тона в инициальной и срединной синтагмах и выотно-уровневый контраст в пределах шкалы - частично или полностью не совпадают, и могут представлять собой потенциальные источники интерференции.

“Субъективная” и “объективная” подача информации носителями английского языка имеют также общие и специфические черты.

К общим относятся:

1) скользящая нисходящая шкала с нарушенной постепенностью;

2) одноакцентные шкалы + терминальный тон;

3) терминальный высокий нисходящий тон;

К специфическим чертам можно отнести однообразие терминальных тонов - высокий нисходящий в синтагмах всех позиций в “объективной” интерпретации по сравнению с “субъективной”.

Обсуждение данных исследований интерферентных вариантов позволило констатировать тот факт, что основные места интерференции следующие:

1) тип шкалы, где вместо английской скользящей испытуемые пользовались

скандентной шкалой в 100% предложений;

2) высотно-уровневый контраст в пределах шкалы был представлен испытуемыми в суженном диапазоне, типичном для родного русского языка вместо ожидаемого широкого диапазона в английском тексте в 100% предложений;

3) акцентуация шкал носит преимущественно интерферентный характер: 66% всех реализаций - русские полиакцентные шкалы;

4) терминальный тон в финальной синтагме - низкий нисходящий - реализованный в 86%, относится к общим для русских и английских текстов просодическим чертам, однако количество этих реализаций свидетельствует и о том, что варианты прочтения испытуемыми более приближены к "объективной", чем к "субъективной" интерпретации.

5) терминальный тон в инициальной и срединной синтагмах в более чем 40% восходящий, характерный для русского языка.

Синтагматическое членение предложений испытуемыми - тенденция к укрупнению - тоже свидетельствует, с одной стороны, о влиянии родного языка, и, с другой, большем приближении к "объективной" модально-экспрессивной интерпретации.

Выводы:

Данное исследование позволило сделать следующие выводы:

1) выявленные общие и специфические высотно-тональные характеристики английских и русских текстов информационного подстиля жанра КИС позволяют прогнозировать зоны интерференции;

2) используя в качестве удобного материала аудиозаписи текстов в исполнении профессиональных дикторов, желательно обучать студентов дикторскому мастерству. Иначе, нельзя требовать от них "вхождения" в текст, а только прочтение знаков.

Список литературы. 1. Н о в и к Д.В. Высотно-тональная структура английской экспрессивной фразы в условия интерференции. Автореф. дисс. Минск, 1990. 2. С т е л л и ф о р д с к и й А.В. Особенности реализации жанра короткого информационного сообщения в языке газеты и радио. // Стилистические аспекты устной и письменной коммуникации. Вып. 286. Москва, 1977. 3. Ю р и н О.П. К вопросу о просодических особенностях чтения некоторых видов газетных текстов. // Сопоставительный функционально-семантический анализ языковых единиц. Куйбышев, 1987.

Поступила в редколлегию в 1.09.1992 г.

В. МИЩЕНКО

КОМПЛИМЕНТ КАК ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА.

На современном этапе развития этнолингвистики как направления, изучающего язык в его отношении к культуре, теории и гипотетические построения намного опережают эмпирический анализ. Исследования, ведущиеся в этой области, ориентированы на изучение фрагментов вербального и невербального поведения носителей тех или иных лингвокультур.

Настоящая статья обобщает некоторые наблюдения над употреблением комплимента представителями двух англоязычных (британской и американской) и современной русскоязычной этнокультур.

Теоретической основой для проведения сопоставительного анализа послужило положение, согласно которому сходства или отличия в правилах

речевого поведіння не завжди залежать від ступеня генетического родства або неродства мов, оскільки організація, функції і спосіб опосередкування процесів спілкування, характерні для даного етнокультурного соціуму визначаються як мовними, так і екстралінгвістическими факторами, найбільш значимими з яких є система цінностей і етических норм, прийнятих в даному суспільстві, культурні традиції, що зберігаються в ньому, його біосоціальна ієрархізація, особливості національної психології [2].

Своєобразним кількісним результатом взаємодії вказаних факторів є поширеність того або іншого речевого акту (в даному випадку комплімента) в мові представителів розглядаємого лінгвокультурного суспільства. Якісним же результатом такого взаємодії можна вважати те особливості використання аналізуємого речевого акту, якими відрізняється вербальне поведіння носіїв лінгвокультур в схожих ситуативних контекстах.

По отриманим даним найвища частота використання комплімента спостерігається в мові американців, менше поширено він в мові англичан, і найбільш низька частота використання комплімента відзначається в вербальному поведінні представителів російськомовної етнокультури.

Американці в більшості випадків використовують комплімент як стратегію спілкування, дійсний спосіб встановити або підтримати дружескі відносини з співбесідником, "розтопити лід", подолати відчуження, проявити готовність до співпраці. Американці вільно і охотно, незалежно від статі, віку і соціальної приналежності, говорять компліменти як знайомим або близьким, так і незнайомим людям.

В романі Ф.С. Фіцджеральда "Ніч нежна" сцена знайомства Розмери Хойт з Чемпіоном починається компліментом:

"The man of the monocle and bottle spoke suddenly out of the sky above Rosmary.

'You are a ripping swimmer.'

She demurred.

'Jolly good. My name is Champion...'"

Таким чином, чітко прослідковується домінування контакто-встановлюєчої функції комплімента. В американській лінгвокультурі цей речевий акт є приблизно таким же стереотипом вербального поведіння, як і подяка, він є невід'ємною частиною "small talk". Американці говорять компліменти як би автоматично, часто не задумуючись, дійсно чи є об'єкт висловлювання заслуговує позитивної оцінки. Для них важливо проявити ввічливе ставлення до адресату, виконати його очікування. Такі компліменти належать до категорії "соціальної лжі". В одному з оповідань К. Е. Портер молодий лікар, що прийшов оглянути свою пацієнтку, що помирає, восьмидесятирічну жінку, починає розмову компліментом, який, здавалося б, неумісний в даній ситуації:

"This is Doctor Harry, Mrs. Weatherall. I never saw you look so young and happy."

Вельми симптоматичним є той факт, що з п'яти прикладів стандартної "соціальної лжі", наведених Коулмен і Кей (3), три представляють собою типові компліменти:

What a lovely party!

The dinner was very good.

Oh, you wrote that paper on lying. I found it extremely interesting.

Очевидно, тому іноземці, що приїжджають в США, відзначають щедрість американців на компліменти, але при цьому нерідко сумніваються в їх щирості.

Считая более важным сам факт общения, американцы не придают особого значения стилистическому аспекту языкового выражения комплимента. В дискурсе преобладают прямые речевые акты, шаблонные, клишированные высказывания, соотносимые со следующими лексико-грамматическими моделями:

(1) NP is\looks really ADJ

(2) I really like\love NP

(3) PRO is really a ADJ NP

Анализ употребления комплимента представителями британской лингвокультуры показывает, что для ситуативного контекста, в котором уместен данный речевой акт, особенно релевантны такие прагматические параметры, как степень знакомства коммуникантов и их социальный статус. Англичане, которых Т. Тэн (5) характеризует как достаточно сдержанных в общении людей с ярко выраженным синдромом "mind your own business", не считают комплимент самым удачным способом установления контакта. Крайне редко англичане говорят комплименты незнакомым партнерам по общению, так как это может быть воспринято как проявление панибратского отношения к собеседнику без каких-либо на то оснований у говорящего. Кроме того, по данным Б. Левандовской-Томашук (4), у многих англичан сложилось мнение, что комплимент - это признак покровительственного отношения к адресату, и поэтому данный речевой акт вместо того, чтобы способствовать установлению дружеских отношений между коммуникантами, создает ощущение социальной дистанции между ними. Это, по-видимому, связано с тем, что в английском этикете существовало строгое правило, согласно которому говорить комплимент предписывалось коммуниканту с более высоким социальным статусом.

Комплимент, функционирующий в качестве стратегии, направленной на поддержание дружеских отношений, наиболее часто встречается в общении людей, которые относительно хорошо знакомы и имеют равный социальный статус. Однако следует отметить, что англичане чаще говорят комплименты, когда для этого есть достаточные основания. В таких случаях бывает трудно определить, какая из функций комплимента, контактная или эмотивная, является доминирующей:

"Jessica!" - he said incredulously. "Little Jessica Eliot. My God!" He turned her round.

"You've come out of the chrysalis. You'll need a bodyguard." (J. Cooper)

Англичанам в гораздо меньшей степени, чем американцам свойственно говорить незаслуженные комплименты. Основным мотивом, побуждающим говорящего прибегнуть к "социальной лжи", как правило, является стремление избежать нетактичности по отношению к собеседнику, соблюсти правила хорошего тона (например, нельзя уйти из чужого дома, не поблагодарив хозяев и не похвалив угощения):

"She felt sweat rising on her forehead and knew she'd be sick if she tried to eat any more. "I'm terribly sorry, Jonty, it was so delicious. I can't think why I'm not hungry." (J. Cooper)

В связи с тем, что в вербальном поведении представителей британской лингвокультуры комплимент чаще всего представляет собой искреннее одобрение, признание заслуг, он отличается личностной окрашенностью и контекстуальной маркированностью, что находит отражение и в его языковом оформлении. Когда англичане говорят комплименты, они оказывают более изобретательными, чем американцы. Для них важен стилистический аспект общения, поэтому они стараются не употреблять избитые штампы, находя оригинальные средства выражения. В речи англичан комплимент широко распространен как не прямой речевой акт, в котором иллокуция комплимента не является буквальной:

“Oliver tells me you’re Helen’s sister” he said to Jessica. ‘Jesus, they breed good looking girls in your family.’” Инвентарь языковых средств выражения комплимента содержит самые разнообразные стилистические приемы, например, метафору и сравнение:

“Where did you spring from, out of the sea? You look like a water nymph.”
(J. Cooper)

Данные, полученные при исследовании употребления комплимента представителями русскоязычной этнокультуры позволяют сделать следующие обобщения. Доминирующей функцией комплимента является эмотивная, поскольку чаще всего комплимент в речи носителей отечественной лингвокультуры имеет оттенок приятного удивления (или восхищения) по поводу какого-то положительного с точки зрения говорящего изменения в собеседнике, достигнутых им успехов и т.д.:

– Ну как ты? Ну-ка покажись. Дай посмотрю на тебя!

– Смотри, пожалуйста.

Я отступила на два шага, подбоченясь, отставила в сторону ногу и улыбнулась на все тридцать два зуба как какая-нибудь кинозвезда. Я знала, что выгляжу отлично, замечательно, одухотворенно. Недаром Санька восхитилась, даже с завистью:

– Какая ты!.. Как будто светишься вся.”

(А. Тобольск “Откровенные тетради”)

Особо следует подчеркнуть роль фактора искренности и бескорыстия в вербальном поведении представителей русскоязычной лингвокультуры. Комплимент, относимый в других лингвокультурах к категории “социальной лжи” и являющийся вполне допустимым, а иногда даже и предписываемым этикетом, в отечественной лингвокультуре часто расценивается как лицемерие или лезть и имеет отрицательную нравственную оценку. Так, О.И. Даниленко (1) полагает, что “...когда мы действительно уважаем или ценим другого человека, выражение этих чувств не только нравственно оправдано, но и желательно для обоих партнеров. Однако в случае, когда психологическая поддержка осуществляется для того, чтобы получить одностороннюю выгоду, она становится средством манипуляции сознания и поведения другого человека. Даже если технически такой прием выполнен безукоризненно, нравственная оценка его безусловно отрицательная”.

Примечательным является тот факт, что в речи носителей русскоязычной лингвокультуры сравнительно широко распространены издевательские, саркастические комплименты типа “Ах, какой умный!” В таких речевых актах посредством буквальной иллокуции, содержащей положительную оценку, выражается иллокуция оскорбления. В повести Ю. Полякова “Апофегей” героиня использует именно такой прием:

“Нужно оформить наши отношения...”

Надя в ответ захохотала и сообщила, что еще недостаточно политически грамотна и морально устойчива, чтобы стать женой такого большого человека и коммуниста. Чистяков обиделся.”

Очевидно, что в подобных случаях комплимент выполняет прежде всего эмотивную функцию, но при этом выражает не положительную, а отрицательную оценку говорящего.

Рассматривая комплимент с точки зрения этнолингвистики, необходимо выяснить, в чем состоит отличие тех экстралингвистических факторов, которые обуславливают ту или иную степень распространенности комплимента и национально-культурную специфику его употребления представителями различных лингвокультур.

В американской культуре основными ценностями провозглашаются свобода, демократия и равенство прав всех членов общества в их стремлении к счастью. Поэтому признается, что любая личность заслуживает уважения вне зависимости от чьего бы то ни было субъективного отношения к ней. Американцы рассматривают комплимент как одну из форм признания достоинств, проявления уважения к людям, как способ установить дружеские отношения с ними.

В Великобритании столетиями складывалось представление об обществе как иерархии сословий с четкими границами. Общение людей, принадлежавших к различным сословиям, строго регламентировалось. В британских культурных традициях не принято демонстрировать, подчеркнуть эксплицировать стремление установить дружеские отношения с партнером по общению.

Что же касается отечественной культуры современного (особенно советского) периода, нельзя не признать, что она была значительно идеологизирована. В советском обществе делался односторонний акцент на коллективизм, тотально господствовал взгляд, согласно которому индивид являлся лишь элементом, "кирпичиком" в социальной организации, лишь участником коллективного действия, объектом централизованного управления. В сознании советских людей сформировалась и прочно укрепились установка на демонстрацию всеобщего равенства. Это нашло своеобразное отражение в отрицательном отношении к качествам, выделяющим, отличающим человека в общей массе. Причем это относится не только к недостаткам людей, но и к их достоинствам.

Проведенный сопоставительный анализ показал, что в каждой из рассматриваемых лингвокультур комплимент имеет достаточно выразительную национальную специфику, обусловленную взаимодействием целого ряда факторов экстралингвистического порядка.

В речи американцев наиболее типичный комплимент представляет собой прямую речевой акт, осуществляемый на локутивном уровне посредством стереотипных, шаблонных языковых формул. Он выполняет контактно-устанавливающую функцию и является неотъемлемым элементом "small talk".

В вербальном поведении представителей британской лингвокультуры высказывания, содержащие положительную оценку, лестный отзыв в адрес партнера по общению, как правило, реализуется в виде непрямых речевых актов, в которых иллюкуция комплимента не является буквальной. В результате языковое оформление британского комплимента отличается широким разнообразием стилистических средств, отсутствием "штампов". Комплимент выражает признание говорящим заслуг собеседника, а потому он личностно окрашен и контекстуально маркирован. В речи представителей русскоязычной этнокультуры преобладают комплименты, представляющие собой прямые речевые акты, выражающие похвалу и одобрение. Однако в отличие от прямых и "простодушных" американских комплиментов, здесь весьма распространены так называемые "издевательские", саркастические комплименты, нередко граничащие с оскорблением. Таким образом, прослеживается доминирование эмотивной функции, т.е. преимущественное употребление комплимента с целью вызвать определенную (как положительную, так и отрицательную) эмоциональную реакцию у адресата.

Список литературы: 1. Д а н и л е н к о О.И. Культура общения и ее воспитание. М., 1989, с.53. 2. Национально-культурная специфика речевого поведения. Сб. статей. М., 1977. 3. Coleman, Linda and Paul Kay "Prototype Semantics: The English word "lie", Language 57:1, 1987, 26-44. 4. Lewandowska - Tomaszczyk B. Praising and Complimenting. In Aulexy (ed.) Contrastive Pragmatics. New York; Academic Press, 1989, 73-99. 5. T a n T e r r y. Culture Shock. Britain. Times Editions, 1992.

Поступила в редакцию 30.09.1993 г.

ИЗМЕНЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДИАЛОГА
И ЛИНЕЙНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ
В ДИАХРОНИИ 18-20 вв.
(на материале английского языка)

Современная лингвистическая наука большое внимание уделяет проблемам спонтанной коммуникации. Это, в свою очередь, находит отражение в углубленном изучении синтаксической организации высказывания и целого текста. При этом особую проблему коммуникативного синтаксиса представляет изучение функционирования реплик в диалоге.

Целью настоящей работы являлось выяснение общих закономерностей развития английской разговорной речи в диахронии двух веков (18-20 вв.). В качестве материала исследования использовался диалог английского романа указанного временного периода. Такой выбор объекта исследования мотивировался прежде всего невозможностью работы с устной речью 18-19 вв.

Наряду с этим в настоящей работе разделяется мнение О.С. Ахматовой [2:132], В.В. Виноградова [3:23], Ч. Барбера [5:30], а также других авторов, о том, что диалогическая речь художественного произведения является фиксированным аналогом, моделью спонтанной диалогической речи. По справедливому замечанию Н.Ю. Шведовой художественная обработка материалов заключается в том, что "... писатель берет соответствующие конструкции в их типической форме, освобождая их от случайного, индивидуального, того, что фиксируется в записях как отступление от обычной нормы" [4:25]. Иными словами, анализ художественного диалога вполне объективно отображает картину эволюционного развития изучаемого явления. С целью уменьшения влияния побочных факторов на результаты исследования, как-то: жанровое своеобразие произведения, индивидуальный стиль писателя и т.д., из каждого произведения для анализа отбиралось только 100 стр. диалогического текста методом случайной выборки. Таким образом было изучено 119 произведений 48 авторов.

Предметом настоящего исследования является функционирование и изменение линейных характеристик различных типов простого предложения. При этом синтаксическая организация текста рассматривается как один из аспектов проблемы "действительность - мышление - язык". (См. Н.Н. Арват [1:4]).

Как известно, количественный подход при исследовании линейных характеристик предложил еще в 1893 г. Л. Шерман, учение которого позднее было использовано У. Юлом для определения статистического признака определенного функционального стиля [6:363-380].

В настоящей же работе линейные характеристики используются как основной критерий изменения информационной нагрузки высказывания в диахроническом аспекте.

Что же касается выбора в качестве "точки отсчета" простого предложения, то такое решение представляется нам обоснованным, как с точки зрения элементарности формы, так и с точки зрения семантической соотнесенности с только одним элементарным процессом материального мира.

Исследование фактического материала общим объемом в 5100 речевых образцов проводилось по двум срезам - горизонтальному (в пределах одного и того же века) и вертикальному (в диахронии 18-20 в.).

При этом были выделены и проанализированы следующие типы простых предложений: 1) распространенные, 2) нераспространенные, 3) эллиптические,

4) структурно-непредикативные, 5) осложненные а) обращением, б) парентезой или в) вторичной структурой предикации.

Например: 1. I can perfectly comprehend your feelings (J. Austen)

2. I am twenty one. (G. Heyer)

3. Why did you do it? - At the stranger's request.. (H. Fielding)

We did it at the stranger's request.

4. Oh? (A. Huxley) Thanks. (Ch. Dickens)

5. а) Dear sir, I can hardly believe it. (Ch. Dickens)

б) Frankly speaking, I have no notion. (A. Huxley)

с) I wanted them to come. (J. Galsworthy)

Сравнительный анализ современного литературного диалога и диалога 18 в. позволил установить определенные закономерности и проследить тенденции функционирования различных видов простых предложений.

Оказалось, что удельный вес простых предложений к XX веку значительно возрос. В XVIII веке относительная частота употребления простых предложений была в 2,4 раза меньше, чем сложных, а длина простого предложения, как линейная характеристика, составляла в среднем около 15 слов.

Например: And as for you, my son, - continued I - and by the labour of your hands we must all hope to be supported. (O. Goldsmith) - 20 слов.

В XIX веке удельный же вес простых предложений был уже в 1,4 раза меньше, чем сложных, а длина сократилась до 7-10 слов.

Например: He was our darling and our pride! (T. Hardy) - 7 слов.

В XX веке удельный вес простых предложений по сравнению со сложными резко увеличивается. Частотность их употребления в 2 раза выше, чем сложных, а длина, как линейная характеристика, в среднем составляет около 5 слов.

Например: I knew it. (A. Christie) - 3 слова.

При этом количество простых нераспространенных предложений увеличилось в XIX веке по сравнению с XVIII в. на 5%, а в XX в. возросло еще на 6,8% и составляет 25,3% от общего числа высказываний. Увеличилось и число эллиптических высказываний с 18% в XVIII веке до 24,4% в XIX веке и до 34,1% в XX веке. Количество же простых распространенных высказываний сократилось в XIX веке по сравнению с XVIII в. с 26,5% до 20,5%, а в XX в. уменьшилось до 17,4%. Очень сильно изменились и количественные показатели простых осложненных предложений. На лицо оказалось их резкое сокращение с 28,2% в XVIII веке до 7,3% в XX веке.

На основании полученных данных были сделаны следующие выводы.

Для настоящего времени характерна тенденция к структурной конденсации диалога. Несмотря на то, что по первому впечатлению современная речь становится более упрощенной и примитивной по сравнению с речевым обращением 200-летней давности, на наш взгляд, происходит обратное явление - увеличение структурно-простых реплик в диалоге свидетельствует об информативной насыщенности каждого отдельно взятого высказывания. Иными словами, линейные характеристики высказывания имеют прямую связь с информационной насыщенностью каждой словоформы в предложении.

Таким образом, в современном диалогическом общении в связи с информационной перегруженностью опускаются все несущественные элементы. Диалог становится более лаконичным, не теряя при этом своей информационной значимости.

Список литературы: 1. А р в а т Н.Н. Семантическая структура простого предложения в современном русском языке. - Киев: Высш. шк., 1984 - 157 с.
2. А х м а н о в а О.С. Словарь лингвистических терминов. - М.: Наука, 1966.

3. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. - В.Я., 1971 №4 с. 16-22. 4. Шведова Н.Ю. Основы построения описательной грамматики литературного языка. - М., 1966 - 200 с.

Поступила в редколлегию 1.09.1993 г.

И.Б.МОРОЗОВА, канд. филол. наук

ГРАММАТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЭМОТИВНЫХ РЕПЛИК В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИАЛОГЕ

Неослабевающий интерес современной лингвистической науки к спонтанной коммуникации находит свое частное выражение в пристальном изучении способов выражения эмоций в письменном тексте. По справедливому замечанию Р. Гунтера "Естественная человеческая речь так же немыслима без эмоциональной окраски, как и движущийся автомобиль без смазанного мотора" [1888:91]. Проблемы формального состава и семантического наполнения эмотивных реплик в диалоге привлекли внимание таких известных ученых как В. Гумбольдт, И. Рис, А. Потенба, В.В. Виноградов, В.Г. Гак и многие другие. При этом отношение исследователей к изучаемым высказываниям варьировало от объединения междометных выкриков с номинативными единицами (А.И. Смирницкий [4], Дж. Фальк [7]), до смешивания биологического и социального начал в выражении эмоций (Ж. Вандреас [12], М. Джус [9]). Акад. Л.В. Щерба называл эмотивные реплики "неясной и туманной категорией" [6:28], имея в виду путаницу взглядов на междометие как часть речи. Понимая эмотивные реплики шире узкого понятия "междометие", мы включаем в эту категорию высказываний все эмоционально окрашенные реплики, не выходящие за рамки первичной структуры предикации. Такой подход представляется нам обоснованным, так как с точки зрения коммуникативной семантики непредикатные междометия обычно выполняют ту же функцию, что и структурно-предикативные высказывания. Ср. напр.: 1) "Alas!" she sighed. (J. Lark) - непредикативное построение. "How sad!" Lady Jane whispered. (A. Christie) How sad. it is - эллиптическое предикатное высказывание. 2) "Hush! Not a word." (G. Heyer) - непредикатное построение. "Be silent!" (E.S. Gardner) You be silent, he commanded - эллиптическое предикатное высказывание.

Рассматривая функционирование эмотивных реплик в диалоге как сложную и многогранную психолингвистическую проблему, мы понимаем невозможность решения ее в рамках одной статьи. В соответствии с этим в настоящей работе мы ограничиваемся анализом высказываний, не выходящим за рамки первичной структуры предикации. При этом в задачи исследования входит определить относительную частотность и удельный вес употребления эмотивных реплик в англоязычном художественном диалоге, установить структурные типы эмотивных высказываний и охарактеризовать коммуникативную семантику исследуемых реплик.

В процессе анализа нами было рассмотрено 6500 случаев употребления изолированных эмотивных реплик. Из каждого анализируемого источника методом сплошной выборки отбиралось лишь по 100 примеров. Такой подход представляется нам обоснованным, т.к. устраняет нежелательное для объективной лингвистической оценки влияние индивидуального авторского стиля и жанра произведения на результаты исследования.

Полученные образцы подверглись изучению с точки зрения формального состава и коммуникативной семантики. При этом удалось установить следующее. Реплики, так или иначе эмотивно окрашенные, употребляются в художественном

тексте с приблизительной частотностью 1:8 относительно соответствующих нейтральных высказываний, что указывает на их весьма высокий удельный вес в речевой коммуникации. С точки зрения формального состава структурно-предикатные реплики употребляются несравнимо чаще, чем структурно-непредикатные, междометного характера (Ср. 86% и 14%).

Этот факт, безусловно, опровергает сложившееся в лингвистике мнение о том, что эмоции в речи выражаются в основном междометиями и, следовательно, существуют в "отрыве от слов интеллектуального языка" (См. напр. В.Г. Костомаров [2:76], И.И. Мещанинов [3:355]). Отметим, что неэллиптические эмотивные реплики однозначно преобладают перед эллиптическими и составляют 61,2% и 24,8%. Такое распределение частотности в пользу неэллиптических предложений также указывает на то, что эмотивность и эллиптичность не взаимосвязанные категории. И предложения структурно полные значительно чаще выражают эмоции, чем синтаксически свернутые конструкции. Что же касается а) распространенных и б) нераспространенных высказываний в группе неэллиптических предложений, то частотность их употребления почти одинакова: 28,1% и 23,1% в пользу распространенных реплик. Например:

а) "How wonderful and unpredictable she is! (M. Stewart),

"You are just awfully good." (M. Kondrick).

б) "God knows!" (J Lark), "I say!" cried Ann (M. Mc. Elfresh)

Среди эллиптических предложений главенствующую роль играют односоставные нераспространенные (а), которые употребляются в 12,5%. Односоставные распространенные предложения (б) употребляются незначительно реже 9,1%. Употребление же двусоставных нераспространенных (в) и распространенных (г) предложений ограничено лишь 1,5%. Например: а) "Come!. Try your last weapon." (Forster), "Clear off!" the old policeman shouted. (E. Blyton). б) "Damn them all!" Rio-Jim swore under his breath. (W.C. Tuttle) в) "She never knew about you, Alice said. - But she did!. (V. Murray) г) "You are looking swell, Lil. You really are! (R. Stout)

Такое соотношение эллиптических эмотивных односоставных и двусоставных реплик объясняется на наш взгляд тенденцией к коммуникативному сближению эмотивных односоставных предикатных высказываний с междометными непредикатными единицами. Например: 1) "Go to hell, smart guy! O'Brien sneered." (A. Norris) - You go to hell - односоставное предложение "Hell! You are getting on my nerves." (W.C. Tuttle) - непредикатная реплика. 2) "Hoar! Hoar! Admirably put from business point of view. (M, Mc. Elfresh) - непредикатная реплика. "Well said! You couldn't have done better!" (D. Ray) - односоставное предложение. - It is well said. Что касается коммуникативной семантики эмотивных реплик, то помимо общеизвестного выражения эмоций, нами был установлен и их безусловный оценочный характер. Причем присутствие положительной или отрицательной оценки прослеживалось примерно в 87% случаев их употребления. Ср. например: "Jesus!. He is just a kid, ain't he? - положительная коннотация. "Hell! It's coming to rape again." (K. Woodsfield) - отрицательная.

Говоря о коммуникативной семантике эмотивных реплик нельзя не отметить возможность перехода в междометия знаменательных слов, типа My foot! Fiddlesticks! Oh, boy! Например: "Tell her to come and see me some day." - An understudy. My foot!." (W.S. Maugham). В приведенном диалоге My foot не имеет лексического значения "моя нога", а является переосмысленным междометием. Так, например, Р.О. Шор пишет "Порой экспрессивная сторона слова настолько выдвигается вперед, что заслоняет его значение. Слово обесмысливается, становится криком гнева, радости, боли." [5:85]. Однако, такая формулировка

создает неправильное представление о том, что подобные слова с потерей первоначальных лексических значений превращаются в будто-бы "бессмысленные возгласы". Возражение вызывает сам факт рассмотрения возгласа как "бессмысленной" единицы, т.к. все реплики диалога несут коммуникативную нагрузку и, следовательно, в контексте имеют конкретный смысл. Анализ фактического материала позволяет в некоторых случаях вскрыть механизм такого переосмысления лексического содержания эмотивных высказываний. Очевидно, лежащее в основе многих эмотивных реплик вещественное содержание впоследствии было вытеснено сопровождающей их обычно сильной эмоцией. Этой причиной объясняется наличие в английском языке большого количества непредикатных высказываний, корнями уходящих в религию (по нашим данным 55%). Напр., God! Lord! Christ! Holy Christ! Heavens! Christ Almighty! - и противоположные им по лексической коннотации - Hell! Devil! God damn! и т.д. Что касается наличия языковых форм типа Dickens! Oh, boy! Gosh! Damaged! и др., то их наличие объясняется как явлениями психологического "табу" в языке, так и традиционным эфемистическим употреблением последних.

Сделанные в настоящей работе выводы позволяют, с нашей точки зрения, внести некоторую ясность в отдельные вопросы, связанные с употреблением эмотивных реплик в англоязычном художественном диалоге. Очевидно, что выражение эмоций в речи является не только чисто лингвистической проблемой, но и отражением глубинных психологических процессов и проблем эмотивно-образного мышления человека. А установление грамматических путей выражения эмоций позволяет вскрыть глубинные механизмы порождения спонтанной коммуникации.

Список литературы. 1. В а н д р е я с Ж. Язык. Русский перевод. - М. Изд-во лит. на иностр. яз., 1937 - 412 с. 2. К о с т о м а р о в В.Г. Междометие в английском языке. В сб.: "принципы научного анализа языка" - М. Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1958, с.76-81. 3. М е щ а н и н о в И.И. Члены предложения и части речи. - Л. "Наука", 1978, с. 355. 4. С м и р н и ц к и й А.И. Синтаксис английского языка. - М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1957. - 285 с. 5. Ш о р Р.О. Язык и общество. - М., "Высшая шк.", 1966. 6. Щ е р б а В.Г. О частях речи в русском языке. Русская речь, ч. П - Л.: Ac, 1928 с. 5-27. 7. J.S. Falk Linguistics and Language. - N.Y.: Wiloy, 1978 - 448 p. 8. U n t e r R. Sentences in Dialogue. - Columbus (S.C.): Horn Boam Press, 1974 - 103 p. 9. J o o s M. Description of the Description. J. Acoustic Soc. Amer., 1950, №22, p. 701-708.

Поступила в редколлегию 1.03.1993 г.

Э.Г.ПАПОВЯНЦ, канд. филол. наук

КОММУНИКАТИВНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА В ПОЗИЦИИ ЗАЧИНА (на материале англо-американской прессы)

Содержательно-смысловая структура текста построена по иерархическому принципу, и чем выше место некоторого языкового элемента в этой иерархии, тем выше, соответственно, его текстовая значимость. Высокое место в содержательно-смысловой структуре текста принято обозначать термином "сильная позиция" [1]. Как известно, к сильным позициям в текстах газетных статей относятся позиции заголовка, зачина и концовки.

В настоящей статье предпринята попытка исследовать коммуникативно-обусловленные закономерности синтаксической организации текста в позиции

зачина на материале социально-политических статей современных английских и американских газет.

Исходя из понимания текста как знаковой модели сопряжения коммуникативных деятельности отправителя и получателя, как программы речемыслительных действий получателя, представляется целесообразным трактовать синтаксическую организацию текста в качестве одного из существенных аспектов этой модели. Как и другие аспекты строения текста, его синтаксическая организация, под которой понимаются конструкции высказываний и образуемый ими прозаический ритм, обусловлена рядом коммуникативных факторов. Главным из таких факторов является цель, преследуемая автором текста. Применительно к исследуемым текстам эта цель состоит в том, чтобы побудить читателя разделить авторскую точку зрения на круг вопросов, связанных с некоторым событием социально-политического характера.

Через совокупность других коммуникативных факторов: образа референтной ситуации в сознании автора, образа реципиента, системы языка, жизненного и коммуникативного опыта автора, социокультурных норм цель, преследуемая автором, образует авторскую задачу.

Сильные позиции текста являются его коммуникативными компонентами, так как задачи, реализуемые посредством каждой из них, определяются задачей, возлагаемой на текст в целом, и носят подчиненный характер по отношению к последней. При этом в реализации авторской задачи различаются два плана - информирующее воздействие (сообщение сведений, оценок, директивных установок, связанных с событием, описываемым в статье) и фасцинирующее воздействие (оптимизация деятельности читателя по восприятию текста). Конкретизируя содержание функций зачина следует сказать, что его информирующая функция состоит в том, чтобы: 1) указать тему текста, назвать событие статьи, 2) дать оценку названному событию, приступить к его комментированию, 3) подготовить базу для полемики.

Фасцинирующая функция зачина заключается в том, чтобы заинтриговать читателя, дать импульс, который побудил бы его прочитать весь текст.

Функции зачина, или иначе говоря задачи, реализуемые автором посредством зачина, служат основой для делимитации этого компонента в корпусе текста. Дополнительными критериями для определения некоторого начального фрагмента текста в качестве зачина является замкнутость его логической структуры, условное ограничение его максимального объема до 1/3 целого текста, целое число абзацев.

Анализ зачинов газетных статей позволил выделить ряд закономерностей в синтаксическом воплощении задач, возлагаемых автором на этот компонент текста.

Учитывая, что важная нагрузка по реализации фасцинирующей функции падает на первое высказывание зачина, автор стремится синтаксически выделить это высказывание на фоне второго. Выявлено два основных способа реализации этого стремления автора: построение первого и второго высказываний по принципу контрастности и по принципу параллелизма.

Наиболее распространенными приемами достижения контрастности в построении этих высказываний являются выделение первого высказывания в абзац, а также противопоставление первого и второго высказываний:

— по признаку протяженности, при этом у 2/3 проанализированных зачинов, обнаруживающих это свойство, первое высказывание является более коротким по протяженности чем второе;

— по признаку наличия / отсутствия однородных членов. При этом, как правило, второе высказывание оказывается более развернутым, отягощенным однородными членами, вследствие чего производит "нагнетательное действие".

The Robert Gates confirmation hearings have been pretty bloodless. There has

been no hot new information about Iran Contra, no very revealing exchanges with the Senate Select Committee on Intelligence, ... no compelling testimony from the nominee or anyone else about his qualifications or about the much anticipated matter of the role of intelligence in a post cold war world (International Herald Tribune).

— по признаку “коммуникативной направленности”. При этом высказывание, имеющее структуру вопросительного или восклицательного предложения, противопоставляется высказыванию повествовательному.

When does an ex-prime Minister finally register the fact that she is indeed irredeemably ex? Much was made of that tearful photo of Mrs Thatcher as she was driven away from Number 10 for the last time (The Guardian).

— по принципу полноты синтаксической структуры. При этом высказывание, имеющее полную структуру противопоставляется парцелляту или эллиптизированной конструкции, придающей оттенок спонтанности авторской речи.

Good luck and great historical events have given the world an extraordinary opportunity to banish chemical and biological weapons. Two of the nastiest and most indiscriminate weapons ever invented (The Times). - по выраженности главных членов предложения. При этом односоставное предложение - как правило, номинативное - противопоставляется двусоставному:

Seven months after the end of the war in the Gulf. The United States' negotiations with Saudi Arabia over a new security alliance for the vital oil-producing area are deadlocked by a dispute over the future size and strength of the Saudi Arabia forces (International Herald Tribune).

Все указанные приемы могут использоваться как по отдельности, так и в различных комбинациях.

Важным средством воплощения fasciniрующей функции зачина является также прозаический ритм, который благодаря умелому сочетанию контрастности и параллелизма в построении соседних высказываний характеризуется динамизмом, живостью, “антимонотонностью”.

Параллелизм конструкций первого и второго высказываний зачина используется обычно для выражения сопоставительных (в том числе и противопоставительных) отношений:

If enough people feel that something is true, then it is accepted as true. If enough people feel that living standarts are dropping, then they are (International Herald Tribune).

Наблюдается также использование в качестве зачина ритмически отмеченных структур, в построении которых обнаруживается:

— межабзацный параллелизм:

G. Bush is a puzzle. He is always appealing for unity and a kinder, gentler America, and then choosing officials and policies he knows are bound to raise a storm.

He chose Dan Quayle to be vice president, John Tower to be secretary of defence, and Robert Gates to be director of central intelligence, and wondered why anybody objected.

He rejoiced in the end of the Cold War... and then nominated Mr. Gates, a Cold War spy master.

He always seems to win “great victories” and then wonders what he got out of them.

He invaded Panama and got Manuel Noriega, and now doesn't know what to do with him.

He saved Kuwait for “democracy”, then rescued the same old family autocracy there (International Herald Tribune).

— симметричность в структуре абзацев (вопросительная конструкция + повествовательная - повествовательная + вопросительная), то есть использование

схемы хиазма:

Is anyone still interested in Israel apart from Israel herself? The liberals and intellectuals are keeping very quiet.

Usually they are a lot noisier when it comes to defending human rights. Doesn't Israel deserve the same kind of commitment on their part? (The Gardian).

Анализ исследуемого материала дает основание сделать вывод о том, что совокупность факторов коммуникативно-деятельного порядка определяет репертуар синтаксических средств организации такого коммуникативного компонента текста статьи как зачин. Синтаксические средства, используемые автором в зачине исследуемых текстов, характеризуются полифункциональностью. Это выражается в том, что каждое синтаксическое средство обеспечивает выполнение, как правило, двух и более задач, возлагаемых на зачин и связанных с реализацией информирующей и fasciniрующей функций.

Список литературы: 1. Арнольд И.В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста. // Иностран. яз. в шк. 1978 №4. С. 23-31. Поступила в редколлегию в 1.09.1992 г.

Э.Г.ПАПОВЯНЦ, канд. филол. наук
О.П.АНДРЕЕВА, канд. филол. наук

ПРЕДСКАЗУЕМЫЙ И НЕПРЕДСКАЗУЕМЫЙ ВНУТРЕННИЙ ГИПОСТАЗИС

Частным случаем взаимодействия грамматики и семантики является внутренний гипостазис или внутрилексемная конверсия, т.е. развитие внутри лексемы варианта с иной субкатегориальной характеристикой, семантической и грамматической. В данной работе под внутренним гипостазисом понимается развитие значений исчисляемости, дискретности у неисчисляемых существительных и обратный процесс - развитие значений неисчисляемости, недискретности у исчисляемых существительных.

На основании изучения лексического характера существительных, их семантической структуры, обуславливающей потенциальные возможности их семантического развития, мы выделяем предсказуемый и непредсказуемый гипостазис. Под предсказуемым гипостазисом понимаются случаи, при которых способность разви-

тия у лексемы значений исчисляемости или неисчисляемости может быть не реализована, но принципиально возможна. Главным образом это наблюдается в классе существительных вещественных и абстрактных, относящихся к *Singularia Tantum*, в которых переход по линии неисчисляемости - исчисляемости легко прогнозируется и соответствует языковой норме, представленной многочисленными случаями подобного перехода, закрепленными в словарях и грамматиках. Это особенно заметно в случаях переходов в результате внутреннего гипостазиса. Г.Н. Складарская [5, с. 59] справедливо отмечает, что "нелогичность" метафоры особенно отчетливо обнаруживается при сравнении с метонимией, регулярность которой такова, что дает основание безошибочно предугадывать, предвидеть развитие семантики в определенном направлении.

Примеры возможных, но не зарегистрированных словарями гипостатических изменений: 1. It may be much more important to prove that a victim was in the car by use of hair, fibers, dusts and residues (Kirk); 2. Sterilized milks are ideal for self catering holidays (Woman's Own, August 1978, p. 36); 3. He had more enemies and

hatreds than anyone could guess (Below); 4. Put some more cucumber and potato into the salad (Woman's Own, September, 1978, p. 29); 5. Amalie was curiously quiet and heavy of eye (Caldwell).

Непредсказуемый гипостазис непосредственно не обусловлен семантикой лексемы. Непредсказуемый гипостазис является проявлением творческих усилий индивидуума, его специфического видения, как в следующих примерах: 1. There's twelve stone or so of solid butler to be accounted for (Christie); 2. The fewer the calories the less the wife (Baker); 3. She had a lot of face and chin (Chandler); 4. Her techniques of wholesome motivation for mastery of critical skills, habits, understandings, knowledges are rather eccentric (Hersey); There were several family groups from Philadelphia, who could be placed quickly by the nasalities of their speech (Doctorow).

Непредсказуемый гипостазис представлен главным образом в случаях сдвига по линии исчисляемость - неисчисляемость, хотя возможен и при обратном процессе.

Понятия узуального гипостазиса, при котором возникший в ходе развития вариант вошел в общее употребление и зарегистрирован в словарях, и окказионального, сохраняющего характер инновации, пересекаются с понятиями предсказуемого и непредсказуемого гипостазиса в том смысле, что дальнейшая судьба

существительных, расположенных или не расположенных к гипостазису может оказаться различной. Слова - социальные инструменты. Для их выживания важна объективность [2, с. 30]. Для первых весьма возможно узуальное закрепление в языке и речи. Гипостазис у последних всегда окказионален. Приведенные выше примеры непредсказуемого гипостазиса являются, следовательно, случаями окказионального гипостазиса.

Большую часть примеров внутреннего гипостазиса составляет так называемый предсказуемый или потенциально вероятный гипостазис, который, как сказано выше, не обязательно является узуальным, т.е. нормативным в речи [1, с.28]. К примеру, гипостазис по линии развития исчисляемости у неисчисляемых существительных с суффиксом -ness относится к предсказуемому гипостазису, но такие употребления как: smallnesses, badnesses, finenesses, lawfulnesses, sadnesses, restlessnesses, etc. относятся к окказиональным, а не узуальным, например: 1. She disliked all impetuousnesses. (Caldwell); 2. Bad language was no longer heard, and the little nastinesses (Maugham).

К предсказуемому гипостазису относятся и сдвиги значения форм множественного числа вещественных существительных при обозначении сортов, разновидностей, порций, предметов, состоящих из этого вещества, однако такие употребления как bloods, dusts, inks, breads, greases, golds, etc. являются окказиональными.

В этом случае мы наблюдаем то, что Алан Гардинер назвал "инконгруэнтной функцией слова", т.е. употребление слова, нарушающее его обычные узуальные характеристики [7, с.141]. Взаимодействие лексического и грамматического во вновь возникшем варианте слова не имеет стабильного характера (см. также Мукашёв 1983:6).

Первопричиной внутреннего гипостазиса, как и большинства других сдвигов в развитии языка, являются коммуникативные потребности определенного социума, конкретные их функционально-прагматические задачи. В этом смысле внутренний гипостазис обладает достаточно четкой функционально-прагматической характеристикой: I. Он обеспечивает возможность, избегая дескрипции, осуществлять экономную номинацию понятий, явлений, для которых в исследуемом языке нет названий. II. Стилистически маркированный гипостазис направлен на создание коммуникативно обусловленного прагматического эффекта,

достижения иллокутивной экспрессивной цели, заключающейся в создании у слушающего или читающего определенных реакций - презрения, насмешки, иронии, сарказма и т.д.

В плане семантической интерпретации при внутреннем гипостазисе имеет место расширение сигнификата на базе одной лексемы. Здесь происходит процесс, который можно представить как "расщепление" сигнификата, не сопровождающееся его деформацией, так как сохраняется условие номинации - существенный признак денотата, закрепленный сигнификатом, сохраняется и обогащается дополнительным содержанием. Сигнификат расширяется, охватывая новый класс предметов, явлений.

В процессе внутреннего гипостазиса, рассматриваемого в семантическом плане, происходит перераспределение признаков сигнификата: ведущий признак, лежащий в основе сигнификата, входящий в его понятийное ядро, может оказаться семантически приглушенным, когда вперед выдвигается другой признак, в конечном счете обусловленный ведущим признаком. Так, если в примере "She was more cat than anyone else" "cat" обозначает сварливость, недоброжелательность, склонность к сплетням и т.д., то это значение, манифестируемое при развитии неисчисляемости, выдвигается на первый план.

Гипостазис может рассматриваться как процесс совершенствования языкового механизма. Наряду с рассмотренными Б.А. Серебренниковым [4, с. 49-50] проявлениями этого процесса, такими как устранение форм, утративших функцию, чрезмерной полисемией и другими, гипостазис, использующий наличествующие в языке единицы для экономного выражения иного содержания, обусловленного первичным лексическим значением и являющегося его развитием, также выступает как одна из границ процесса совершенствования языка.

Можно, очевидно, сказать, что в лексеме генерируются новые значения и связи, причем мы считаем, что этот процесс проявляется не только в диахронии, как полагает Н.Ю. Шведова [6, с. 10], но и в синхронии, в своеобразии функционирования языковых единиц в различных речевых ситуациях.

Список литературы.: 1. Га к В.Г. К эволюции способов речевой номинации // *Вопр. языкознания*. - 1985. - №4. - С. 28-43. 2. Ку а й н У.В. Слово и объект // *Новое в зарубежной лингвистике*. - 1986. - Вып. XVIII. - С. 24 - 99. 3. Му к а ш ё в Б.А. Лексико-грамматические классы слов и проблема гипостазиса в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. - М., 1983. - 176 с. 4. Се ре б р е н н и ко в Б.А. Роль человеческого фактора в языке // *Язык и мышление*. - М., 1988. - 245 с. 5. Ск л я р е в с к а я Г.Н. Языковая метафора в словаре // *Вопр. языкознания*. - 1987. - №2. - С. 59. 6. Ш ве до ва Н.Ю. Об активных потенциях, заключенных в слове // *Слово в грамматике и словаре*. - М., 1984. - С. 7-15. 7. Ga r d i n e r A. The Theory of Speech and Language. - Oxford: Clarendon Press, 1951. - P.106-177.

Поступила в редакцию 1.09.1993 г.

Ю.Г. ПЕРЛИНА

БИМОДАЛЬНОСТЬ НЕМЕЦКОЙ ЭПИГРАММЫ (К ПРОБЛЕМЕ НАПРЯЖЕННОСТИ ЭПИГРАММАТИЧЕСКОГО ТЕКСТА)

Под текст - стилистическим признаком "напряженность" понимается наличие между текстами эпиграмматического текста (ЭТ) специфического поля смыслового напряжения, выявляющегося в совокупном действии комму-

никативно-познавательного, эмоционального, синтагматического, грамматического, вертикального и других форм напряжения.*

В создании общего поля напряжения эпиграмматического произведения участвуют, помимо других средств и приемов разных уровней, также и композиционно-речевые формы (КРФ), образующие внутреннюю структуру ЭТ. Напряжение в ЭТ поддерживается "перебивкой", то есть взаимодействием разных КРФ: для экспозиции характерно "сообщение", а для клаузулы типично "рассуждение".

Известно, что КРФ представляют собой модальные единства, объединенные единым отношением адресанта к предмету высказывания [2, с. 63]. С этой точки зрения весьма существенным источником эмоционально-смыслового напряжения в ЭТ является принципиально разная модальность обеих текстов, представленных разными КРФ: экспозиции присуща "объективная", а клаузуле "субъективная" модальность.** В этом плане экспозиция, представленная объективно-констатирующей КРФ "сообщение", определяется как нейтральный, более или менее объективный, а зачастую - утрированно-положительный конденсат предмета, а клаузула, выраженная эмоционально-оценочной КРФ "рассуждение" - соответственно, как конденсат пристрастного отрицательного мнения эпиграмматиста об этом предмете. Конкретно это выражается в том, что топик содержит некоторое утверждение, а комментарий - не поддержку, а опровержение этого утверждения. Так, экспозиция, излагающая факт или демонстрируя объект, направлена на подкрепление (общепризнанно) положительных ценностных ориентаций, в то время как в функции клаузулы входит развенчивание таковых.

В языковом плане это осуществляется через оценочную систему, причем положительная (с точки зрения общественного мнения) оценка экспонируемого выражается обычно прямо, открыто, через денотативные значения языковых единиц, а отрицательная (с точки зрения автора) скрывается, как правило, в коннотативных значениях слов, проявляясь во взаимодействии основных и второстепенных, прямых и переносных значений и т.п. Наиболее важным при этом оказываются те оттенки и обертоны, которые слова приобретают контекстуально в результате соположения или противопоставления с другими. Коннотативная потенция клаузулы весьма высока. В итоге обнажается отрицательное отношение автора к предмету описания. Способ выражения авторской модальности преимущественно имплицитный.

Определим модальный смысл композиционных элементов ЭТ на следующем примере:

Kritik

Die Dichtkunst, sagt man oft, und sagt es laut,	объективная	}
Sie sei ein treuer Spiegel dieses Lebens.	модальность	
Wenn nun ein Affe in das Dichtwerk, schaut,	субъективная	}
Sieht er nach einem Sokrates vergebens.	модальность	

(Grillparzer F., 5. S. 261)

*Эти формы напряжения выявлены и описаны на материале предложения [1] и действуют в ЭТ, поскольку зачастую ЭТ состоит всего лишь из одного предложения (или двух, реже - нескольких).

**Модальность как облигаторная текстовая категория понимается здесь широко, как "прямо или косвенно выраженное отношение писателя к создаваемому им миру" [3, с. 65], включая субъективно-оценочный компонент и выражение авторской экспрессии. Под "объективной модальностью" имеется в виду то, что "необходимо", "возможно", "вероятно" и т.д. в силу объективного устройства мира, а под "субъективной модальностью" — то, что "необходимо", "возможно", "вероятно", "желательно" и т.д. — по мнению человека [4. С. 238]. Таким образом, в первом случае — это выражение дистанцированности автора от объекта описания, а со вторым — субъективно-авторское осмысление объекта.

Здесь экспозиция представлена КРФ “констатирующее сообщение” (“Говорят, что поэзия правдиво отражает жизнь”), а клаузула содержит “комментарий” к предыдущему утверждению (“Если обезьяна заглянет в поэтическое произведение, то не увидит в нем Сократа”). Для создания эмоционально-смыслового напряжения в тексте линейная структура метафорического выражения *Die Dichtkunst, ... , Sie sei ein treuer Spiegel dieses Lebens* нарушается приемом проlepsis, в котором начало предложения, выраженное существительным, повторяется в виде местоимения без изменения формы: *Die Dichtkunst, ... sie ...* Ярким художественным средством нагнетания напряжения и, одновременно, средством убеждения реципиента в объективности изложения является парантез (вставная конструкция *sagt man oft*, усиленная синтетическим связанным анафорическим повтором *und sagt es laut*), подчеркивающий общеизвестность утверждаемой истины. Содержащийся в экспозиции тезис “поэзия правдиво отражает жизнь” – это положение, которое следует доказать, а выражаемый клаузулой аргумент – оригинальный довод, приведенный, якобы, в обоснование тезиса. Поскольку метафора, отождествляющая поэзию с зеркалом, распространяет свое действие и на клаузулу, можно утверждать, что все эпиграмматическое произведение целиком представляет собой развернутый метафорический образ поэзии как зеркала, отражающего явления жизни такими, каковы они на самом деле. Однако в экспозиции лексическая метафора употреблена как штамп литературного и обиходного языка, в котором от частого употребления утрачена осязаемость иносказательности. А в клаузуле то же самое выражение воспринимается буквально, в прямых ассоциативных связях с номинативными значениями составляющих его слов. Этот диссонанс создает в тексте осязаемое вертикальное напряжение. Действительно, если в зеркало посмотрит обезьяна, то ее отражение будет соответствующим, и не стоит ожидать иного. Но одновременно метонимии принадлежности содержат переносный смысл: *Affe* – метонимическое обозначение глупости и *Sokrates* – метонимическое обозначение ума, мудрости. Иносказательность метонимии привносит следующий подтекст: “Если в тайны поэзии захочет вникнуть человек глупый, то он не сможет найти в ней ничего умного”. Обратившись на выходе из текста к заголовку *Kritik*, организующему завязку подтекста, отметим ведущее в данном ЭТ средство иносказательности – метонимическую перифразу: по признаку “глупый” обезьяна представляет собой иносказательный образ литературного критика. В единстве средств и приемов создания смыслового напряжения и механизма реализации эпиграмматического пуанта этот прием отождествления критика с обезьяной является ведущим. Он же располагает оценочным и эмоциональным потенциалом логического сигнала субъективной авторской модальности. Расшифровав отрицательно-оценочный подтекст и сформулировав концепт произведения “Бездарному критику незачем совать нос в истинную поэзию” или, более обобщенно – “А судьи кто?”, констатируем однозначно негативное отношение автора к текстовому референту. Подчеркнем при этом, что отрицательная оценка референта лишь намечена (преимущественно семантическими средствами) имплицитно, и то – только во второй текстеме – клаузуле. В экспозиции же преобладают синтаксические приемы, создающие впечатление объективного изложения и вполне положительного отношения к излагаемому. Однако субъективно-оценочная модальность клаузулы закономерно и весьма отчетливо перерастает в текстовую.

Такая стратегия композиционно-речевого оформления модальных смыслов текстом, при которой рассуждение клаузулы выступает с субъективной негативной оценкой, отрицанием предыдущей объективно-положительной оценки, характерна для подавляющего большинства ЭТ. Взаимоисключающие оценки об

одном и том же предмете и создают своеобразное поле напряжения, которое тем выше, чем более утрирована положительная оценка в экспозиции и чем менее эксплицирована отрицательная оценка в клаузуле.

Как следует из вышеизложенного, для ЭТ в целом характерен преимущественно имплицитный способ выражения авторской модальности, формируемый частными модальностями текстом. Дифференциация последних осуществляется на основе расхождения общественной и индивидуально-авторской точек зрения следующим образом: экспозиция, представленная КРФ "констатирующее сообщение!", тяготеет к объективной модальности, а клаузула, оформленная "рассуждением", имеет субъективную модальность. В связи с этим ЭТ представляется принципиально бимодальным текстом.* Под бимодальностью текста понимается одновременная реализация двух взаимоисключающих (но при этом и взаимоподчеркивающих) модальностей разных частей одного текста. Закономерным результатом столкновения двух противоположных модальностей ЭТ является перерастание авторской субъективно-оценочной модальности, имплицированной в заключительной части миниатюры, в общетекстовую модальность.

Специфическое эмоционально-смысловое напряжение между текстами обеспечивается целым комплексом способов синтагматической организации материала, представления персонажных ориентиров, позиционных способов выражения коммуникативных акцентов, стилистических приемов и экспрессивных средств разных уровней и, не в последнюю очередь, полемической бимодальностью ЭТ.

Список литературы.: 1. А д м о н и В.Г. Синтагматическое напряжение в стихе и прозе // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. - М., 1969. - с. 16-26. 2. Б р а н д е с М.П. Стилистика немецкого языка. - 2-е изд., испр. и доп. - М., 1990. - 320 с. 3. Н о з д р и н а Л.А. Роль языковых средств разных уровней в формировании художественного текста // Информативный аспект грамматических единиц в немецком языке: Сб. н. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. - М., 1989. с. 63 - 70. 4. С т е п а н о в Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения (семиотическая грамматика). - М., 1981. - 360 с. 5. Deutsche Epigramme aus fünf Jahrhunderten. - Munchen, 1969. - 292 S. 6. З а и г р и н а Н.А. Лингвостилистические особенности печатного интервью как типа текста (на материале англо-американской прессы): АКД. - М., 1988. - 21 с.

Поступила в редколлегию 1.09.1993 г.

* Термин "бимодальность" предлагается в развитие идеи Н.А. Заигриной [6, с. 19], а также Л.А. Ноздриной, подразделяющих тексты на "мономодальные, в которых все входящие в них предложения выдержаны в одной модальности... и полимодальные, в которых представлено несколько видов модальности" [3, с. 68].

ОБМЕЖУВАЛЬНІ ЗНАЧЕННЯ У НІМЕЦЬКІЙ МОВІ

У процесі мовленнєвої діяльності мовець має постійно долати труднощі відбору чи творення лексичних одиниць, словосполучень, труднощі такого поєднання у реченні, яке б якнайкраще узгоджувалося з висловлюваним у реченні смислом. Один із способів дії мовця у цьому напрямку полягає в тому, що він може спочатку сформулювати зміст речення у першому наближенні, приписуючи підметові ознаки, які ніби знаходяться на поверхні й найбільш упадають у вічі. Оскільки мовець усвідомлює, що зміст побудованого речення не повністю відповідає тому змістові, який він мав на меті виразити, то іншим утворенням пропозиційного характеру, лексичними засобами уточнюється зміст цього (основного) речення, обмежується, обумовлюється чинність висловленого ствердження. Щось подібне відбувається також тоді, коли даємо наймення речам. Не знаходячи вдалого слова для назви предмета, ми використовуємо назву подібного предмета, супроводжуючи її вказівкою на неточність, відносність такої назви: *der Seehund - seehundartig - etwas Seehundartiges; das Sofa - eine Art (von) Sofa*.

У логіці й лінгвістиці феномен обмеження (*restriktiv, Restriktiv, Einschränkung, Besschränkung*) не є однозначний. Обмежуватися може поняття, коли для нього знаходиться менше за обсягом поняття, яке неодмінно входить в обсяг вихідного. Щоб обмежити поняття, до ознак вихідного необхідно додати нові ознаки, властиві тільки якійсь частині предметів, які відбиваються у вихідному понятті [5, с.352]. Обмеження поняття здійснюється словотвірними, синтаксичними засобами: *der Satz - der Kausalsatz, das Attribut - das predikative Attribut, das Kunstwerk - das Kunstwerk der Renaissance, der Hund - die Hunde, die viel bellen, (beißen nicht)*.

Означальні підрядні речення, які виконують функцію обмеження що до слова, до якого вони відносяться, називаються обмежувальними (*restriktive Relativsätze*). Вони відрізняються від необмежувальних (*nichtrestriktiv, weiterführend*) не тільки своєю семантикою, але й контекстуальними особливостями, функціонально. Так, обмежувальні означальні підрядні речення можуть бути засобом фразової номінації, яка діє поряд з елементними засобами номінації: *Nebensätze, die durch die Konjunktion bevor eingeleitet werden - bevor - Sätze*. Зв'язок цих речень з уточнюваним словом ї більш тісний, ніж відповідний зв'язок необмежувальних підрядних означальних, так званих речень-прикладок (*appositiver Relativsätze*) [15, с. 270-273]. Останні легко трансформуються у вставні речення: *Thomas, dem solche Begabung abging, stand neben seinem jüngeren Bruder und lachte neidlos und herzlich (Th. Mann) - Thomas - ihm ging solche Begabung ab stand neben seinem jüngeren Bruder und lachte*. Обмежувальні підрядні означальні речення співвідносяться з пропозиційними утвореннями лівого контексту, підхоплюють їх зміст: *Adjektive (...) bilden eine relativ uneinheitliche Wortklasse, deren Elemente sich in einen Kernbereich und verschiedene Randbereiche gliedern lassen (...). Adjektive jedoch, die dem Kernbereich der Wortklasse angehören, sind von einer bemerkenswerten syntaktischen Kookkurrenzfähigkeit und Beweglichkeit (Grundzüge einer deutschen Grammatik)*. Втої ж час один із різновидів необмежувальних означальних речень, продовжуючи означальні (*weiterführender Relativsätze*), виключає можливість зв'язку з пропозиційними утвореннями лівого контексту: *Unsinnig vor Wut und Angst stieß er gegen die Tür, die endlich aufsprang* . (E.T.A. Hoffmann) - (*Die Tür sprang endlich auf. Er stieß gegen die Tür, die endlich aufsprang*).

Обмежуватися може не лише поняття, яке виражається тим чи іншим іменником - складником синтаксичної будови речення, але й зміст цілого речення. Речення, які виконують функцію обмеження (обмежувальні), по-різному впливають

на речення, зміст якого обмежується. З огляду на те, що у семантичній структурі речення *S* розрізняються щонайменше два складники: *M* (модус, модальність) та *P* (пропозиція, диктум), $S = M + P$ [I, с.56-59; II, с. 404], важливо вияснити характер впливу обмежувального речення на семантику основного.

У текстовому фрагменті *Verjüngt und beschwingt schaukelte sie hinaus (...) Eine halbe Stunde gingen auch die andern. Nur Lilly blieb mit ihrem steinernen Gesicht sitzen* (E.M. Remarque) зміст останнього речення заставляє читача повернутися до передостаннього речення і прореагувати на нього приблизно так: *Aha! Nicht alle Mädchen gingen hinaus*. Обмежувальне речення з **nur** не змінює стверджувального характеру попереднього речення, а лише уточнює його пропозиційний зміст. Якщо без обмежувального речення пропозиційний зміст попередніх речень можна виразити (**A** - *hinausgehen*; **B,C,D,E** - *hinausgehen*), то після приєднання останнього речення (**E** - *sitzenbleiben*) стає зрозумілим, що пропозиційний зміст другого речення буде (**B,C,D** - *hinausgehen*).

Зміни у пропозиційному змісті, які спричиняє обмежувальне речення або ж ціла низка обмежувальних речень, можуть бути значними й призводити до того, що зміст речення без обмеження суперечить тому змістові, який виводиться з урахуванням обмеження. Це дає підстави дещо іронічно ставитися до початкового змісту основного речення, створює ефект несподіваної зміни початкового змісту: *Man saß beieinander wie am ersten Tage, nur daß der Sommer dahin war, daß es zu kalt und windig war, in der Veranda zu sitzen, und daß Morten fehlte ...* (Th. Mann). Якщо обмежувальним реченням не уточнювати зміст основного речення, то у слухача, обізнаного зі станом речей, цілком природно виникає заперечення щодо змісту основного речення. Для аргументації заперечення у такому разі може використовуватися зміст обмежувального речення: - *Man saß beieinander wie am ersten Tage.* - *Aber das ist nicht wahr. Denn der Sommer war dahin, und es war zu kalt und windig, in der Veranda zu sitzen, und Morten fehlte.*

Різноманітні зміни, які вносять обмеження, зміни щодо пропозиційного змісту іншого речення назвемо пропозиційно-обмежувальними. Речення, в яких вказується на обмежені можливості людського сприйняття, пізнання, на відносність і суб'єктивність наших знань тощо, здатні при відповідному оформленні теж виконувати обмежувальні функції щодо інших речень: *Frau Margarete Brigge war immer schön, soweit ich denken kann, eine hochgewachsene, unzugängliche Greisin* (R.M. Rilke). *Zu Arisbe ging ich allein, soviel ich weiß* (Ch. Wolf). На відміну від попередніх ці речення вносять зміни не у пропозиційний компонент семантичної структури, а у модальний. За їх допомогою обмежується категоричність ствердження у реченні, до якого вони відносяться, підкреслюється суб'єктивність стверджуваного, допускається можливість неточностей, помилки. Обмежуючи таким реченням основне висловлювання, мовець частково знімає з себе відповідальність за істинність стверджуваного. Такі речення назвемо модально-обмежувальними.

Модально-обмежувальні речення вводяться сполучниковими словами *insofern*, *sofern*, *soweit*, *wieweit*, *inwiefern*, *soviel*, *so gut*, але вважати ці слова ознакою тільки модально-обмежувальних речень (пор.: 14, с. 558) не можна, тому що речення з (*in*)*sofern*, *soweit*, *soviel*, *wieweit*, *inwiefern*, *so* + *ein* *Adverb*: *so schnell* etc. здатні обмежувати й пропозиційний зміст основного речення: *Er trat einen Schritt zurück, soweit es möglich war in der Enge* (B. Frank). Усе залежить від семантики обмежувального речення. Коли у ньому містяться вказівки на обмежені фізичні, ментальні можливості агенса виконати дію, на обставини, які обумовлюють реалізацію певної ситуації, то обмежувальним реченням вносять зміни у пропозиційний зміст. Коли ж в обмежувальному реченні йдеться про той чи інший обсяг підстав, можливостей робити ствердження щодо стану речей основного речення, то таке обмеження стосується модальності основного речення.

До обмежувальних речень функціонально наближаються умовні речення [4, с. 332], які теж можуть обмежувати пропозиційний і модальний компоненти головного речення, а також допустові: *In nordwestlicher Richtung könne man die Stadt B sehen, die schon im Westen liege. Wenn das Wetter klar sei (Chr. Wolf). (...) der Kochunterricht (...) kam ihr (wenn der Verf einige Bemerkungen von Shwester Cecilia richtig deutet) abstrakter vor als die Mathematik (H. Böll). Er hatte die ein wenig tiefliegenden, blauen und aufmerksamen Augen seines Vaters, wenn ihr Ausdruck auch vielleicht träumerischer war (Th. Mann).*

У деяких контекстах не виключається можливість заміни сполучників типу (in)sofern, (in)soweit, wofern, wiefern сполучниками *wenn, falls*: *Die Zeiger der Uhren weisen in den Zenit des Himmels, soweit . / wenn . sie nicht stillstehen.* Але існують також контексти, в яких така заміна небажана хоча б тому, що вони уже містять умовні речення з *wenn* чи *falls*: *Schon H. Paul räumt ein, daß das Reflexivpronomen, sofern von einem Infinitiv abhängig, auf einen obliquen Kasus bezogen (wird), wenn dieser bei Umsetzung desselben in ein Verb finitum Subjekt werden müßte (DaF 1992, №1).*

Порівняння речень, за допомогою яких обмежується пропозиційний чи модальний компоненти основного речення, з означальними обмежувальними реченнями свідчить, що характер обмеження у цих двох видів речень різний. В утвореннях зі сполучниками *nur daß, außer daß, soweit, soviel* тощо здійснюється сама операція обмеження. Ця операція, якою об'їднується головне чи основне і відповідно підрядне чи відносно самостійне обмежувальне речення у єдиний комплекс, відіграє центральну роль у семантичній і структурній організації даної єдності. Тут доречно нагадати, що показник зв'язку у складному реченні функціонально еквівалентний присудковій у простому реченні, він утворює конструктивну вершину складного речення [2, с. 85-92; 12, с. 77-78]. Саме такі речення є власне обмежувальними.

Зовсім іншу природу має обмеження, яке виражається обмежувальними означальними реченнями. За допомогою комплексу "обмежування поняття, виражене іменником, + обмежувальне означальне речення" називається певний предмет чи клас предметів, і ця складна назва у структурі речення займає аргументну позицію, як, наприклад, простий чи складний іменник або ж словосполучення "прикметник + іменник". Значення обмеження тут представлене як вторинне, як таке, яке виявляється на рівні компонента складного речення. Обмежувальний зв'язок тут не є конструктивною вершиною відповідного складного речення. Таким же чином у одному із складників речення може існувати причинний зв'язок (*zornrot - rot vor Zorn - rot, weil man in Zorn geriet*), хоча ціле речення буде не причинним, а, наприклад, темпоральним: *Sein Gesicht wurde zornrot, als er mich erblickte.*

Власне обмежувальні речення німецької мови розглядаються граматистами у розділі "Складнопідрядне речення". У російській граматиці обмежувальні зв'язки досліджуються як різновид зв'язків сурядності [6, с. 83-124] або ж як різновид внутрішньотекстових зв'язків [7, с. 158-160]. Дійсно, значна кількість речень з обмежувальною семантикою оформляється як сполучникові підрядні речення. Серед сполучників і сполучникових слів наводяться *ausgenommen daß, außer daß, außer wenn, (in)sofern, (in)soweit, (in)wiefern, nur daß, soviel, wieweit, so + ein Adverb: so gut, so rasch, so schnell ...; конструкція es sei denn, daß*. При наявності заперечення у головному реченні підрядне обмежувальне може вводитися за допомогою сполучника *als daß*, який не згадується у граматиках як обмежувальний: *(...) und man hatte zu ihren Lebzeiten nichts Auffallendes an ihr bemerkt, als daß sie ewig kränklich und bekümmert gewesen war (H. Hesse). Es fehlt nichts, als daß meine Frau ein paar Palmen für ihren Erker bekommt, und daß ich mich nach einigen brauchbaren ölgemälden umsehe (.) (Th. Mann).*

Складне речення з власне обмежувальним зв'язком своїх компонентів

відрізняється від багатьох інших різновидів складних речень тим, що воно має неповну парадигму. Збірка прикладів, які розглядалися при написанні цієї статті містить 376 таких складнопідрядних речень, але усі вони за своїм комунікативним типом є стверджувальними, розповідними. Це дає підстави для думки, що існує певна узгодженість між комунікативним типом речення і можливістю вносити обмеження у модальний та пропозиційний компоненти його семантичної структури. Намагання ввести обмеження у питальне речення з питальним словом чи без нього має наслідком дефективне утворення: *Wann ist er zu Hause, soviel ich weiß?* * *Ist er zu Hause, soviel ich weiß?* Якщо у стверджувальному реченні підрядне зі сполучником *weil* може виконувати обмежувальну функцію (*Man kann die Stadt B sehen, wenn . das Wetter klar ist*), то у питальному реченні (*Kann man die Stadt B sehen, wenn . das Wetter klar ist?*) підрядне виражає умову. Що ж до парадигматики інших різновидів складнопідрядного речення, то наявні дослідження свідчать, що для них не характерні такі значні обмеження на утворення форм [3, с. 60-66; 8, с. 105-106].

Аналіз утворень, безпосередні складники яких поєднані обмежувальним зв'язком, свідчить, що він має місце не лише у складнопідрядних реченнях. Обмежуватись може також речення - складник складносурядного, відносно самостійне речення у складі надфазової єдності: (...) *nun hatte Leni, wie man sich denken kann, nichts gegen Marien lieder, nichts gegen Rosenkranz etc., nur war sie - zu diesem Zeitpunkt ihres Lebens knapp siebzehn - nach zweieinhalbjähriger, mühsam erduldeter Nonnensculffrömmigkeit nicht sonderlich interessiert und fand das langweilig* (H. Böll). *Leni war durchaus bildungsfähig, sogar bildungshungrig oder - durstig, und alle Beteiligten waren bemüht, ihren Hunger bzw. Durst zu stillen. Nur die ihr gebotenen Speisen und Getränke entsprachen nicht ihrer Intelligenz, nicht ihrer Veranlagung (...)* (H. Böll). *Doch das hat noch keiner getan. Jedenfalls habe ich nichts dergleichen gehört oder gelesen* (E. Kästner). *Ja, München gefällt mir ganz ausnehmend (...); aber an das Essen kann ich mich noch nicht recht gewöhnen* (Th. Mann).

У вираженні обмеження беруть участь також численні лексичні засоби. За їх допомогою уточнюється, звучується зміст основного речення. В обмежувальній конструкції може повторюватися частина лексичного складу основного речення: *Und so war es wieder gut. Fast wieder gut* (E. Kästner). *Maman kam nie in der Nacht - oder doch, einmal kam sie* (R.M. Rilke).

Обмеження щодо окремих членів речення, особливо щодо тих, які виражають множини, здійснюється шляхом використання лексем *abgesehen, ausgenommen, außer, bis auf, nicht ausschließlich, mit Ausnahme, höchstens*.

Наведені у цій статті синтаксичні, лексичні засоби вираження обмеження здійснюють відповідну операцію, але не називають, не експлікують її. Проте у деяких випадках мовленнєвої діяльності з'являється необхідність назвати цю операцію. Це, зокрема, стосується наукових текстів, в яких буває важливо підкреслити, що наприклад, у даному абзаці йдеться про обмеження обсягу досліджуваного матеріалу, обмеження кількості розв'язуваних дослідником завдань тощо [10, с.199; 9, с. 68-74]: *Wir beschränken uns hier bewußt auf die graphische Ebene der Sprache oder der Schreibung* (Sprachpflege 1989 №8). Порівняйте також вислови: *Man sollte sich immer vor Generalisierung hüten; hier sind Restriktionen beobachtbar*. У казках застережувально-обмежувальні значення виражаються реченнями типу: *Aber hüte dich, daß du nicht ... ; Es ist dabei die Bedingung, (daß du keinem Menschen auf der Welt entdeckst ...)*.

Дослідження показує, що у німецьких граматиках семантика конструкцій з обмежувальними значеннями висвітлюється дещо спрощено, при цьому враховується лише незначна кількість засобів вираження таких значень. Синтаксичні зв'язки доцільно розглядати не тільки на рівні словосполучення,

простого й складного речення, але й на рівні надфразових єдностей. Аналіз обмежувальних зв'язків тільки у розділі "Складнопідрядне речення" - це данина традиції, яка не зовсім узгоджується з фактами мовної реальності. Зазначені зв'язки стосуються й таких розділів, як "Складносурядне речення", "Текст" (чи "Надфразові єдності").

Список літератури. 1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. 416 с. 2. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977. 204 с. 3. Егорова З.А. Парадигма сложноподчиненного предложения // Науч. докл. высш.шк. Филол. науки. 1976. №6. С. 28-36. 4. Зиндер Л.Р., Строева Т.В. Современный немецкий язык. 3-е изд. М., 1957. 420 с. 5. Кондаков Н.И. Логический словарь. М., 1971. 638 с. 6. Кручинина И.Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке. М., 1988. 212 с. 7. Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст: К типологии внутритекстовых отношений. М., 201 с. 8. Матвеева Н.Н. Проблема парадигматики сложноподчиненного предложения: на материале современного английского языка. Л., 1984. 135 с. 9. Прокopcук А. А. Сложноподчиненное предложение и текст. Харьков, 1990. 191 с. 10. Троянская Е.С. Лингво-стилистическое исследование немецкой научной литературы. М., 1982. 312 с. 11. Филмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. 1981. Вып.10. С.369-495. 12. Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987. 198 с. 13. Einführung in die Grammatik und Orthographie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1985. 304 S. 14. Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik: Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Leipzig, 1974. 629 S. 15. Lehmann Ch. Der Relativsatz: Typologie seiner Struktur: Theorie seiner Funktionen: Kompendium seiner Grammatik. Tübingen, 1984. 438 S.

Поступила в редколлегию 1.09.1992 г.

Н.В.ПРОКОФЬЕВА

РЕАКЦИЯ НЕСОГЛАСИЯ В ДИАЛОГЕ

Суть языковой интеракції заключається в впливі одного суб'єкта на другого шляхом повідомлення йому певної інформації з конкретною метою і інтерпретації його відповідної реакції партнером. Диалогічність передбачає взаємодію по крайній мірі двох концептуальних систем, "моделей світу", які певним чином пов'язані, але не обов'язково повторюють одна одну [Сергєєв, с. 7]. В когнітивному плані неспівпадіння є відповідна реакція реципієнта на актуалізований в мові фрагмент такої системи. Виконуючи мовний акт неспівпадіння (РАН), говорячий констатує нерівність своєї точки зору відносно певного явища дійсності [Озаровський, с. 70]. РАН розпадається на наступні семантичні складові, що відображають передумови говорячого відносно знань і намірів співбесідника і своїх власних.

Я знаю, що суб'єкт Х думає, що Y (так як він так сказав).

Я гадаю, що Х хотів би, щоб інші сказали, що вони думають так же.

Я так не думаю.

Я гадаю, що Y неправий.

Я гадаю, що ви зрозумієте, що я гадаю по цьому поводу.

Я кажу це, так як я хочу сказати, що я гадаю, і тому що я хочу сказати, що я не гадаю так, як Х. [Wierzbicka, с. 128].

При этом несогласие выражает смысл не само по себе, а "относительно" другого высказывания. Как отмечают Лич и Свартвик, "согласие и несогласие являются типами подтверждения или отрицания, в которых выражено скорее суждение или мнение, чем ассерция факта" [Leech, Starvic, с. 106]. В плане развертывания дискурса это обстоятельство обуславливает для РАН позицию второй, реактивной реплики в диалогических единствах (ДЕ) вида "стимул-негативная реакция (несогласие, возражение, отказ, отклонение компонента и т.д.)". В оппозитивных ДЕ такого типа участники стоят в коммуникативной оппозиции друг к другу. Она имеет место в случае, если "Интенция второго высказывания не соответствует желаемой и ожидаемой реакции, не согласуется с последствиями речевого действия утверждения" [Комина (а), с. 64]. Реплики оппозитивного ДЕ связаны противоречивой (термин Коминой Н.А.) прагматической связью. По приводимым ею данным доля таких ДЕ в коммуникации составляет 26,7%.

Как видно из предварительных замечаний, перед нами достаточно сложное и интересное явление, которое, однако, еще не явилось предметом серьезного научного исследования. Согласие / несогласие затрагивалось скорее в плане учебно-методических, чем собственно лингвистических, целей (см., например, работы [2], [5], [7]). Подчеркнув выше когнитивную сущность несогласия, сосредоточим наше внимание на видах связи данного речевого акта со стимулом оппозитивного ДЕ, а также на левосторонних и правосторонних связях высказываний, реализующих РАН, и диалектики между ними.

Один из наиболее распространенных типов связи реплик оппозитивного ДЕ - соотношение реакции со стимулом по иллюкутивной функции на основе речеактовой интенции. Мы имеем результирующие речевые пары типа "побуждение (предложение, просьба) - отказ" (1), "Оценка (комплимент, упрек) - несогласие (отклонение)" (2).

(1) "I thought of course you'd want to see her."

"I don't want to see her! I cannot think of anyone I less want to see or hear of!" (I. Murdoch)

(2) "(...) And look at you: you are looking more decrepit and hagridden every day."

"Indeed I am not," she said indignantly. (G. Durrell)

Очевидно, что в приведенных выше примерах налицо эксплицитное несогласие. Обе реплики прагматически однородны: побуждение-отказ (1) и утверждение-отрицание (2). В поверхностной структуре второй реплики выражается нежелание совершить требуемое действие в первом случае и несогласие с предъявленным утверждением во втором. Оппозитивная реакция на утверждение содержит в ряде случаев отрицание ложной presupпозиции стимула.

(3) "Ah, we shan't burn it. But I don't like begging."

"I didn't beg! He was glad to give it to me." (B.Hines)

Связь высказываний на основе presupпозиции создает базу реализации различных аспектов утвердительной / отрицательной модальности и ее оттенков (возможности, уверенности, сомнения) (4), а также оценочных категорий, описывающих информативную ценность высказывания в целом (5).

(4) "Of course! It never occurred to me. She's out of Iwelei."

"She can't be." (S. Maugham)

(5) Amanda: It was mutual.

Victor: Rubbish! It was all his fault, you it was. (H.Coward)

Однако в подавляющем большинстве случаев встречается косвенная оппозитивность, что объясняется культурными конвенциями языкового социума, запрещающими открытые конфликты в речи. Косвенная оппозитивная реакция отличается большим разнообразием средств реализации. В виду ограниченности объема статьи укажем лишь два наиболее распространенных.

В первом случае косвенное несогласие имеет вид возражения, связанного со стимулом на основе фоновых пресуппозиционных знаний о денотативной ситуации и акте общения. Эксплицитное выражение нежелания совершить заменяется констатацией причины отказа (6), негативной оценкой побуждения, указанием его неприемлемости для реципиента (7).

(6) Mrs Arbuthnot: Give it - the letter to me.

Lord Illingworth: It is addressed to me. (O.Wilde)

(7) Mrs Cheveley: Will you do that for me?

Sir Robert Chiltern: Mrs Cheveley, you cannot be serious in making such a proposition. (O. Wilde).

Возражение на утверждение содержит указание на факт, при котором актуализованное высказывание не может быть истинным, исходя из логики здравого смысла.

(8) Mrs Arbuthnot: He is not interested in you.

Lord Illingworth: Then why does he write to me? (O. Wilde)

Второй тип косвенной реакции несогласия содержит указание на условия осуществления соответствующего речевого акта (приведем их в соответствии с перечнем, предложенным В.Г. Гаком в работе [1]). а) референция к лицу речи (персональность);

(9) "I won't have it, and so I tell you straight."

"You are a brute!" (A. Bennett)

б) указание на дейктические параметры речевого акта "я - здесь - теперь - так";

(10) Peter: You are going to see me.

Pat: Not now. (T. Rattigan)

в) социальный аспект отношений коммуникантов, функционально-стилистическая модификация форм и фаз вежливости;

(11) "(...) I wa'when I nearly got my bloody back broke, wasn't I?"

"Stop shouting then. I was only remarking." (B. Hines)

г) указание на эмотивность речи;

(12) "Let me go, damn you. D'you think I'm going to let a dog be burned alive?"

"Oh, shut up. This is no time for play-acting!" (S. Maugham)

Как показывают предварительные наблюдения, в диалогических событиях более распространено не собственно прямое или косвенное несогласие, а их комбинация в виде экспликации несогласия и указания его причины.

(13) "I shall give you directions - Have another biscuit?"

"No, thank you, "said Alice, one's quite enough." (L. Carroll)

Таким образом, мы нередко сталкиваемся со сложными репликами. Реплика такого рода представляет собой сложную коммуникативную единицу, состоящую из ряда простых, объединенных общей авторской интенцией [Комина (6), с. 103]. Мы различаем сочинительные и подчинительные отношения между элементами сложной реплики. При подчинительных отношениях одна из коммуникативных единиц детерминирует другую. Наиболее распространены отношения регрессивного типа, когда определяющий элемент стоит после определяемого.

(14) Nick: (...) Now I'll have to take him out and explain Nina: Don't do that, Nick. He isn't a fool. (L. Hellman)

(2 -> 1)

При прогрессивных подчинительных отношениях определяющий элемент находится в препозиции. (15) "The kitchen, I cried. "But that's impossible. The servants!"

"Exactly. Just what ninety-nine persons out of a hundred would say. And for that very reason the kitchen is ideal place to choose." (1 -> 2) (A. Christie).

При сочинительных отношениях элементы реплики семантически равноправны. (16) "How has the marriage turned out? It appears to be quite a success. You were wrong then?"

"I said it wouldn't last. And I still say it wouldn't last." (S. Maugham)

Сочинительные и подчинительные отношения могут связывать коммуникативные единицы, входящие в состав разных реплик. Приведем пример. (17)

"Of course. It never occurred to me. She is out of Iwelei." (1)

"She can't be". (2)

"She came on board at Honolulu. It's obvious.

And she's carrying on her trade here." (S. Maugham) (3)

Налицо подчинительная дистантная связь реплик (1) и (3), где высказывания в третьей реплике играют роль аргументов-свидетельств для первой.

Подведем итоги. Высказывания, реализующие РАН, характеризуются сложностью прагмасемантической структуры и разнообразием типов межрепликовых связей. Более детально изучение содержательной стороны РАН предполагает выход в сферу модальных отношений, в частности, в область прагматического аспекта отрицательной модальности. Дальнейшее исследование межрепликовых отношений в оппозитивных ДЕ предполагает выявления основных видов вертикального контекста для РАН, а также изучение синтагматических связей реализующих его реплик.

Список литературы: 1. Г а к В.Г. О категориях модуса предложения // Предложение и текст в семантическом аспекте. - Калинин, 1978. - С. 19-26. 2. И в а н о в А.О., П о у в и Дж. Английские разговорные формулы. - М.: Просвещ., 1989. - 128 с. 3. К о м и н а (а) - К о м и н а Н.А. Прагматическая структура констатирующего блока реплик в диалоге // Языковое общение и его единицы. - Калинин, 1986. - С. 60-65. 4. К о м и н а (б)-К о м и н а Н.А. Прагматическая структура сложной реплики // Прагматика и семантика синтаксических единиц. - Калинин, 1984. -С. 103-110. 5. О з а р о в с к и й О.В. Способы выражения согласия и несогласия в современном русском языке // Русский язык в национальной школе. - 1974. - №6. - С. 70-75. 6. С е р г е е в В.М. Вступительная статья // Когнитивные методы в социальных исследованиях. - М., 1987. - С. 3-20. 7. L e e c h G., S t a r t v i c J. F Communicative Grammar of English. - М.: Просвещ., 1983. - 304 p. 8. W i e r z b i c k a A. English Speech Act Verbs. A semantic dictionary. - Sydney etc., Academic Press, 1987. - 397 p.

Поступила в редколлегию 1.09.1993 г.

А.В.РЕБРЫЙ

О ПРИЧИНАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИННОВАЦИЙ В ЯЗЫКЕ

Целью данной статьи является попытка выделить и проанализировать комплекс факторов, стимулирующих появление в речевой цепи окказиональных элементов. Каждый отдельный окказионализм - это проявление, "материализация" категории окказиональности, выделяемой нами в рамках дихотомии "язык - речь" и определяемой как возможность возникновения нового речевого факта, заданная системой языка и реализуемая вопреки норме в отдельных речевых ситуациях под воздействием определенных экстралингвистических факторов. Окказиональность проявляется на всех уровнях языковой системы: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом и семантическом; окказиональными могут быть слова, словосочетания, значения слов и словоформы. В данной

статье, ввиду ее ограниченного объема, мы будем рассматривать только лексические окказионализмы.

Специфику окказионализмов определяют не только характерные признаки, отличающие их как от других инноваций (неологизмов), так и от узуальных единиц, такие как творимость, невоспроизводимость, номинативность, экспрессивность, непривычность восприятия [5, с. 86], но и факторы, обуславливающие их создание.

Проблема обусловленности возникновения инноваций (окказиональных в том числе) до сих пор окончательно не решена и отличается разнообразием взглядов на ее решения. К. Балдингер, например, считает, что появление инноваций зависит от множества факторов, не будучи закономерно обусловлено ими [1, с. 38]. А. Мартине отдавал приоритет исследованию внутриязыковых закономерностей, полагая, что лишь они находятся в компетенции ученого-лингвиста [6, с. 532]. Л. Гильбер, предпринявший попытку соединить внешние и внутренние по отношению к системе языка факторы, выделил такие аспекты, как деноминативный (необходимость обозначить новый объект), стилистический (потребность в экспрессивно окрашенной лексике) и давление языковой системы [2, с. 41].

По нашему мнению, возникновение инноваций происходит одновременно под воздействием как (1) экстралингвистических, так и (2) внутриязыковых факторов. Их набор универсален для всех языковых систем и типов инноваций. Если вновь созданная единица является реакцией на общественно значимые изменения в окружающей действительности, то со временем она получает широкое распространение и входит в узус; если же она не выходит за рамки конкретной ситуации и является результатом "индивидуального вкуса говорящего", то она остается окказиональной.

1. Экстралингвистические факторы отражают взаимосвязь между языком и внеязыковой действительностью. Существующие в арсенале языка средства позволяють вербализировать окружающую действительность, свое отношение к ней, передать информацию дальше [3, с. 80]. Благодаря особому характеру языка как средства коммуникации, каждый говорящий может не только выбрать манеру "исполнения" конкретного речевого акта, но и выйти за пределы "готового". Видение мира всегда строго индивидуально, хотя и зависит от множества социальных факторов, определяющих личность коммуниканта (пол, образование, социальный и профессиональный статус и др.). Каждый индивид выделяет в получаемой им информации и при передаче ее дальше признаки, релевантные для данного сообщения. При этом существующие в языке средства могут удовлетворять информанта и наоборот. В последнем случае и начинается поиск новых средств и способов выражения мысли, ведущий к образованию инноваций.

Внешние факторы, побуждающие говорящего к "поиску нового", мы определяем следующим образом: (1). объективная номинативная недостаточность, то есть отсутствие в данном языке обозначения для нового смысла, возникшего в окружающей действительности: *Newsweek heralded the arrival of Tracumania (Andersen)*. (2). субъективная номинативная недостаточность, то есть отсутствие в индивидуальном арсенале языковых средств коммуниканта данного смысла, формы или конструкции, вызванное ограниченностью его "внутреннего лексикона" [4, с. 104]. Субъективная номинативная недостаточность всегда подтверждается контекстом: *She is something. Rich as Greases, like we used to say till you found out who Croesus was (Thomas)*. (3). экспрессивно-эмоциональная недостаточность, то есть неадекватность с точки зрения коммуниканта существующих языковых средств для релевантной экспрессивно-эмоциональной

характеристики ситуации: Give Felicity five minutes in a room any room, and she made it look like she'd lived there forever. She was a nester ... (Thomas)

II. Реализации авторской установки на создание новых единиц способствуют внутриязыковые факторы. К ним относятся те закономерности языковой системы, которые в своей совокупности обеспечивают действие порождающей функции языка. Чем сильнее их влияние, тем меньше степень окказиональности новообразования и тем больше вероятность его последующего принятия говорящим узусом.

Среди внутрисистемных порождающих факторов мы выделяем следующие: (1) закон экономии речевых усилий (или экономия речи), согласно которому "... человек расходует ровно столько речевых усилий, сколько требуется для того, чтобы его речь была понята собеседником" [6, с. 536].

Конкретное проявление данной закономерности заключается в образовании инноваций по трем основным типам: (а) с усечением элементов: This customer was so different from our prototypical Mr Q that I shall call him Vic - as in Victor & Victim (Ambler); (б) с объединением элементов: He looks like weight-watcher sun-lamp-user and wearer of steel-grey toupee (Ambler); (в) с заимствованием элементов: Here was Boris Yeltsin declaring rounding up of the Putschniks (The Age).

Наиболее эффективна экономия речевых усилий в тех случаях, когда новообразование характеризуется семантической прозрачностью, его значение легко определяется и не нуждается в дополнительных комментариях. (2). Языковая аналогия, то есть создание на основе структурного образца (конкретного слова / словосочетания / предложения либо грамматической формы, синтаксической конструкции, модели или типа) новых единиц. Природа аналогии двойственна: с одной стороны, она является источником создания новых элементов, характеризующихся правильностью и системностью употребления и, тем самым, реализует тенденцию к регулярности, существующую в языковой системе; с другой стороны, по аналогии могут возникать многочисленные окказиональные инновации, выражающие тенденцию к экспрессивности, которая противостоит тенденции к регулярности: Boris the Great pulls off a miracle (The Age) (Peter the Great - Boris the Great).

Принцип аналогии лежит также в основе таких явлений как: контаминация: Suddenly my vague discomfort about the project, crystallized. A museum. A freak show. A freakoseum (Rossner); (б) народная или псевдоэтимология: Glasnost - or is it Pretty-stroika? - is certainly changing the West's image of the Soviet Union (Daily Mail).

(3). Синонимия и антонимия. Среди разнообразных причин возникновения инноваций определенное место занимает установка на выражение отношений тождества и противоположности, которые существуют в объективной действительности и выражаются в языке через такие его свойства, как синонимия и антонимия.

Анализ языкового материала позволяет выделить следующие конкретные случаи:

(а) окказионализм продолжает узуальный синонимический ряд, уточняя значение, исходя из специфики конкретной ситуации: Many of them have opted for the Charismatic Mr Yeltsin rather than the eight helpless apparatchiks, (The Age); (б) мотивирующие производных окказиональных единиц находятся в синонимических отношениях: And he is presentable, if a trifle glib for my taste, but they are all nowadays. Glib, I mean ... A mumblar, a hemmer and hawer, just won't do (Thomas); (в) окказиональный речевой синонимический ряд формируется из узуальных единиц в рамках определенного контекста, за пределами которого их значения могут довольно сильно расходиться. Окказиональными в этом случае являются

не единицы языка, а сами синонимические отношения: The divorce was a difficult time for him ... But it passed for him; it will never pass for me ... I'm the intruder. The foreigner. A breaker of marriages (Ludlum); (г) окказиональная единица противопоставляется по значению узуальной: - What are you, anyway, the stopper? - I'm just a Cautioner, Mr Naere (Thomas); (д) в отношениях контекстуальной антонимии находятся единицы, значения которых, взятые вне данного контекста, не являются противоположными: - Horny? I'm red-blooded. - I'm tired-blooded (McBain)

Исследованный языковой материал позволяет сделать вывод, что возникновение инноваций является результатом совокупного действия экстралингвистических факторов, определяющих содержание новых единиц, и внутрисистемных языковых закономерностей, детерминирующих их форму.

Список литературы: 1. Baldiger K. Semaseologie. Berlin, 1957, s. 38. 2. Гильбер, 1975, цит. по Гак В.Г. О современной французской неологии// Новые слова и словари новых слов. - Л. 1978. 3. Король Г.В. Об экстралингвистических условиях актуализации внутренней логики-семантической валентности при образовании лексических инноваций. // Неологизмы в лексике, грамматике и фонетике. - З., 1985. 4. Кубрякова Е.С. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. - М., 1991. 5. Лыков А.Г. Можно ли окказиональное слово назвать неологизмом? // РЯШ, 1972/2. 6. Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в зарубежной лингвистике. - М., 1963.

Поступила в редколлегию 1.03.1993 г.

А.В.РЕБРИЙ

К ВОПРОСУ ОБ ОККАЗИОНАЛИЗМАХ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Целью нашего исследования в данной статье является попытка определения и классификации окказионализмов по категориям и способам образования в современном английском языке. Эта задача является частью более общей проблемы образования и использования инноваций на разных языковых уровнях и затрагивает вопросы о языке и речи, системе и норме, норме и ее нарушении.

Изучение инноваций всегда актуально, потому что именно в них наиболее полно раскрывается творческий потенциал любой языковой системы. Нет такого современного языка, в котором бы постоянно не возникали новые слова, выражения, значения слов.

Лингвистически понятие окказиональности было сформулировано еще в прошлом столетии и связано, прежде всего, с именем немецкого филолога Г. Пауля, впервые употребившего термин "окказиональное значение" в работе "Принципы истории языка" [2, с.94]. Проблема окказионализмов разрабатывалась в работах А.И. Смирницкого (1954), Г.О. Винокура (1943), Н.И. Фельдман (1957), Э.М. Медниковой (1964), Э. Ханпиры (1966, 1972), А.Г. Лыкова (1971, 1972, 1976) и многих других. Сегодня проблема изучения окказиональных образований выходит на новый качественный уровень. Приоритетным является анализ причин возникновения инноваций, условий их функционирования в речи и того богатого прагматического потенциала, которым они обладают.

Традиционно новообразования подразделяются на два больших класса: неологизмы и окказионализмы. Неологизмы определяются как устойчивые инновации, вошедшие в употребление языкового коллектива [3, с.121]; окказионализмы - как слова, значения слов и сочетания слов, использованные

единожды в каком-либо тексте или акте речи [1, с.331].

За любой инновацией всегда стоит авторская интенция. Если эта интенция является реакцией на общественно значимые изменения в окружающей действительности, то инновация со временем получает широкое распространение и входит в узус; если же новая единица не выходит за рамки конкретной ситуации и является результатом "индивидуального вкуса говорящего", то она остается окказиональной.

Цель большинства окказионализмов - выразить отношение автора в самом широком смысле к определенному объекту, явлению или действию в той или иной ситуации и привлечь при этом максимальное внимание не только к описанному, но часто и к себе самому.

В то же время, создавая новое, пусть самое даже самое необычное слово, автор неминуемо подвергается определенному воздействию, "давлению" со стороны языковой системы, хотя бы уже потому, что пользуется определенным языковым материалом и законами его применения (даже нарушая их!).

Среди внутриязыковых факторов, способствующих созданию окказиональных инноваций, можно выделить следующие: действие порождающей функции языковой системы, тенденцию к экономии речевых усилий, языковую аналогию.

Степень окказиональности инноваций обратно пропорциональна уровню влияния языковой системы на их создание. Следовательно, наибольшей степенью окказиональности будут обладать единицы, образованные по малопродуктивным, непродуктивным или окказиональным моделям и способам, а наименьшей - единицы, созданные по открытым и наиболее продуктивным из них.

Но, даже создавая окказиональные единицы с использованием самых распространенных моделей и способов, автор тем не менее проявляет сознательную творческую активность, поскольку для передачи тех же значений он мог бы использовать узуальные синонимы или традиционные для данного языка описательные выражения.

Мы выделяем следующие характерные черты окказионализмов, отличающие их от других инноваций и узуальных единиц:

1. Окказионализмы создаются в речи "на один раз" для обслуживания конкретной ситуации. Некоторые окказионализмы, получившие широкую известность, могут цитироваться другими авторами.

2. Если новизна неологизмов со временем исчезает, то необычность, непривычность восприятия окказиональных образований всегда остается их отличительной чертой.

3. Появление окказионализмов в цепи речевых элементов непредсказуемо. Им присуща номинативная факультативность.

4. Окказиональные образования отличаются повышенной экспрессивностью как за счет непривычности, свежести восприятия, так и за счет особой концентрации смысла.

Окказиональные инновации могут возникать на разных языковых уровнях: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом.

Ввиду ограниченного объема статьи мы рассмотрим лишь наиболее распространенные способы окказионального словообразования, не касаясь других путей создания окказионализмов ("изобретение" слов, придание узуальному слову окказионального значения, изменение фразеологических единиц, создание индивидуально-авторских фигур речи и т.д.).

Для создания окказиональных слов могут использоваться как (I) особые, присущие только данному классу, так и (II) традиционные способы словообразования.

1. Характерным для окказионального словообразования является

применение способов, основанных на сопоставлении различных созвучных слов или частей слов (в семантическом отношении между ними может не быть ничего общего) [4, с.413, 418], таких как: а) контаминация, т.е. соединение двух узуальных слов, порождающих третье, состоящее из основы одного из объединяющихся слов и части другого.

Lee was near collapse. A collie and a poodle! What would emerge? A copoodle? (Susann);

б) междусловное наложение: на конец одного слова накладывается омонимическое начало другого. Сюда относятся слова типа hooligangster <- hooligan + gangster;

в) псевдоэтимология, то есть замена слова (или его части) другим, совершенно чуждым ему по значению, но сходным по звучанию.

Glasnost - or is it Pretty-stroika? - is certainly changing the West's image of the Soviet Union. (Daily Mail).

II. При применении традиционных способов словообразования могут использоваться как малопродуктивные, непродуктивные или окказиональные модели, так и наиболее продуктивные из них. Здесь мы выделяем:

а) словопроизводство (аффиксацию).

Эффект окказиональности может возникать:

- в результате использования редких или уникальных для данной языковой системы элементов (основ и аффиксов).

Here was Boris Yeltsin addressing the Russian Parliament and announcing the rounding up of the "Putschniks". (The Age);

- за счет нарушения семантических ограничений модели.

I didn't want you to be angry with me. - Oliver Twistess again (Rossner).

б) словосложение. Является одним из высокопродуктивных способов образования окказионализмов. В этом способе мы выделяем:

- фразовые сложения, используемые в качестве модификаторов.

I asked him to take the "everything-I-didn't-want" one out of its cage (Susann);

- сложение основ.

I had not been poodle-struck so I had merely given the little ball of fluff a loving pat (Susan);

- сложение основ + аффиксация.

The man looked like weight-watcher, sun-lamp-user and wearer of steel-grey toupee (Ambler).

в) конверсию. Некоторые инновации могут создаваться по окказиональным моделям, как, например, модель Prep -> N.

Thinks he'd like to be mayor. That's for starters. - What's for afters? (Thomas).

Проанализированный языковой материал позволяет в порядке предварительного вывода, не претендующего на исчерпывающий характер, отметить, что аффиксация и словосложение являются наиболее распространенными и эффективными средствами создания окказионализмов в современном английском языке.

Список литературы: 1. Лингвистический энциклопедический словарь, - М., 1990. 2. Пауль Г. Принципы истории языка. - М., 1960. 3. Прокудина О.А. Инновации в окказиональных антропонимах персонажей // Неологизмы в лексике, грамматике, фонетике. - Рига, 1985. С. 121-125. 4. Янко-Триницкая Н.А. Продуктивные способы и образцы окказионального словообразования // Актуальные проблемы русского словообразования, - Ташкент, 1975. С. 413-418.

Поступила в редколлегию 1.09.1993 г.

**ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ НЕКОТОРЫХ
АФФЕКТИВНЫХ ФАКТОРОВ НА УСВОЕНИЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА**

В данном эксперименте была сделана попытка установить возможное влияние некоторых аффективных факторов (экстра / интроверсии, тревожности) на усвоение иностранного языка (ИЯ). В экспериментах, проведенных ранее, исследовалось влияние лишь экстра / интроверсии. Однако установленная корреляция между данными аффективными факторами и усвоением ИЯ была либо умеренной (в немногих случаях), либо слабой. Такие результаты можно объяснить тем, что испытуемые находились на достаточно продвинутом этапе овладения ИЯ. Поэтому влияние экстра / интроверсии могло нивелироваться за счет других факторов.

Данные обстоятельства потребовали проведения нового исследования. Новый эксперимент проводился с декабря 1992 по июнь 1993 года. В нем принимали участие четыре группы (31 испытуемый) учащихся коммерческих курсов по изучению английского языка в Харьковском государственном университете. Характеристики испытуемых: 20 мужчин, 15 женщин, возраст от 16-ти до 40 лет (1 испытуемый - 54 года), социальный состав - студенты, преподаватели, инженеры, научные работники, коммерсанты. Все испытуемые находились на начальном этапе овладения ИЯ, что было одним из условий эксперимента. Для определения аффективных характеристик испытуемых был проведен предэкспериментальный срез. Экстра / интроверсия и тревожность определялись с помощью анкет, предложенных в психологической литературе [1]. Экспериментальное обучение проводилось по аудиолингвальной методике. Продолжительность обучения была различной в разных группах (от 4 до 8 месяцев). В конце экспериментального обучения в каждой группе был проведен постэкспериментальный срез, в котором устанавливалась степень усвоения испытуемыми ИЯ. Тест включал в себя проверку владения такими аспектами языка, как перевод и говорение. Учитывая тот факт, что постэкспериментальный срез проводился в разных группах на различных этапах обучения, а также отличия в условиях обучения (обучение велось несколькими преподавателями), результаты эксперимента анализировались отдельно по каждой из групп (условное обозначение - 1, 2, 3 и 4 группы).

Для определения влияния аффективных факторов на усвоение ИЯ результаты предэкспериментального среза (аффективные характеристики) и постэкспериментального среза (степень усвоения ИЯ) были представлены в процентах. Для определения степени связи между экстравертностью, интровертностью и тревожностью, с одной стороны, и усвоением отдельных аспектов языка, с другой, полученные результаты были обработаны для получения коэффициента линейной корреляции.

Результаты вычисления представлены в таблице 1. Как следует из таблицы 1, экстраверсия положительно коррелирует с результатами по переводу в трех группах (1, 2, 3), и отрицательно в группе 2. В первой группе коэффициент корреляции (0,75) означает очень сильную связь между сравниваемыми параметрами. В группе 3 наблюдается слабая корреляция ($K=0,2$), что означает практическое отсутствие связи. В группе 4 коэффициент корреляции (0,4) указывает на незначительную связь между сравниваемыми величинами. В группе 2 отрицательное значение экстравертности (-0,4) свидетельствует о том, что повышение значения экстравертности снизило степень усвоения. Что касается связи экстраверсии с говорением (измерялось в группе 2, 3), то результаты здесь противоречивые - наблюдается как положительная умеренная корреляция (0,4), так и отрицательная умеренная корреляция (-0,4).

Как следует из таблицы 1, интроверсия отрицательно коррелирует результатами тестовой проверки усвоения в трех группах из четырех. В группе 1 корреляции не отмечено. Заметная корреляция и значительная связь между интроверсией и переводом установлена в группах 2 и 3 (-0,6; -0,5 - соответственно). В группе 4 - результат еще выше (-0,9). Данное значение свидетельствует об очень высокой корреляции и очень сильной связи. Заметная корреляция и значительная связь установлена также между интроверсией и говорением в группах 2 и 3 (-0,6 и -0,5 - соответственно). В двух других группах степень усвоения говорения не измерялась.

Во всех группах испытуемых отмечена отрицательная корреляция между тревожностью и результатами тестов по переводу. Так, в группе 1 коэффициент корреляции составил (-0,3), что свидетельствует о явной, но незначительной связи между сравниваемыми величинами. В группах 2 и 3 результат (-0,6; -0,7 - соответственно), что говорит о заметной корреляции и значительной связи. В группе 4 коэффициент (-0,9) свидетельствует об очень высокой корреляции и очень сильной связи. Тревожность также заметно коррелирует с говорением в группе 2 ($K=-0,6$) и умеренно в группе 3 ($K=-0,4$).

На основании результатов исследования можно сделать некоторые выводы относительно возможного влияния экстраверсии, интроверсии и тревожности на усвоение ИЯ. Отмеченная положительная корреляция между экстраверсией и переводом в трех случаях из четырех ($K=0,75$; $K=0,2$; $K=0,4$) и отрицательная корреляция в одном случае ($K=-0,4$) не дают основания делать окончательный вывод относительно взаимозависимости этих параметров. Однако можно предположить, что экстраверсия все же может влиять на овладение таким аспектом языка как перевод (об этом свидетельствует результат группы 1, где коэффициент корреляции составил 0,75). Кроме того, незначительная положительная корреляция ($K=0,4$) и такая же отрицательная ($K=-0,4$) дают основание сделать вывод об отсутствии явной зависимости между экстраверсией и говорением. Очевидная противоречивость результатов приводит к мысли о том, что необходимы дальнейшие исследования влияния экстраверсии на усвоение ИЯ.

Отмеченная в большинстве случаев значительная связь (в одном случае очень сильная связь) между интроверсией, с одной стороны, и переводом и говорением, с другой, дает основание сделать вывод о существенном влиянии интроверсии на усвоение данных двух аспектов языка. Причем увеличение значения интроверсии снижает степень усвоения.

По результатам эксперимента наиболее определенный вывод можно сделать о влиянии тревожности на усвоение ИЯ. Из полученных в исследовании результатов очевидно, что увеличение уровня тревожности во всех случаях отрицательно влияло как на говорение, так и на перевод, то есть в целом на усвоение ИЯ. $L(L)[+]$ +

Психологические характеристики	Группа испытуемых					
	1	2	3	4		
	перевод	перевод	говоре- ние	перевод	гово- рение	перевод
Экстраверсия	0.75	-0.4	-0.4	-0.2	0.4	0.4
Интроверсия	0.02	-0.6	-0.6	-0.5	-0.5	-0.9
Тревожность	-0.3	-0.6	-0.6	-0.7	-0.4	-0.9

Таблица 1. Корреляция экстраверсии, интроверсии и тревожности с результатами тестов по контролю отдельных аспектов языка.

Список литературы: 1. Н о р а к и д з е В.Г. Методика исследования характера личности. Институт психологии. - Тбилиси: Мецниеребе, 1989.

Поступила в редколлегию 1.03.1993 г.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
АВТОРСКОЙ РЕЧИ В ДРАМАТУРГИЧЕСКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Характерной особенностью драматургических произведений является наличие авторского комментария, оказывающего значительное влияние на лингвистические параметры речи персонажей. Однако закономерности организации высказываний в диалоге драматургического произведения изучены более детально и основательно, чем закономерности организации авторской речи. Анализ же структурной организации авторской речи (ремарок) в драматургическом произведении представляет существенное значение для его описания в лингвистическом плане. Объем ремарки колеблется от одного слова до целой группы предложений. Тем не менее, даже ремарка, состоящая только из одного слова, которое может относиться практически к любой части речи, всегда достаточна для выполнения своего основного назначения в драматургическом произведении - способствования адекватной интерпретации актуализируемой ею реплики персонажа.

Целью описания ремарок в структурном аспекте является раскрытие механизма их порождения, что естественным образом предполагает установление структурных типов ремарок. Несмотря на кажущееся, на первый взгляд, многообразие структурной организации ремарок в драматургическом произведении, они могут быть сведены к определенному количеству структурных моделей. Следует отметить, что для каждой конструкции есть типичные для нее значения, благодаря чему верно и обратное: от определенного смысла (группы смыслов) есть некая каноническая форма перехода к его языковому представлению; типы повторяющихся смыслов рождают типы объективирующих их конструкций и диктуют использование последних в известных типизированных ситуациях [1, с. 103].

Нами были выделены основные структурные модели ремарок, которые варьируются в зависимости от их принадлежности к тому или иному классу. Классификация ремарок по семантическому (тематическому) признаку способствовала выделению 4 основных классов ремарок в драматургическом произведении: акциональных ремарок; ремарок, описывающих звуковое оформление реплик персонажей; интродуктивных ремарок и адресатных ремарок, которые, в свою очередь, подразделяются на соответствующие подклассы [6, с. 31-41].

Итак, рассмотрим наиболее характерные модели структурной организации авторских ремарок в драме. Модель N+V(...) соответствует полносоставному глагольному предложению. Ремарки-предложения являются семантически законченными и грамматически организованными вне контекста и не зависимо от него. Варианты возможного расширения ремарок-предложений за счет второстепенных членов предложения практически не ограничены. Данная модель характерна для всех подклассов акциональных ремарок: Rose: I'm all right. It's so hot. (Rose puts her hand to her head..) (El. Rice); для ремарок описывающих паузы: A long pause of examination follows. (W. Williams); для ремарок, описывающих внешние звуковые эффекты: The roar comes and die. (A. Wesker).

Модель V/Ving (...) представляет, по сути, разновидность указанной выше с тем различием, что в рамках модели V/Ving (...) не входит элемент, соответствующий подлежащему, если рассматривать данную модель как

полносоставное предложение. Несмотря на то, что подлежащее в английском языке входит в обязательное окружение личной формы глагола, "реализация глагола без подлежащего ... возможна. Так, опущение подлежащего весьма распространено в сценических ремарках", отмечает Г.Г. Почепцов. "В правилах грамматик, учитывающих контекст, приведенные конструкции должны быть определены как грамматически правильные, но контекстуально ограниченные. В грамматиках, фиксирующих явления, отличительным признаком которых является независимость от контекста, эти же конструкции должны быть определены как неграмматичные" [2, с. 65-66]. В контексте драматургического произведения, следовательно, такая конструкция предложения в ремарке грамматична и достаточна для выполнения функциональных задач. Данная структурная модель характерна для всех подклассов акциональных ремарок: Ralph (Stuffing shirt in trousers.): It's cold ... (Cl. Odets). Pilot officer: (Places hand on McClore's knee.). Andrew: Don't do that, sir. (A. Wesker); она используется также и в подклассе ремарок, характеризующих способ говорения: Chance (says quickly.): Gee, Bud, that's a clean set of rags ... (T. Williams).

Модель Adv_{ly}, представляющая собой наречие с суффиксом -ly, особенно интенсивно используется в ремарках, описывающих эмоционально-психическое состояние коммуникантов и их отношение к событиям и собеседникам через интонационное оформление их высказываний, и в ремарках, характеризующих способ говорения. Синтаксические конструкции и семантическое содержание реплик персонажей допускают интонационные варианты, которые в одном и том же предложении способны передавать различные смыслы. М.М. Бахтин отмечает, что "такие речевые явления как приказания, требования, заповеди, запрещения, обещания, угрозы, хвалы, порицания, брань, проклятия, благословения и т.п. составляют очень важную часть внеконтекстной действительности. Все они связаны с ярко выраженной интонацией, способной переходить / переноситься на любые слова и выражения, не имеющие прямого значения приказания, угрозы и т.п." [3, с. 366]. Интонация, следовательно, представляет важнейший элемент, участвующий в оформлении высказывания. В модели Adv_{ly} эмоционально-психическое состояние говорящего, выраженное через интонацию, проявляется во время протекающего процесса, который имплицитно представляется как процесс говорения. Глаголы говорения (обычно глагол to say) легко восстановимы путем трансформационного анализа. В ремарке же конкретизируется интонационное оформление глаголов говорения. Указание на соответствующую интонацию, с которой произносится высказывание, превращает его в упрек, приказ, насмешку и т.д.: Jacob (Ironically.): If it rained pearls - who would work? (Cl. Odets); Amanda (Reproachfully.): Gay? Gay dear! Where have you been? (S. Behrman).

Модель Ppr + (Adj)N характеризуется тем, что в большей или меньшей степени, используется для структурного оформления всех классов ремарок. Следует отметить, что при построении адресатных ремарок используется практически лишь данная модель. В драматургических произведениях, особенно современных, развитие действия происходит не только в форме диалога, но и в форме монолога. Ситуация может складываться так, что из реплик коммуникантов не ясно, к кому обращается адресант. В таких случаях используется ремарка, которую мы классифицируем как адресатную: Bessie (to Ralph.): Take Tootsie on the roof. (Cl. Odets). Глаголы говорения в интонационных и адресатных ремарках и глаголы бытия в интродуктивных ремарках, структура которых соответствует данной модели, подразумеваются имплицитно: Philo (at the door): What lady? (S. Behrman) -> Philo (is at the door.); Boyle (with a roar.): No, we don't want any blocks. (S. O'Casey) -> Boyle (says with a roar.): ...

Модель (Adj)N соответствует распространенному типу номинативных предложений, конкретное содержание которых определяется семантикой опорного существительного и соотносительностью с ситуацией. Такого типа структурная организация ремарок характерна для ремарок, обозначающих время: A winter night (A. Pinter), паузы: A moment's pause (El. Rice), состояние: Bernard: ... (Sudden alarm.) You didn't put our address? (G. Cooper), что соответствует природе и функциям номинативных предложений [4, с. 28-29].

Рассмотрев основные модели структурной организации ремарок в драматургическом произведении, следует отметить, что они имеют описательно-констатирующий характер. Сами ремарки нейтральны с точки зрения экспрессивности, но своим содержанием они указывают на экспрессию и эмоциональность, присущие актуализируемой реплике. Для диалогической речи типична структурно-семантическая неполнота реплик, которая в драматургическом произведении нередко восполняется за счет наличия авторской речи-ремарки, где зафиксированы те или иные релевантные для актуализируемых реплик аспекты ситуации. Но все же для реплик и ремарок не является характерной полная структурная и семантическая целостность в том смысле, что их невозможно свести в единое целое - сложносочиненное или сложноподчиненное предложение.

Исследование позиционного расположения ремарок по отношению к репликам показало, что они могут находиться в препозиции, интерпозиции и постпозиции по отношению к реплике, которую они актуализируют, в зависимости от их тематической принадлежности и структурной организации. В препозиции чаще всего употребляются ремарки наречного (Adv_{ly}) и предложно-именного (Ptp+N) типа, а также ремарки, соответствующие номинативному предложению (Adj)N. Они тесно связаны с актуализируемой репликой и не имеют без нее законченного смысла. Это в основном касается интонационных, интродуктивных и адресатных ремарок. Акциональные ремарки и ремарки, обозначающие паузы, обычно располагаются в интерпозиции или постпозиции по отношению к актуализируемой реплике, имея при этом структурную организацию, соответствующую модели N+V(...), V/Ving(...). Следует отметить, что строго закрепленной позиции ремарки не имеют, и можно говорить лишь об общих закономерностях их позиционного расположения, отметив при этом, что наиболее независимыми в позиционном плане являются ремарки-предложения типа N+V(...), где заключенное в скобки многоточие означает возможность расширения ремарок-предложений за счет второстепенных членов предложения.

Таким образом, закономерности структурной организации ремарок в драматургических произведениях определяются принадлежностью ремарок к тому или иному тематическому классу. Для акциональных ремарок присутствие глагола, обозначающего действие, является необходимым, так как само название класса говорит за себя - в ремарке описывается действие, что влечет использование моделей N+V(...), V/Ving(...). В ремарках, описывающих интонационное оформление диалогического общения, присутствуют обычно лишь элементы, характеризующие процесс говорения (Adv_{ly} или Ptp+N), сам же глагол говорения подразумевается имплицитно, как и в адресатных ремарках, где называется тот, для кого актуализируемая реплика предназначена (Ptp+N).

Исследование авторской речи в драматургических произведениях показывает ее исключительную роль в организации описываемого коммуникативного процесса, так как она отражает на письме все явления, которые сопутствуют устной коммуникации, позволяет адресатам "пронести тождество предмета через весь текст" [5, с. 3-40], дополняет вербальный ряд коммуникации. Авторская речь в драматургических произведениях определенным образом организована, что и позволило выделить её основные структурные модели.

Список литературы: 1. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. - М.: Наука, 1986. - 160 с. 2. Почепцов Г.Г. Конструктивный анализ структуры предложения. - Киев, 1971. - 192 с. 3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. - М., 1979. - 423 с. 4. Старикова Е.Н. Проблемы семантического синтаксиса. - Киев, 1985. - 122 с. 5. Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. - М., 1982. - Вып. 13. - С. 3-40. 6. Солощук Л.В. Структурно-семантические и прагматические характеристики ремарок в драматургическом произведении (на материале английского языка): Дис... канд. филол. наук. - Киев, 1990. - 172 с.

Поступила в редколлегию 1.09.1992 г.

С.И.СОТНИКОВА

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА КОМИЧЕСКОГО В НЕМЕЦКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ СКАЗОК БРАТЬЕВ ГРИММ)

Сказки как жанр фольклора и немецкие народные сказки в частности неоднократно изучались как в литературоведческом, так и в лингвостилистическом аспекте (1, 2, 7, 15, 16, 17, 18, 20.; 4, 5, 9, 10, 11, 13, 19, 21).

Комический элемент характерен для сказок самого различного типа. В нем находит свое отражение вольнолюбие народа, его отношение к жизни, к различным проявлениям человеческой природы. Тем не менее до настоящего времени эта важная черта сказок не нашла своего отражения.

Задача данной работы - сформулировать основные проблемы изучения языковых средств комического в немецкой народной сказке. Не вдаваясь в анализ многочисленных определений комического, мы на данном этапе анализа будем придерживаться следующего определения комического: "Комическое в жизни - это явления внутренне противоречивые, в которых мы отмечаем обесценивающее их несоответствие тому, на что они претендуют [14, с. 82].

На основе анализа ста сказок и анализа литературы, посвященной функциям, структуре и содержанию сказок, представляется целесообразным выделить для изучения языковых средств комического на первом этапе следующие аспекты:

- 1) языковые средства характеристики комических персонажей, отношения к ним автора;
- 2) языково-стилистические характеристики алогических действий персонажей;
- 3) языковые особенности приема одурачивания, "посрамления воли";
- 4) языково-стилистические средства характеристики борьбы между истинным и ложным в действиях персонажей;

Такая классификация хотя и не исчерпывает абсолютно все языковые средства комического (что само по себе было бы крайне сложно), но в общем виде представляет наиболее часто встречающиеся в сказках виды юмора.

Для сказки вообще очень важен выбор героев, а именно комедийных, так как этот фактор определяет в дальнейшем весь сюжет сказки, влияет на ее художественную ценность, и к тому же сказка имеет четко выраженную установку на развлечение читателя или слушателя. Каждый герой должен быть как-то представлен читателю, и первое, что при этом бросается в глаза, - это внешность персонажей, поэтому важную роль играют точные выразительные описания, содержащие в себе элементы комического. В подобных описаниях находит свое

выражение отношение автора или рассказчика к этим героям. Так, например, сказка "Meister Pfriem" начинается описанием внешности главного героя:

Meister Pfriem war ein kleiner, hagerer, aber lebhafter Mann, der keinen Augenblick Ruhe hatte. Sein Gesicht, aus dem nur die aufgestülpte Nase vorragte, war pocken-narbig und leichenblaß, sein Haar war grau und struppig, seine Augen klein, aber sie blitzten unaufhörlich rechts und links hin. Er bemerkte alles besser und hatte in allem recht. [22, с. 24]

(Автором подчеркивается соответствие уродливой внешности ненормативному речевому поведению. Автор дает понять, что перед нами отрицательный персонаж, объект будущих насмешек.)

По ходу развития сюжета герои действуют, между ними возникают определенные взаимоотношения. Поведение сказочных героев, их речь, ситуации в которые они попадают, представляют собой простор для проявления комического в разных формах. Для достижения комического эффекта используются различные приемы, такие как преувеличение, контраст, например, между всезнанием и тем, каким невероятно легким путем оно достигается (В сказке "Doktor Allwissend"). Неограниченные возможности для возникновения комического создают ситуации, когда люди говорят несуразное или совершают глупые поступки. Это наиболее часто встречающийся в сказках Гримм вид комизма. Всевозможные проявления глупости вызывают здоровый, доставляющий удовольствие смех, причем смеются над так называемыми сказочными глупцами беззлобно, добродушно, т.к. чаще всего по натуре они добры, бескорыстны, жалостливы (Катерлизхен из сказки "Der Freider und das Katerlieschen", героиня сказки "Der gescheite Hans").

Пожалуй самым распространенным видом ситуативного юмора в сказках является "посрамление воли" (термин В.Я. Проппа). Сюда относятся ситуации, когда по ходу действия с героями происходит нечто непредвиденное. В таких ситуациях герой чаще всего оказывается выставленным в невыгодном для него свете. Поводом для возникновения таких ситуаций могут служить и случайные обстоятельства, как в сказке о семи "храбрецах" - "Die sieben Schwaben" - бегство, вызванное враждебным жужжанием жука; похожая ситуация встречается и в знаменитой сказке "Die Bremer Stadtmusikanten", и чьи-то преднамеренные действия (наказание волшебницей нерадивой девушки в сказке "Frau Holle"). Причина таких же ситуаций кроется в каких-то отрицательных чертах характера героев. Вариантом этого вида ситуативного юмора является одурачивание, которое так или иначе присутствует во всех сказках братьев Гримм (полуневоольный-полупреднамеренный обман в сказке "Der gute Handel", невоольное одурачивание портняжкой в сказке "Der Riese und der Schneider").

В сказке большую роль играют ситуации, связанные с обманом, но далеко не всегда осуждаются (например, если герою удастся с помощью хитрости, находчивости обмануть более сильного противника). Но ложь, имеющая целью сокрытие "невыгодной истины", обогащение или причинение зла, бывает в большинстве случаев раскрыта, осмеяна и наказана (разоблачение лжи хозяйки в сказке "Das Burle").

Но есть сказки, где ложь присутствует в форме веселой, порой лишенной смысла фантазии, имеющей цель развлечь читателя. Эти сказки основаны обычно на повторениях или написаны в форме диалогов без начала и конца, проникнуты добрым беззаботным юмором. Это так называемые куммулятивные сказки (в немецком языке Kettenmärchen, Häufungs-märchen, Zähl-märchen). Примеры таких сказок - "Die schöne Katrinleje und Pif Paf Poltrie", "Läuchen und Flöhchen", "Das Dietmarische Lügenmärchen"

Schön, Katrinelje, wieviel hast du an Brauschatz?
 Vierzehn Pfennige bares Geld, drittenhalb Groschen
 Schuld, ein halbes Pfund Hutzeln, eine Handvoll
 Prutzeln, eine Handvoll Wurzeln" [22, с. 54]

Ситуативный юмор может усиливаться языком: игрой слов, ироническим употреблением языковых единиц; юмористический эффект усиливается синтаксическим параллелизмом.

В других случаях языковые средства играют основную роль в достижении комического. При этом используются как внешняя, так и внутренняя форма языка. Внешняя находит выражение в комичных по звучанию именах сказочных персонажей, звукоподражательных словах (Pif Paf Poltrie, Jorinde und Joringel). Внутренняя форма находит выражение в словообразовательных способах (особо следует выделить грамматическое образование комических имен - *Namenwitz*), а также в стилистических способах достижения комического эффекта. Большинство комических имен - это прозвища действующих лиц, связанные с их внешностью или физическими качествами. Эти прозвища дают им другие персонажи, и в сказке всегда объясняется их причина (например, *Daumerling*, *Bärenhäuter*, *Drosselbart* и др.). Иногда имя-прозвище связано с выполняемой работой (*Aschenputtel*), или с внутренними качествами (*Doktor Allwissend* - с оттенком иронии, насмешки). В сказках встречаются также шутливо-иронические прозвища, которые дают друг другу сами герои в процессе общения, они встречаются в сказке, как правило, один раз и не закрепляются за определенным персонажем, а служат скорее для косвенной характеристики героя (например, *Rotkopf* - по отношению к курице, *Erlperlmännchen* к портняжке, *Wasserpatscher* - к лягушкам). Очень распространены уменьшительные имена, образованные с помощью соответствующих суффиксов -chen, -lein. Эти суффиксы могут добавляться как к обычным именам собственным (*Katerlieschen*, *Gretchen*), так и к "чисто сказочным" - *Einüglein*, *Rumpelstilzchen*, а также к нарицательным существительным, обозначающим названия животных, профессий, предметов и т.п. (*Läuschen*, *Brüderchen*, *Türchen*, *Männlein*, *Scheiderlein* и др.). Для образования комических имен служит также метод слияния двух основ, иногда одинаковых частей речи (например, имен существительных) *Drosselbart*, иногда разных - *Rotkopf*, *Dummbart*, *Halbaus*. Другие случаи достижения комического с помощью словообразовательных средств достаточно редки. Следует привести здесь один нетипичный, но очень интересный пример, который взят из сказки "*Doktor Allwissend*":

Als er nur ein wenig gedoktert hatte, aber noch nicht viel, war einem reichen Herrn Geld gestohlen. [22, с. 93]

Комическое заключено в глаголе "doktern", образованном путем вербализации соответствующего существительного. Этот прием очень остроумен и меток, так как в нем удивительно удачно выражается ироническое и снисходительное отношение рассказчика к деятельности героя. Не менее остроумно достигается усиление комизма за счет небольшого уточнения - "ein wenig..., aber noch nicht viel".

Из стилистических приемов достижения комического в сказках наиболее эффективным являются различные виды сравнений (сравнение человека с животным в каком-либо качестве, например, в проворности, как в сказке "*Der Frieder und das Katerlieschen*"; соревнование для сравнения героев, как в сказке "*Der Zaunkönig*", сравнение типа "что на что похоже") и противоположность героев ведет к созданию комических ситуаций (когда сталкиваются и должны общаться два разных человека, например, добродушный портной и хмурый злой сапожник; герои одной сказки - "*Der faule Heinz*" - комически противопоставляются героям другой - "*Die hagere Liese*" и др.

Несколько реже используются повторения отдельных фраз-реплик (иногда более чем в одной сказке, например, доктор-всезнайка (Doktor Allwissend) на все приглашения и предложения неизменно отвечает: "O ja, aber die Grete, meine Frau, müßte auch mit" или "Ja, aber seine Frau, die Grete, auch, sagte er und setzte sich mit ihr hinter den Tisch", или героини двух сказок - "Der Frieder und das Katerlieschen" и "Die kluge Else" - во многом похожие, не раз по ходу действия оказываются перед мучительными проблемами выбора:

Eß ich, eh ich schneid, oder schlaf ich, eh ich schneid,

hei, ich will essen [22, с. 109]

Was tu ich? Scheid ich ehr, oder eß ich ehr?

Hei, ich will erst essen [22, С. 79].

Комичные сентенции, возникающие при контрасте между серьезностью рассуждений и "несерьезностью" ситуации или самого героя. Определенный комический эффект возникает, когда персонаж сопровождает возвышенными обобщающими фразами обыденные действия и говорит о себе в неопределенной форме, (например, высказывания кошки в сказке: "Katze und Maus in Gesellschaft"):

"Es schmeckt nichts besser", sagte sie (die Katze), "als was man selber ißt". "Wenn erst alles aufgezehrt ist, so hat man Ruhe" [22, с. 21]

Достаточно редким, но не менее эффективным явлением можно считать оксюмороны и зевгмы.

"Heinz hatte gute Tage und brauchte sich von keiner andern Arbeit zu erholen als von seiner eigenen Faulheit" [22, с. 74]

"Die Sonne", sprach er, "füllt mir zwar die Augen. aber das Brot

nicht den Mund" [22, с. 171]

Ирония в меньшей степени характерна для сказок братьев Гримм и используется в тех случаях, когда рассказчик как бы невольно, невзначай хочет обратить внимание читателя на отрицательные качества героя сказки. Ирония иносказательно раскрывает недостатки того, о чем (или о ком) идет речь.

"Heinz war faul, und obgleich er weiter nichts zu tun

hatte, als seine Ziege täglich auf die Weide zu führen,

so seufzte er dennoch, wenn er nach vollbrachtem

Tagewerk abends nach Hause kam" [22, с. 74]

Дальнейшее изучение языковых средств комического в немецких народных сказках может, на наш взгляд, заключаться в рассмотрении следующих вопросов: - детальное изучение использования языковых средств комического при описании взаимодействия персонажей сказок, а также при описании отношения к ним рассказчика; - выделение ситуативного юмора и изучение его взаимодействия с языковыми средствами комического.

Список литературы: 1. Азбелев С.Н. Отношение предания, легенды и сказки к действительности (с точки зрения разграничения жанров. - В кн.: славянский фольклор и историческая действительность. М., 1965, с. 5-25. 2. Аникин В.П. Русская народная сказка. М., 1984. - 176 с. 3. Боров Ю.Б. О комическом. М., 1957. - 232 с. 4. Ващук Ф.П. Про художні особливості української народної казки. - Народна творчість та етнографія. 1966, №1, с. 78. 5. Гаазе Рапопорт М.Г., Поспелов Д.А., Селинова Е.Т. Порождение структур волшебных сказок. М., 1980. - 287 с. 6. Демидок Б. О комическом. М., 1974, - 223 с. 7. Кравцов Н.И. Сказка как фольклорный жанр. - В кн.: Специфика фольклорных жанров. М., 1973, С. 68-84. 8. Краткая литературная энциклопедия, М., 1971. 9. Лихачев Д.С. Художественное пространство в сказке. - В кн.: Поэтика древнерусской литературы. М., 1971. - 414 с. 10. Мелетинский Е.М. Структурно-типологическое изучение сказки. В кн.: Пропп

- В.Я. Морфология сказки М., 1969, с. 134-136. 11. Новиков Н.В. Образы восточно-славянской волшебной сказки. Л., 1974. - 315 с. 12. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. М., 1976. - 183 с. 13. Пропп В.Я. Русская сказка. Л., 1984. - 335 с. 14. Тимофеев Л.И. Теория литературы. М., 1948. - 383 с. 15. Тудоровская Е.А. О классификации волшебных сказок. - Советская этнография. 1965, №2, с. 57-66. 16. Чистов К.В. О принципах классификации жанров устной народной прозы. М., 1964. - 256 с. 17. Bolte J., Polivka G. Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm: Leipzig, 1915. - 176 S. 18. Lege n F. Das Märchen. Leipzig, 1925. - 347 S. 19. Petsch R. Die Kunstform des Märchens. Zeitschrift für Volkskunde, 1935. 20. Scherf W. Bedeutung und Funktion des Märchens. München, 1982. - 386 S. 21. Spanner G. Das Märchen als Gattung. Gießen, 1939. - 258 S. Источники анализа: Brüder Grimm. Frieder und Katerleichen. Berlin, 1985. - 456 S. 23. Jacob und Wilhelm Grimm. Kinder- und Hausmärchen. Kleine Ausgabe. Berlin, 1989. - 263 S. 24. Kinder- und Hausmärchen Brüder Grimm. B.I, Berlin, 1961. - 360 S.

Поступила в редколлегию 1.09.1993 г.

Н.Н. СТАРЦЕВА

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОГНИТИВНОЙ СФЕРЫ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Метафора, как отмечают Дж. Лакофф и М. Джонсон (1980) Дж. Вершуерен (1983) и ряд других исследователей, существует не только на уровне языка, но и на уровне мышления человека, соотнося различные сферы человеческого опыта в обозначении реальности. В этой связи небезинтересно проследить, каким образом понятия одной когнитивной сферы соотносятся с понятиями другой, образуя при этом концептуальную метафору, а также те факторы, которые определяют направление когнитивного и семантического переходов при образовании нового слова-понятия. С этой целью обратимся к одной из определяющих сфер жизнедеятельности человека - сфере речевой деятельности (РД), и рассмотрим направления развития одного из основных слов-понятий, относящихся к этой сфере, объединенных под семантической рубрикой "Говорить". Достоверность семантической эволюции этого значения в разных индоевропейских языках подтверждается фонетическими соответствиями образующих этимологическое гнездо слов, соотносимых с определенным корнем.

Выделяются следующие четыре пути становления значения "Говорить" [Маковский, 1989:35]:

1) Значение "говорить" соотносится со значением "видеть", а первоначально - "бить, резать":

а) корень *sek^w* "видеть": хет. *sokuwa* "глаза", *sakuwai* "видеть"; гот. *saihvān*, алб. *soh* "я вижу", но да. *soecgan*, а. *to say, to see*, н. *sehen* ~ *sagen*, рус. *секу*;

б) д. прус. *gerbt* "говорить", но да. *ceorfan* "резать", н. *kerben*;

в) н. *sprechen* "говорить", *brechen* "ломать";

г) *bil* "резать", но лит. *biloti* "говорить";

д) лит. *taryti* "говорить", прус. *tārin* "голос", латыш. *terēt* "болтать", динд. *tárá* "громкий", хет. *tar* "говорить", ирл. *torann* "гром" соотносятся с *ter* "тереть, резать".

2) значение "говорить" соотносится со значением "слабый, медленный, плохой", а первоначально - "резать".

а) *moeblan* "говорить", но рус. "медленный", сх. *mledam* "худой", рус. "молодой" (= "слабый"), ад. *melt* "бить", арм. *mel* "грех", но н. *melden* "сообщать",

да. *mældian* "сообщать, пояснять", лит. *meldžiù, melsti* "просить, молить", арм. *maltem* "я прошу", хет. *mald* "рассказывать, просить";

б) *eg* "нехватка, нужда": лат. *egeb* "нуждаться", дс. *ekla* "нехватка", *ekródi* "худой", но *óg* "говорить": динд. *áha* "говорит", лат. *aió* "говорю" < *agio*.

в) да. *swigian* "молчание, находиться в покое", но *swoeg* "звук, мелодия", *swógan* "звучать", *swegel* "музыка";

г) кельт. *trigio* "музыка, звуки", но гот. *trigo* "неохота", н. *tragi* "медленный", но рус. "стригу".

3) Значение "говорить" может соотноситься со значением "дуть", "жечь" *uer* "жечь", но а. word "слово", н. *gauchen* "дымить", *Rauch* "дым", но рус. диал. речить "говорить" *gieciem* "говорить", да. *soecgan* "сказать", но н. *sengen* "жечь", лат. *dicere* "говорить", но *dheg* "жечь", да. *spellian* "говорить", но *pel* "жечь".

4) Значение "говорить" соотносится со значением "приводить в порядок, считать";

а) динд. *gacaná* "упорядочение, устройство", гот. *rahnjan* "рассчитывать", и рус. "речь";

б) а. *tell* "говорить, сказать", дс. *tal* "число", н. *rahlen* "считать".

Этимологический анализ слова-понятия "Говорить" показывает, что это значение тесно связано со значениями слов-понятий, относящихся к сфере физической деятельности (ФД):

— "быстро двигаться" > "гореть" > "обманывать" > (корень *kel*);

— "резать" > "лгать", "просить" (корень *mel*);

— "рвать, резать" > "двигаться" > "наполнять" > "просить, спрашивать" (корень *perk*);

— "разрывать" (корень *ueik*), но "говорить" (*ueku*), "гнуть" (*uek*);

— "лить, пить" (*gheu*) > "петь, кричать, звать" (*gei, goi, gi*);

— "блестеть, звезда" > "говорить" (корни *bhá, guer*);

— "наказывать, плохой" > "просить, говорить";

а) тох. *Aprak* "просить", но *prakte* "наказание", двн. *pflegan* "взять на себя вину";

б) да. *béodan* "просить", но а. *bad* "плохой";

в) а. *nasty* "отвратительный", но снн. *naschen* "просить";

г) двн. *spell* "притча, речь", но латыш. *peit* "оскорблять", *pel'as* "оскорбление, вред";

д) да. *bisen* "притча", но ад. *bysen* "позор", нд. *buslig* "грязный".

Кроме указанных выше, есть и другие значения, не подтвержденные, однако, большим числом фонетических соответствий, но все же связанные со значением РД, к ним относятся: "кровь", "жертва, враг", "лечить", "ребенок, девушка, мальчик", "дождь", "игра", "рыба", "растительность", "органы человека (рука, нога, походка и т.д.)" и ряд других, т.е. значения слов, так или иначе связанные с древним человеком и отправлением им культовых обрядов. Эти значения отражают как деятельность человека, так и его самого и предметы, его окружающие.

Как считает В.Н. Топоров, "если бы слово исчерпывалось жесткой схемой заданных смыслов (например, словарными значениями), его моделирующая функция была бы серьезно скомпрометирована, потенции слова, направленные на будущее (новое), сведены к минимуму [1981:140].

Новые смыслы слов поставляют вновь образующиеся понятия, понятийные единства на основе существующих комбинаторных схем, а, зачастую, и вопреки им (в случае концептуальных метафор); это может быть наглядно продемонстрировано с помощью одного из когнитивных методов исследования - фреймового представления знаний [Минский, 1979].

Суть фреймового представления знаний, закрепленных в лексике, сводится

к тому, что при восприятии языковой единицы возникает некоторый образ ситуации, описываемой последней. В случае восприятия буквально употребленного выражения возникает только один образ ситуации. В случае же восприятия метафорически переосмысленного выражения, причем, как частично переосмысленного, т.е. аналитического словосочетания (например: *to put a question* "задать вопрос", досл. "поставить вопрос"), так и полностью переосмысленного выражения - идиомы (например: *to raise the roof* "поднять шум, скандал", досл. "поднять крышу") возникает два образа ситуации - исходный, задаваемый буквальным прочтением всего выражения (в случае идиом) или отдельных его составляющих слов (в случае аналитических словосочетаний: так, лексема *to put* относится к сфере не-РД, а ФД, поэтому возникает концептуальная оппозиция между ними), чаще всего образ ситуации ФД, и результирующий образ ситуации - ситуации РД. Последний возникает либо в случае простого переноса конкретного содержания слота исходного фрейма в аналогичный слот результирующего фрейма, - так происходит в случае идиом (например: *to smooth somebody down* "успокоить кого-то", досл. "пригладить кого-то"): общим для двух фреймов - фрейма ФД ("Гладить") и РД ("Успокаивать") является содержание слота "Способ"; при перенесении содержания этого слота с первого фрейма во второй, возникает метафорическое переосмысление выражения: "говорить успокаивающе", "успокаивать кого-то", т.е. производить речевое действие, направленное на приведение объекта в состояние спокойствия, - здесь наблюдается логическое следование фреймов; возможен и другой вариант: в случае аналитического словосочетания - образы двух ситуаций пересекаются, поскольку одно из составляющих словосочетание слов задает один образ ситуации (чаще всего ФД), а другое - другой - РД, (например: *to overburden with big words* "быть слишком хвастливым", досл. "быть перегруженным большими словами"): в первом фрейме - ФД - ("Погрузка") имплицитно относится объект действия, относящийся к этой же сфере и семантически согласующийся с данным действием - ("Груз"), а во втором фрейме - РД - переосмысливается само действие: речевое действие приобретает характеристики действия физического, эксплицитно выраженного; объект действия, при этом, относится к сфере РД. Содержание слотов обоих фреймов - "Мера".

Содержания слотов, однако, не всегда полностью совпадают. Мы объясняем это тем сдвигом акцентов, который наблюдается при буквальном и метафорическом прочтении некоторого выражения (чаще всего идиом): то, что в буквальном прочтении является главным, например, указание на объект произведения действия, в метафорическом переосмысленном выражении является второстепенным вследствие акцентирования внимания на самом действии, т.е. на некоторой его характеристике, которая несвойственна для РД. Например: выражение *to ram something down somebody's throat* "прожужжать кому-то уши", досл. "вбить кому-то что-то в горло" в буквальном прочтении делает акцент на "Направление" действия, что и является содержанием слота исходного фрейма - ФД ("Забивание, Заколачивание"), в метафорическом его прочтении акцент смещается на само действие, на его характеристику - интенсивное, требующее больших затрат, действие - и уже приобретает значение "интенсивная, навязчивая РД".

Образ ситуации РД, возникающий у человека, может быть двух типов - образ ситуации-действия (выражения с глагольным ядром) и образ-описание сущности, явления, относящегося к сфере РД (выражения с номинальным ядром). Первый фиксирует способ произведения действия, меру, направление и т.д. (например, *to deliver a message* "передать", досл. "доставить сообщение"), а второй - характеристику самой речи, например: выражения *frigid voice* "ледяной голос",

fruity voice "сладкий голосок", smooth conversation "гладкий, спокойный разговор", отражают характеристику самого речевого сообщения или формы, в которой оно протекает и относятся они к образу-описанию. В данных примерах проводится аналогия между материальным предметом, обладающим такими характеристиками как "быть холодным, сладким, гладким" и речью. Именно перенесение этих свойств, не характерных для речи человека и создает метафорическое восприятие этих выражений.

Мы видим, таким образом, что как этимологический анализ значений слов, относящихся к сфере РД, так и фреймовый анализ словосочетаний, относящихся к этой же сфере показывают, что сфера РД тесно связана, прежде всего, со сферой ФД и это объясняется, отчасти, культурно-историческими причинами, а также тем, что человек всегда стремится представить абстрактное, трудно доступное для его осмысления, в терминах простых действий и предметов, и этот факт находит отражение в том, что большинство семантических и когнитивных переходов осуществляется именно между этими сферами. Среди наиболее часто встречающихся слов-понятий, относящихся к сфере РД, выявленных в результате этимологического анализа и образов ситуаций (фреймов), возникающих в результате текущего осмысления некоторого речевого действия в терминах физических действий можно выделить следующие понятия, относящиеся к сфере ФД, которые являются общими как в диахроническом, так и в синхроническом исследовании значения РД человека: к ним относятся - "Бить, резать" (to cut a joke, to mince one's words, to strike a blow for ...) "Терпеть, забивать, придавать форму" (to hit the nail on the head, to bang grammar into somebody, to gall somebody with one's remarks, to put one's ideas into shape) "Производить, ремонтировать" (to produce proofs, to make a bargain, to alter the topic) "Грязнить", в значении "Делать плохо" (to drag one's name through the mire, to smear somebody's reputation, to lay the blame on somebody) "Поджигать, гореть" (to make it hot for somebody, to blaze the news) "Двигаться, перемещаться" (to draw out words, to push one's claims, to spring a proposal, to drag out a meeting) "Разрушать, вредить, а также "Борьба, Военные действия" (to pulverize an opponent's arguments, to demolish somebody's remarks, to riddle arguments, to bombard with words), "Внешнее поведение человека, человеческие органы и их функции" (to be short / plain with somebody, to give a mouth, to smell around, to nose in, to give somebody a piece of one's mind).

Из вышесказанного следует, что полученные результаты этимологического и когнитивного анализа слов-понятий, относящихся к сфере РД совпадают во многих направлениях, что свидетельствует о том, что семантический анализ значений слов, передающих содержание РД необходимо должен быть дополнен когнитивным анализом понятий; этим достигается объективность картины восприятия РД человеком и языковым коллективом.

Список литературы: 1. Логический анализ языка: Культурные концепты: Сб. ст. - М.: Наука, 1991. - 203 с. 2. М а к о в с к и й М.М. Удивительный мир слов и значений: Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике. - М.: Высш. шк., 1989. - 200 с. 3. М и н с к и й М. Фреймы для представления знаний. - М., 1979. - 193 с. 4. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира (Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др.)-М.: Наука, 1988. - 212 с. 5. Ф и л л м о р Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. -М., 1988. - Вып. 23, С. 52-93. 6. Т о п о р о в В.Н. Этимология 1979. - М., 1981. - С. 140-148. 7. L a k o f f G., J o h n s o n M. Metaphors we live by. Chicago; London, 1980. - 242 p. 8. V e r s c h u e r e n J. Speech Act Classification: A Study of Lexical Analysis of English Speech Activity Verbs // Language. 1983. Vol. 59, No 1. P. 166-175.

Поступила в редколлегию 1.09.1992 г.

АМЕРИКАНСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ В ЗЕРКАЛЕ ТЕАТРА ТЕННЕССИ УИЛЬЯМСА

Объектом нашего исследования в данной статье является творчество американского драматурга Теннесси Уильямса. Интерес к его пьесам не ослабевает, вокруг них кипят страсти, ведутся споры. Творчество Т. Уильямса многогранно и неоднозначно. В его драматургии сошлись лево-социологические и лево-экзистенциалистские аспекты умонастроений "протестующего" поколения 60-х, отразившие характерные противоречия между крайней рассудочностью и предельной эмоциональностью. Уильямс поставил вопрос об истоках деформации человеческой психики, вызванной гипертрофированной рациональностью современной буржуазной цивилизации. Протест против общества, уродующего человеческую натуру, явился отличительным признаком Т. Уильямса. Что же именно в пьесах этого драматурга вызывает интерес публики? Одних Уильямс привлекает точностью психологического письма, других - выведением на сцену запретных страстей. Одни, тронутые органически присущим художнику состраданием к человеку, тянутся к нему в поисках правды, поведенной с подлинной душевной теплотой, с трепетной откровенностью. Другие провозглашают его мессией, призванным сокрушить в театре последние остатки пуританства и утвердить принцип неограниченной свободы от каких-либо моральных норм. Несомненно, многих Т. Уильямс привлекает лиризмом, которым проникнуты все его произведения, поиском красоты и добра в жестоком, равнодушном мире. Этот художник, отразивший в своем творчестве широкий спектр проблем идеологии и общественной психологии, впервые поставил американского зрителя перед лицом реальных обстоятельств и непрекращенных персонажей его исторического бытия.

Основные произведения Т. Уильямса созданы в период после второй мировой войны, когда буржуазно-либеральное сознание Запада оказалось неспособным объяснить Освенцим и Хиросиму, а позднее - Корею и Вьетнам, в пору, когда художественная мысль Америки металась между непосредственной данностью Маккартистской мании и метафизическим мраком всеобщего самоистребления в результате возможной ядерной катастрофы.

На первый взгляд может показаться, что драматургия Т. Уильямса решительно порывает с традициями социальной драмы, что она приближается к тому типу психоаналитической фрейдистской драматургии, которая получила столь широкое распространение в Америке после войны. Однако пристальное изучение творчества драматурга приводит к иным выводам.

Действительно, метод Уильямса психологичен по преимуществу. Его интересуют скрытые глубины человеческой души, смена противоречивых настроений, смятенных переживаний. Но судьба и динамика характеров в пьесах Т. Уильямса всегда определяется взаимодействием внутренних и внешних факторов, психологических и социальных причин. Поэтому мы вправе говорить, что в своих наиболее удачных произведениях Уильямс развивает лучшие традиции социально-психологической драмы.

Излюбленная тема Уильямса, которая присутствовала в ранней, очень тонкой пьесе "Стекланный зверинец" (1945), - тема незащитности чистых натур, неизбежной гибели добра и красоты.

Действие отнесено к 30-м годам. Перед нами - безжалостно разрушаемый

буржуазным обществом мир маленьких людей, которые замыкаются в кругу семьи, наивно полагая, что их дом - по-прежнему их крепость. Их не заботят судьбы человечества, они не решают мировых проблем, а всецело поглощены заботами о своем крохотном личном счастье, не понимая, что именно в общественной слепоте таится причина их бессилия [Коренева 1950:108]. Хрупок и недолговечен стеклянный зверинец - коллекция разноцветных игрушек Лауры; эфемерна "коллекция" ярких и романтических воспоминаний ее матери Аманды; нереальны мечты о приключениях брата Лауры Тома, единственная радость которого - цветные киномифы. Главная идея - крушение идеала под натиском жестокой действительности. Нравственный идеал художника - духовное совершенство, утонченность человеческой натуры - оказывается несовместимым с нормами, принятыми обществом, и поэтому обречен на гибель.

Тема крушения идеала хрупкой беззащитной красоты составляет основу и второй пьесы Т. Уильямса "Трамвай "Желание" (1947), которая приносит драматургу мировую славу. По признанию критики, "Трамвай "Желание" - самая сильная и глубоко психологическая драма Т. Уильямса.

По своей направленности пьеса близка к "Стеклянному зверинцу", но написана совсем в другой тональности, это не элегия, а трагедия. Бланш Дюбуа, так же, как и Лаура, не приемлет законов окружающего мира, но она живет в этом мире и яростно борется за то, чтобы выжить. Бездарные усилия Бланш найти в жизни доброту, любовь, счастье, справедливость трагичны. Жизнь беспощадно обходит с ней.

Многое роднит "Трамвай "Желание" со "Стеклянным зверинцем". Лейтмотивом пьесы снова звучит мысль об утрате в современном обществе идеалов красоты и человечности, о торжестве насилия и жестокости, об угрозе для человеческих ценностей, которая заключена в необузданной грубой силе.

"Трамвай "Желание" кладет начало не только популярности Т. Уильямса, но и драме жестокости, которая займет большое место на сценах Запада. Т. Уильямс - поэт загубленных душ, любящий погружаться в мир нелепых и смутных жизненных ощущений. Ему претит насилие, но человечность он ищет не в идеальных, а в реальных униженных и оскорбленных, которые замазаны грязью этого мира. ["Современный зарубежный театр", 1969, №10].

Две эти пьесы - как два корня, как два ствола всего драматического творчества писателя - непохожие и нерасторжимые, полно выражающие двуединство его необыкновенно богатого неповторимого и противоречивого художественного мира: приподнятая поэтичная театральность, устремленность к высокому романтическому идеалу - и неромантическая завороченность "грубой" жизнью, толкающая к натурализму.

Бесспорно, Т. Уильямс испытал на себе влияние некоторых модернистских течений, столь популярных среди интеллигенции Запада в то время, - прежде всего, теории Фрейда и экзистенциализма. Все это нашло свое отражение в последующих произведениях драматурга. Приверженность Уильямса литературной и театральной моде обнаруживается в наибольшей степени в пьесе "Лето и дым" (1948), где его излюбленная тема - несовместимость современного общества со стремлением человека к духовному совершенству - заключена в оболочку, превратившую ее в абстрактную дилемму: что играет первенствующую роль в любви: духовное или физическое начало?

Драматург свел пьесу к схоластическому спору, сделав главных героев глашатаями взаимоисключающих постулатов. Любовь выступает как средство разрешения всех противоречий.

В последующих пьесах чувственная любовь становится для героев Уильямса единственным средством от "болезни века".

Согревающая искра любви сближает портниху Серафиму и шофера Альваро в пьесе "Татуированная роза" (1950).

Их любовь - единственное средство преодолеть "проклятую" одиночество личности в хаосе современной цивилизации, разорвать узы равнодушия и бесчеловечности.

Культ земной, "естественной" любви для писателя - своеобразный способ романтического протеста против неестественных человеческих отношений в обществе чистогана, против эгоизма и бездушия.

Романтические черты в творчестве Т. Уильямса последовательно обнаруживаются в монументальной, экспрессионистской сценичной фантазии "Путь действительности" (1953), в которой автор разрабатывает философскую проблему борьбы между силами Добра и Зла.

В пьесе "Кошка на раскаленной крыше" (1955) Уильямс обратился к классической теме литературы критического реализма - страшной власти денег. Ситуация довольно тривиальна: любящие родственники умирающего плантатора лихо радочно поджидают своей доли добычи. Они обманывают, злоумышляют, клеветают друг на друга - и все ради одного: наложить руку на несметные богатства. В суровом, без прикрас, изображении мерзости, закулисной возни вокруг наследства, в растлевающем влиянии богатства и заключается сила воздействия пьесы.

50-е годы стали для Т. Уильямса, как и для всей мыслящей американской интеллигенции, периодом духовного кризиса. Это время разгула маккартизма, когда при поддержке и попустительстве властей реакционные силы осуществляли прямое политическое давление, и в стране сложилась атмосфера всеобщего страха, недоверия и подозрительности.

Именно в такой обстановке насилие и жестокость, реально существующие в Америке, начинают играть все большую роль в пьесах Т. Уильямса.

Страх перед действительностью вызывает отчаяние и ощущение безысходности, автор не видит сил, способных изменить обстановку, и это во многом определило упадочную тональность его произведений.

В связи со сдвигами в представлениях Т. Уильямса о человеке и обществе меняется и художественная структура его произведений. Складывается стиль позднего Уильямса, отличительной чертой которого является символика.

Событием в театральной жизни США стала пьеса "Орфей спускается в ад" (1957). Новый Орфей - в пьесе его зовут Вэл Зивьер - бродит с гитарой по дорогам американского Юга и в маленьком городке на Миссисипи находит свою Эвридику - Лейди, жену Джейба Торренса. Вэл не в силах спасти ни себя, ни свою возлюбленную, за свое бунтарство и свою любовь оба расплачиваются жизнью - ее убивает муж, его затравливают собаками.

Последующие пьесы Уильямса все больше склоняются к болезненной жестокости и надрынности. Автор использует библейские и мифологические мотивы, зачастую соединяя и то и другое.

Его драмы постепенно утрачивают черты игровой пьесы и превращаются в современное моралите, и искусство строить драматический характер подчинено скорее идее широких аллегорических обобщений.

В пьесе "Ночь игуаны" (1961) развивается тезис о несвободе личности в обществе, последовательно иллюстрируемый отношениями между людьми, случайно оказавшимися вместе под крышей пансиона "Коста Верде" где-то в Мексике. А внизу, под верандой напрасно рвется, стараясь освободиться от веревки, пойманная огромная ящерица. Точно так же напрасно пытаются выйти из "одиночных камер" отчаяния действующие лица этой пьесы.

Если прежде герои Уильямса видели избавление прежде всего в любви, то

теперь появляются люди, которые ищут выход в стоическом терпении, в вере, в искусстве.

Действие пьесы "Сладкоголосая птица юности" (1959) происходит в пасхальное воскресенье, имя возлюбленной главного героя Чанса - Хевенли ("небесная"), судьба самого Чанса Уэйна уподобляется (без всяких художественных обоснований) страданиям Христа, а его скитания - крестному пути, завершением которого будет угрожающая герою унизительная операция. С учетом тех обертонів, которые выносит возникающая здесь тема "нашего общего врага - Времени", эта операция превращается в эквивалент распятия [Самохвалов 1971:280].

Пьеса отмечена нарастанием болезненных тенденций. Как обычно, Уильямс обострил основную ситуацию до предела, до некоторой исключительности. Она посвящена истории молодого человека с опустошенной душой, бывшего солдата американской армии, вернувшегося из Кореи и постепенно скатывающегося до положения альфонса.

Рисуя в пьесе образ босса Финли, человеконенавистника, главаря банды фашиствующих негодяев, драматург впервые открыто обратился к политике. Создавая этот образ, Т.Уильямс исходил из реальной жизни Юга, влачащего до сих пор тяжкое наследие рабства. В образе мракобеса-политикана есть удачно подчеркнутые черты. И все же в целом он не удался. Будучи гуманистом, автор осуждает насилие и жестокость, которые несет в себе Финли, но объясняет их не социальными, а чисто биологическими причинами.

Еще сильнее тема трагической безнадежности и безысходности в пьесе "Молочные реки здесь не текут" (1963). Крис, этот современный мессия, пускающийся в путь с целью принести утешение страждущим, твердо уверенный в том, что он даст людям то, в чем они больше всего нуждаются, не находит иного выхода, как помочь одному из таких страждущих уйти из жизни.

Направление исканий позднего Уильямса ярче всего проявилось в драме "Крик" (1973). Два брошенных трупой актера - брат и сестра - готовятся сыграть "Пьесу для двоих". Есть ли у них зрители - неизвестно. Едва пьеса начинается, как выясняется, что Феличе и Клэр играют также свою жизнь. Их гнетет прошлое и пугает настоящее. Оба мучаются виной - то ли из-за того, что отец убил мать и себя, то ли из-за их неродственной привязанности друг к другу. Оба - на пределе нервного срыва, если не сумасшествия. У пьесы нет конца, и они не могут - или не хотят - уйти со сцены. Они боятся покинуть мрачный темный зал, хотя там, за стенами здания - яркий солнечный день. Феличе и Клэр как бы переходят из "пьесы" в "жизнь" и обратно. Получается театр в театре, условность накладывается на условность. Грань между представляемым и переживаемым совершенно размывается. В этой виртуозной и неясной пьесе достоверны и безусловны настроения умиротворенной печали и две идеи, в итоге сливающиеся в одну.

Первая старая, как мир: жизнь есть театр, а люди - лицедеи. Вторая звучала уже в прежних произведениях Уильямса: лишь двое способны пересилить смятение и страх смерти. Герои почти не повышают голоса, но пьеса в целом, - как крик узников, призывающих на помощь то, что спасало самого драматурга - воображение, поэзию, искусство [Злобин 1987:468-469].

Теннесси Уильямс - выдающийся представитель послевоенного театрального поколения США. Он лишен поверхностного американского оптимизма, далек от ложного утешительства "униженных и оскорбленных". Его пьесы не ублажают взор бродвейской публики идиллическими сценами. Хотя Уильямс нередко отдает дань натурализму, патологии, жестокости, он выставляет на показ духовное и интеллектуальное убожество, бесчеловечность и торгашеский дух своих

соотечественников.

В нервном и неровном творчестве Теннесси Уильямса отразились сложные повороты и противоречие послевоенной литературы и драматургии США. В нем различимо влияние бытующей на Западе теории искусства модернистской эстетики. В изображении человека Уильямс нередко исходит из фрейдистского психоанализа.

Пьесы Уильямса не отличаются внешней публицистичностью, они глубоко психологичны.

Социальные тупики американского бытия предопределили и тупики художественной позиции Т. Уильямса. Порыв писателя и его героев за пределы душевного и ограниченного мирка американского образа жизни привел его в лоно экзистенциалистической концепции свободы ("Ночь игуаны"), а затем - к абсурдизму ("Гнедиге фройляйн").

Творчество Т. Уильямса все как бы соткано из контрастов и противоречий. Художник, сложившийся под воздействием различных философских и эстетических теорий, прежде всего, фрейдизма и "сексуальной социологии" Б.Г. Лоуренса, то удивительно чуткий к тончайшим движениям человеческой души, то нагромождающий отвратительные непристойности, то певец возвышенной красоты, то грубый натуралист, Т. Уильямс вызывает интерес уже самой неоднозначностью своей творческой индивидуальности.

Теннесси Уильямс написал более 30 пьес, которые ставятся и экранизируются в разных странах и которые во многом определили характер современного театра. Они неравнозначны по своему художественному уровню, но их положительные ценности всегда глубоко и подлинно гуманистичны.

Список литературы: 1. З л о б и н Г.П. Орфей с Миссисипи. - Ин. лит-ра, 1960, №7, с.85-88. 2. К о р е н е в а М.М. Т. Уильямс. Совр. худ. лит-ра за рубежом, 1981, №9, с. 23-26. 3. С а м о х в а л о в Н. История американской литературы. Ч.2. - М., 1971, 439 с.

Поступила в редколлегия в 1.09.1992 г.

Т.М.ТИМОШЕНКОВА, канд. филол. наук

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСКОЙ МАНЕРЫ С. МОЗМА

Сомерсет Моэм принадлежит к числу самых читаемых и любимых английских авторов XX в. Его творчеству посвящена весьма обширная критическая литература как на родине писателя, так и за ее пределами. Очевидно, с легкой руки пуританской критики викторианского периода за ним прочно укрепились репутация циника, для которого нет ничего святого.

Даже авторы серьезных критических исследований, отдавая должное мастерскому построению сюжета и блестящему диалогу, характеризуют Моэма не более как занимательного рассказчика, увлекательного, но не глубокого.

Такая широко бытующая точка зрения представляется нам как несправедливой, так и неправомерной.

Попытаемся показать это на примере коротких рассказов автора, которые в большей степени, чем произведения, написанные в других жанрах, позволяют выделить особенности его индивидуальной манеры. Новеллы Моэма невелики по объему, и в них четко прослеживаются все особенности руки мастера.

Каждая новелла - это законченное произведение, в котором персонажи если и не проживают целую жизнь (как в рассказах "The Alien Corn" или "Lord

Mountdrago”), то, во всяком случае, очень длительный период (“Flotsam and Jetsam”, “The Creative Impulse”, “The Verger”, “Virtue” и многие другие) и всегда застигнуты автором в самый драматический момент: в период полного материального краха (“A Friend in Need”), тяжелого душевного расстройства (“Lord Mountdrago”), крушения веры в близкого человека (“The Force of Circumstances”), перед казнью (“The Man with the Scar”) и т.д.

Новеллы Мозма очень густо и пестро населены: литераторы и бизнесмены; английские аристократы и колониальные чиновники; парламентарии и нищие бродяги; проститутки и миссионеры; англичане, американцы, китайцы, японцы, русские, жители Полинезии и Южной Америки, островитяне Атлантики и многие, многие другие. И каждый из его героев – это личность, полнокровная, самобытная, не похожая на других: светский лев, жуир и гостеприимный хозяин Ферди Рабинштейн, ироничный и сентиментальный; беззаветно преданный музыке Джордж, предпочитающий уйти из жизни, но не изменить своему призванию (“The Alien Corn”); властный, высокомерный и бесконечно уверенный в себе лорд Маунтдраго (“Lord Mountdrago”); нищий продавец лотерейных билетов, бывший генерал повстанческой армии, который потерял все, но по-прежнему держится гордо и независимо (“The Man with the Scar”); хрупкий, мягкий и благожелательный джентельмен, который без малейших колебаний и без всяких видимых причин посылает на смерть человека, не причинившего ему ни малейшего зла (“A Friend in Need”); молодящаяся пожилая леди, тщательно скрывающая свой возраст, для которой успех в Лондонском свете – дело всей жизни, и ее простодушная, нелепая, добрая и смешная невестка Джейн (“Jane”) и т.д.

С. Мозм нигде не декларирует своего отношения к героям, но он дает читателю почувствовать, что его симпатии на стороне тех, кто не мирится с трусостью, подлостью и предательством (“The Force of Circumstances”, “The Door of Opportunity”), кто умеет встать над предрассудками своего класса (“The Social Sense”, “The Fall of Edward Barnard”, “The Lotus Eater” и др.). И хотя автор нигде не впадает в назидательную дидактику и как бы предлагает читателю сделать свой выбор, у нас не возникает ни тени сомнения в том, что выбор может быть сделан только в пользу человеческого благородства и порядочности.

Излюбленный художественный прием С. Мозма – парадокс. Благочестивая святоша на поверку оказывается неумолимой хищницей, а беспутный пьяница и грубиян – добрым и бесхарактерным человеком (“The Vessel of Wrath”); миссионер, “огнем и мечом” искореняющий греховность в туземцах, совершает худшие грехопадения, чем любой из них, и расплачивается за это жизнью (“Rain”); счастливый союз людей, созданных друг для друга, разбивается из-за прежней связи мужа с туземной женщиной (“The Force of Circumstances”), но нерасторжимы узы двух людей, которые ненавидят друг друга, но не осмеливаются расстаться, ибо это означает гибель для обоих (“Flotsam and Jetsam”); единственный человек, который следует своему призванию и хранит приверженность традициям своих предков, не пытаясь выглядеть не тем, кем он есть, оказывается чужим среди своих (“The Alien Corn”); муж убивает жену только из-за того, что слишком ее любит (“The Man with the Scar”); а жена, изменяющая своему мужу с его другом, которого муж приютил в своем доме в самое тяжелое для друга время, настолько стыдится своей связи, что предпочитает убить мужа, чтобы не признаваться ему в своей измене (“Footprints in the Jungle”).

Все произведения С.Мозма насквозь ироничны и саркастичны. Регистр его насмешки очень широк – от добродушного подтрунивания до убийственной сатиры. Он смеется над английскими министрами (“Lord Mountdrago”), священниками (“Rain”), военными (“The Colonel’s Lady”), литераторами (“The

Creative Impulse"), колониальными чиновниками и миссионерами ("The Consul", "Rain", "The Force of Circumstances"), аристократами ("The Human Element"), над благопристойностью ("The Social Sense", "The Treasure"), над здравым смыслом ("Jane").

Вот, например, миссис Форестер ("The Creative Impulse"). Она безмерно довольна собой, ни на минуту не сомневается в преданности окружающих, как должное воспринимает восхищение собственного мужа и его умение принять ее гостей и почитателей, хотя и в этом видит почему-то собственную заслугу: "She looked at her husband, who sat at the end of the table, with the proud bright eyes of a pedigree hen (A Buff Orpington for choice) looking at her only chick".

А вот как выражает негодование президент маленькой южноамериканской страны, к которому содержательницы публичных домов явились с жалобой на конкуренцию женщин из Соединенных Штатов: "It is a stain on my administration. It is against all my principles to allow unskilled foreign labour to take the bread out of the mouths of honest and industrious people. These ladies are quite right to come to me and appeal for my protection. I will not allow the scandal to continue". ("The Closed Shop").

При всем видимом объективизме и даже как бы отстраненности автора в его новеллах часто встречаются философские рассуждения более или менее обобщенного характера, но вытекающие непосредственно из содержания рассказанного: "It is strange that men, inhabitants for so short a while of an alien and inhuman world, should go out of their way to cause themselves so much unhappiness" ("The Alien Corn").

Персонажи С. Мозма говорят на безупречном английском языке: "The government has decided on a change in their policy which vitally affected the future of the Empire. The occasion was historic. Of course the house was crowded" ("Lord Mountdrago"); или на кокни: "I've always liked to have a home of me own". "You don't want to be able to guess who done it" ("The Creative Impulse"). "What's he 'anging about for? Don't 'e know I want my tea?" "I wouldn't want to take no risk" ("The Verger"); с каким-нибудь ужасным акцентом, как китайцы в рассказах "Flotsam and Jetsam" или "The Tai pan". "You more better, Tuen. Velly glad." "Luggage all right?" asked Skelton, "Yes, him all light" или как старая еврейка в рассказе "The Alien Corn": "... Will daddy agree?" "I will see dat he does", she answered. Они вставляют слова из местных наречий: rijstafel, arak, topee, tai pan, kampong, tiffin, tuan, etc. или целые испанские, немецкие или голландские фразы: "Godverdommel" ("The Vessel of Wrath"); "Que tal, general?" "Grasias. Hasta luego". "Dispense Usted por Dios" ("The Man with the Scar", "The Bum").

Диалог в новеллах С. Мозма всегда звучит очень естественно и достоверно: "Why Ginger, you look as if you'd been spending a month at a health resort instead of nursing a pack of natives dying of cholera". "Help yourself, Ginger", said the Controleur as he took his glass. "I don't think I'll have any, thank you". "Why, what's the matter? Aren't you thirsty?" "I don't mind having a cup of tea". "A cup of what?" "I'm on the wagon. Martha and I are going to be married".

Автором мастерски используются фигуры речи, благодаря которым он дает исчерпывающие характеристики своим персонажам: He burst into a string of oaths both filthy and blasphemous (эпитет). "Jane Fowler is my cross" (метафора). "It's against all my principles to allow unskilled foreign labour to take the bread out of the mouths of honest and industrious people" (метонимия). With the ferocity of an avenging angel she sought out the good in her fellow-men (сравнение и оксюморон). "There was not a single thing to be said in his favour. The man's presence is a public scandal. He's never sober from morning till night" (гипербола) ... They had plenty of liquor on board and good stories to tell (зевма). She grimly

looked on the bright side of things (оксюморон). "He's penniless and you are rich. You can't be such a besotted fool as not to see that he's marrying you for your money" (антитеза). He hadn't come out of the tussle unscathed. He had a black eye and his mouth was cut and swollen ... (литота). Mrs Fower was amazed, exasperated and perplexed. She's old and dowdy and dull (градация). Pygmalion had finished his fantastic masterpiece. Galatea was come to life (антономасия) и др.

Широчайший охват жизненных явлений, гуманистическая направленность содержания, глубина и меткость психологических характеристик, самобытная художественная форма, сочетающая видимый и нарочитый объективизм с умением вызвать у читателя нужную автору реакцию, богатство и оригинальность языка позволяют отнести С. Моэма к числу мастеров, без творчества которых была бы неполной литературная сокровищница XX века. Вечные и непреходящие темы добра и зла, верности и предательства, любви и вероломства, стремления к успеху любой ценой, благородства, великодушия, лицемерия и ханжества, тупого и нерассуждающего конформизма никогда не потеряют своей актуальности, как не утратят своего блеска новеллы С. Моэма - то насмешливо-лукавые, то едкие, смешные, трагичные, неожиданные, но всегда рассказанные с мастерством, которые определяют Литературу с большой буквы.

Поступила в редколлегию 1.03.1993 г.

Л.Е. ТРАСКИНА

К ВОПРОСУ О СЛОВООБРАЗОВАНИИ ГЛАГОЛОВ С СУФФИКСОМ -IER- И ЕГО ФОРМАЛЬНЫМИ ВАРИАНТАМИ

Специфика словообразования глаголов с суффиксом -ier- и его формальными вариантами -isier, ifizier заключается в том, что большинство рассматриваемых структур представляет собой заимствования, и лишь незначительная часть образована от немецких производящих основ (96% : 4% соответственно). Этим обусловлена необходимость словообразовательного анализа данных глаголов с учетом диахронного и синхронного аспектов.

Исследуемые глаголы появляются в немецком языке как заимствования французских глаголов с суффиксами -er, -ig и латинских глаголов с суффиксами -äre, -ëre, -ïre, уподобленные морфологической структуре немецкого языка путем присоединения флексии en. Таким образом возникает расширенный суффикс -ir(en), последующая трансформация которого в суффикс -ier(en) связана с ударной позицией гласного в открытом слоге и является графическим отражением его долготы: lat. **disputäre - disputieren, componère - komponieren, fr. bloquer - blockieren, blanchir - blanschieren**, lat. **ambire - ambieren**. На данном этапе расширенный суффикс -ier(en) является ассимилированным в немецком языке вариантом названных выше латинских и французских суффиксов. Однако связанная с рядом экстралингвистических факторов интенсификация номинации обуславливает "самостоятельное" функционирование расширенного суффикса -ier(en) его переход в ряд разряд наиболее продуктивных суффиксов немецкого языка. Новые глаголы образуются путем присоединения данного суффикса к заимствованным из греческого, латинского, итальянского, французского, английского языков субстантивным основам, а также вербальным основам английского языка по аналогии с уже функционирующими в немецком языке глаголами: lat. **activus - aktivieren, it. functio - funktionieren, engl. invest - investieren**.

Глаголы с расширенным суффиксом -is-ier(en) появились в немецком языке в начале XVII века и являлись ассимилированными заимствованиями французских глаголов с суффиксом -iser: **legaliser - legalisieren, caractériser - charakterisieren, organiser -**

organisieren.

Вследствии по аналогии с данными глаголами в немецком языке образовался ряд отсубстантивных, отадъективных и отverbальных глаголов с расширенным суффиксом *-is-ier(en)*: *Alkohol - alkoholisieren, banal - banalisieren*.

Следует отметить, что в ряде функционирующих глаголов суффикс *-ier* был вытеснен суффиксом *-isier-*. Значение слов при этом оставалось неизменным: *stabilieren - stabilisieren, amortieren - amortisieren*.

Наличие в современном немецком языке глагольных пар типа: *filtern - filtrieren, parken - parkieren, taxen - taxieren, bosseln - bosselieren, spenden - spenden* обусловлено тем, что "заимствованный" глагольный суффикс *-ier-* является семантически нейтральным по отношению к немецкому глагольному суффиксу *-en* и выражает общее значение процесса с оттенком направленности (69% глаголов с суффиксом *-ier-* являются переходными). Актуальность использования того или иного глагольного суффикса при образовании новых единиц обусловлена рядом экстралингвистических факторов. Однако определяющим является фактор языка-источника. Так, в частности, большая часть заимствованных из английского языка глаголов употребляется с суффиксом *-en*, поскольку суффикс *-ier-* отсутствует в системе английского языка.

Глаголы с расширенным суффиксом *-ifiz-ier(en)* появились в немецком языке значительно позже, в 18 веке, и составляют лишь 1,1% от общего числа исследуемых глаголов (всего было проанализировано 736 единиц): *qualifizieren, glorifizieren, identifizieren, personifizieren, mystifizieren*. Основным путем появления данных глаголов в немецком языке является заимствование латинских глаголов с элементом *ficare*: *glorificare - glorifizieren, justificare - justifizieren, mystificare - mystifizieren*. Данный элемент является формальным вариантом глагола *facio, feci, factum, facere*, употребляющегося в сложных латинских глаголах, и имеет значение "делать, производить, совершать".

Впоследствии расширенный суффикс *-ifiz-ier(en)* использовался для образования переходных глаголов от производящих основ, заимствованных из других языков (в том числе латинского): *identifizieren, qualifizieren, personifizieren*.

В современном немецком языке суффиксы *-ier-, isier-, ifizier* являются взаимно нейтральными. Это подтверждается наличием ряда функционирующих в языке семантически тождественных глаголов с данными суффиксами: *klassieren - klassifizieren, dekartellieren - dekartellisieren, elektrisieren - elektrifizieren*. Динамику взаимоотношений суффиксов *-ier-, isier-, ifizier* можно определить следующим образом: "Потенцированные расширенные суффиксы *-isier(en)* и *-ifizier(en)* являются фонологическими формальными вариантами расширенного суффикса *-ier(en)* при формальной и семантической неизменяемости их основной структуры". [Степанова, Фляйшер, 1985, с. 144]

Основными показателями ассимиляции заимствованных глаголов с суффиксом *-ier-* в немецком языке является: - употребление данных глаголов с немецкими приставками; *umformieren, abtransportieren, zudiktieren* - образование на их основе имен существительных: *automatisieren - Automatisierung, aktualisieren - Aktualisierung*. Наряду с глагольным суффиксом *-en* суффикс *-ier-* и его формальные варианты являются продуктивными глагольными суффиксами, посредством которых осуществляется пополнение класса глаголов современного немецкого языка.

Список литературы: 1. Степанова М.Д., Фляйшер В. Теоретические основы словообразования в немецком языке. - М., 1984. 2. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1976. 3. Helbig G., Schenke I. Worterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben. - Leipzig, 1969. 4. Mäter E. Rückläufiges Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1967. 5. Naumann B. Wortbildung in der deutschen Gegenwartssprache, - Tübingen, 1972.

Поступила в редколлегию 1.09.1993 г.

СТРУКТУРА ПОРІВНЯНЬ В НІМЕЦЬКІЙ ХУДОЖНІЙ ПРОЗІ.

Вивчення форм, видів і модифікацій порівнянь в сучасній німецькій художній прозі не завжди привертало увагу вчених, оскільки дослідження спрямовувались в основному на конкретну семантичну їх функціональність, пов'язану з реалізацією авторських завдань ідейно-тематичного, художньо-естетичного плану. Відсутність інтересу до даної проблеми зумовлювалася ще й тим, що вчені розділили їх на три групи [3, с. 150; 14, с. 211] і це ніби-то вичерпувало їх вивчення.

Залучення порівнянь до коротких або розширених залежить від пояснювальних слів до понять, які порівнюються. Якщо пояснювальні слова до порівнювальних понять відсутні, то вони зараховуються до коротких [3, с. 151; 14, с. 211-212] і це не викликало розбіжностей серед лінгвістів. Слід відзначити, що поглиблене вивчення структури порівнянь на фразеологічному рівні в науковій літературі ми знаходимо в працях Р.А. Глациріна [1], І.І. Калмикової [2], І.І. Чернишової [4, с. 48]. В. Флейшера [9, с. 108-109], В. Шаде [15]. Їх дослідження дали поштовх і стали основою для детальнішого вивчення структури коротких і розширених порівнянь. За допомогою трансформаційних моделей нами виявлено в їх рамках ряд підвидів. Аналіз проводився на основі німецьких художніх прозових творів, які включають 322 порівняння, виписаних шляхом прямої вибірки.

Трансформаційна модель порівняння відображає морфологічну структуру речення. Частини мови позначаємо за допомогою символів (буквами латинського алфавіту): N - іменник; A - прикметник; V - дієслово; Adv. - прислівник; Präp. - прийменник; Pron - займенник і т.д. Сполучні слова не шифруються, пунктуація речень зберігається. Структурні моделі речень можна описувати в повному і скороченому виді. Повна формула описує повністю зазначені частини мови в реченні. Скорочена формула показує лише безпосередні частини порівнянь. В статті ми використовуємо скорочений і повний запис моделей. Якщо пояснювальні слова включають речення-вставки (складносурядні, складнопідрядні), то вони не розшифровуються в моделях, а зазначаються символами nB - *nähere Bestimmungen* - пояснювальні слова. Із всього сказаного слід підкреслити, що ми не претендуємо в рамках статті на повноту і унікальність запису всіх трансформ порівнянь, а відзначаємо тільки їх типологічні (спільні, найістотніші) ознаки.

Порівняння складаються як з лівої (вихідна точка зіставлення), так і правої сторони (з чим порівнюється ліва сторона). Найпростішим видом коротких порівнянь є безсполучникові. Вони є перехідним типом від порівнянь до метафори. Наприклад: ... *die Unterwelt war wie eine Goldgrube* [7, с. 418] N V N; *Du bist ja ein Schriftmensch* [13, с. 418] Pron. V Adv. N. Сюди належать також подвійні порівняння, кожне із яких наголошує на окремій ознаці. Наприклад: *Du Schakal, du Ägypter* [8, с. 177] Pron. N, Pron. N; *Sein Gesicht, seine Haltung ist Anklage und Verteidigung zugleich* [7, с. 425] Posspron. N, Posspron. N V N cj N Adv.

Найпростішим видом коротких порівнянь є зіставлення двох іменників з сполучним словом "wie". Наприклад: *Stille wie Loch* [18, с. 140] N wie N; *Ihre Schenkel wie Zangen, ihre Arme wie Fesseln* [17, с. 126] Posspron. N wie N, Posspron. N wie N. Різновидністю цього виду порівнянь може бути іменник, уточнений дієприкметником: ... *das Gesicht wie gefroren* [6, с. 287] N wie Part. I.

До коротких порівнянь відносяться також і такі, які з'єднуються між собою

крім сполучного слова дієсловом-зв'язкою. Напр.: *Schulden sind wie Lause* [17, c. 173] N V wie N; *Ihre Blicke sind wie Krallen* [17, c. 220] Posspron. N V wie N; *Seine Zunge war wie Wand* [13, c. 109] Posspron. N V wie N.

Короткі порівняння можуть з'єднуватися дієсловами, які підкреслюють дію обох зіставних іменників. Напр.: *Die Berge hüpfen wie Lämmer* [8, c. 411] N V wie N; *Renate hielt sich wie eine Stockpuppe* [19, c. 194] N V wie N; *Ihr Herz schlug wie ein Trommelwirbel* [19, c. 120]; *Ihr Lachen scheppert wie eine Spannkette* [16, c. 206] Posspron. N V wie N.

В складносурядних реченнях зустрічаються сполучникові і безсполучникові порівняння, які маркують різні ознаки об'єктів. Напр.: *Ihre Stimme war wie Ammersang, ihre Lippen schimmerten paradiesapfelrot* [17, c. 27] Posspron. N V wie N, Posspron. N V A; *Sie hatte Hände wie Honigseim und Beine wie Bütenblätter* [17, c. 74-75] Pron. V N wie N c j N wie N.

Таким чином, типологічною ознакою коротких порівнянь є те, що вони можуть бути сполучниковими і безсполучниковими, включати зіставні іменники, рідко прикметники і дієприкметники. Кількість коротких порівнянь в творах досліджуваних авторів незначна і становить 6% від загальної їх кількості.

Формальний аналіз порівнянь німецької художньої прози показує, що ліва і права сторона порівнянь не завжди адекватні. Порівнюються як правило два об'єкти, але для точнішої характеристики зображуваного вживаються пояснювальні слова з лівої або з правої сторони. Якщо пояснювальні слова вживаються тільки до однієї з сторін порівняння, то їх називаємо частково розширеними. Отже, частково розширені порівняння ми поділяємо на дві групи: лівосторонні частково розширені порівняння і правосторонні частково розширені. Наведемо спочатку приклади лівосторонніх частково розширених порівнянь за основними трансформаційними моделями.

Найпростішим видом цих порівнянь є атрибутивне пояснення іменника: ... *das schwarze Kopftuch hängt wie auf einer Stange* [17, c. 270] A N V wie Präp. N; *Ihre dicke Wangen Wabbelten wie Sulze* [17, c. 61] Posspron. A N V wie N. До цього виду ми зачисляємо також різні види уточнень вихідного порівняння. Напр.: *Der Bomber klebte im Licht wie ein Insekt* [13, c. 15] N V Präp. N wie N; *Er blieb neben dem Spiegel stehen wie ein Klotz* [10, c. 20] Pron. V Präp. N V wie N; *Der Mann im Zimmer schaute jetzt wie ein Bär* [6, c. 262] N Präp. N V Adv. wie N; *Der zweite Mann piff durch die Zähne wie eine Feldmaus* [10, c. 59] Num. N V Präp. N wie N.

Частково лівосторонні порівняння включають також різні вербальні структури з прикметниками, прислівниками, іменниками, дієприкметниками, які уточнюють вихідний іменник або займенник. Напр.: *Sie ist bleich wie Wäsche* [17, c. 35] Pron. V A wie N; *Ihre Zunge schien schwer wie Blei* [19, c. 122] Posspron. N V A wie N; *Die Augen waren so schwer, als bedeckten sie Bleigewichte* [13, c. 488] N V Adv. A, Posspron. N V Pron. N; *Der Kollege ist vom ehrenamtlichen Schweiß naß wie Eine Kirchenmaus* [13, c. 233] N V Präp. A N A wie N; *Angsbebend und keuchend sitzt Keppler vor ihnen, bleich wie ein Toter* [5, c. 338] Part. 1 c j Part. 1 V N Präp. Pron., A wie N. Цей підвид охоплює також атрибутивні пояснення: ... *das freundliche Himmelblau seiner Regenbogenhäute kalt wie Stahl* [13, c. 159] A N Posspron. N A wie N. Права сторона частково лівосторонніх порівнянь маркується як правило іменником.

Не тільки ліва сторона порівняння може бути розширена. Частіше пояснювальні слова вживаються в правій стороні порівняння, тому що в більшості випадків саме вона відрізняється оригінальністю від лівої своєю гіперболічною, емоційною, прагматичною характеристикою об'єкта. Найпростіший тип частково розширених правосторонніх порівнянь складається з зіставного іменника і атрибута. Напр.: *Die Hugel wie junge Schafe* [8, c. 411] N wie A N; *Tropfen wie kalt Schläge* [18, c. 202] N wie A N.

Другий підвид відрізняється від першого тим, що включає дієслова-зв'язки

або дієслова, які показують дію, стан зіставних об'єктів. Такі порівняння можуть бути безсполучниковими. Напр.: Ihre Fingernägel glänzen wie dicke Tautropfen [17, с. 32] Posspron. N V wie A N; Ihr Körper war wie eine blutdurchstromte warme Wiege [17, с. 126] Posspron. N V wie A A N; Sie sind ein unbeschriebenes Blatt [13, с. 28] Pron. V A N.

Права сторона порівняння уточнює також основне поняття, виражене іменником через іменник з прийменником. Напр.: Die Verzweiflung frisst wie eine Ratte in ihrem Hirn [17, с. 341] N V wie N Präp. Posspron. N; Dorfgespräche sind Feuer im Heu [17, с. 111] N V wie N Präp. N; Der läuft fort wie die Sau vom Troge [11, с. 68] Dempron. V wie N Präp. N. До цього підвиду порівнянь відносимо також додаткове уточнення іменників через атрибути. Ці порівняння можуть бути безсполучниковими. Напр.: Das Neue kriecht wie eine brennende Schlange durch das Brandenburger Tor [17, с. 355] N V wie A N Präp. A N; Ihr Leib ist eine kleine Kugel auf den immer flinken Beinen [17, с. 155] Posspron. N V A Präp. Adv. A N.

Частково розширені правосторонні порівняння можуть мати пояснювальними словами цілі речення. Вони - сполучникові або безсполучникові. Пояснювальні слова в моделях записують через nB - nähere Bestimmungen. Напр.: Sie sind wie die unteren Scheiben der der Schulstube, man kann nicht hindurchsehen [17, с. 184] Pron. V wie A N Präp. N nB; Sie ist wie aus einem der alten, eckigen harten Bilder, mit denen hier alles vollbekleckt ist [7, с. 275] Pron. V wie Präp. A A A N nB; Ihr Gesicht ein toter Teich zwischen dem zopa welligen Wald ihres Braunhaares und der hugeligen Landschaft ihrer Brüste [17, с. 42] Posspron. N V A N nB.

Подвійні порівняння, які характеризують об'єкт з різних сторін, не часте явище в німецькій художній прозі. Напр.: Das ist so'n eigenwilliger Kauz, so'n Dickschadel, den kannst du nur verhar ten, nicht erweichen [5, с. 224] Dempron. V Adv. A N, Adv. N nB; Du bist ein verschlossener Garten, eine verschlossene Quelle, ein versiegelter Brunnen [7, с. 283] Pron. V A N, A N, A N; Man fühlte sich wie ein Fluß, so gelenkt, gebettet, geregelt, alles gehorchte einem hohen Gesetz [8, с. 180] Pron. V wie N nB. Ліва сторона правосторонніх частково розширених порівнянь маркується в основному іменниками і займенниками.

Детальний аналіз залученого нами фактичного матеріалу показує, що лівосторонні і правосторонні частково розширені порівняння мають в основному однакові структурні моделі. Тут також слід підкреслити, що поділ порівнянь на частково розширені правосторонні і лівосторонні носить принциповий але умовний характер, тому що одне і те ж речення можна практично перетворити з правостороннього в лівостороннє порівняння і навпаки. Про це свідчить такий вид речень: Wie elektrisiert stand er in diesem elektronischen Museum [6, с. 404]; Автор міг би написати: Er stand in diesem Museum wie elektrisiert. Наведемо ще декілька речень з порівняннями цього типу: Wie ein Brett, steif und lautlos fällt Keppler hintenüber [13, с. 337]; Wie Blei lag meine Zunge im Mund [13, с. 248]; Wie ein Salzsack werde ich ihnen auf der Seele sitzen [17, с. 88]. Питома вага частково розширених лівосторонніх і правосторонніх порівнянь складає 40%.

Отже, поширеним видом порівнянь німецької художньої прози є розширені порівняння. Вони включають будь-яке ліво- і право- стороннє пояснення зіставних понять. Найчастотнішим їх видом є пояснення через атрибути, іменники з прийменниками, прикметниками: Sein saures Lächeln platzt wie eine übergährige Essigflasche [17, с. 33] Posspron. A N V wie A N; Angret badet sich in den Bittworten wie Kleopatra in der Stutenmilch [18, с. 10] N V Präp. wie N Präp. N; Schwärme von Krähen bedeckten wie schwarze Teppiche die abgeernteten Felder [18, с. 109] N Präp. N V wie A A A N; Karlne Wempel sitzt dürr und mager wie eine schwarze in der vordersten Bank [17, с. 167] N V nB wie A N nB.

Другим видом розширених порівнянь є пояснення поняття через складносурядні або складнопідрядні речення. Зіставні об'єкти безсполучникові або з'єднуються сполучним словом "wie" рідше "als". Напр.: Der unangerührte Schnee

auf den Feldern und in den Wäldern glanzte in der Sonne wie weißer Atlas und prahlte mit einer neuen Qualität ... [16, c. 14] A N nB wie A N nB; Der Verdacht, der in ihr aufgekeimt war und der sich wie ein ekliger Wurm in ihr Hirn bohrte, war so furchtbar, daß ihr Herzschlag zu stocken schien [19, c. 106] N nB wie A N nB; Wieder stand er unter dem Blick ihrer Augen, ausgezogenackt, ein vor Sehnsucht ausgehungertes Gerippe [17, c. 125] Adv. V Pron. nB, A nB; Die ganze Welt, so glaubt er, schließt sich hinter ihm, als das große eiserne Tor [5, c.263] A N nB als A A N.

Нереальні порівняння можуть включати структуру першого і другого виду розширених порівнянь. Сполучними словами служать "als", "wie", "als ob". Напр.: Ein pflichtgem äbuer Bericht über das, was er heute entdeckt hatte, würde wie ein Bumerang auf ihn zur ückschlagen, würde ihn seine Karriere kosten [18, c. 162] A N nB wie N nB; Horte war aufgestanden, und er kaute an den Worten herum, als ob seine Zunge ein dickes borstiges, unbrauchbares Etwas geworden sie [6, c. 367] N V nB als ob Posspron. N nB. Кількість розширених порівнянь становить 54%.

Описані нами класифікаційні принципи порівнянь на матеріалі німецької художньої прози за структурними моделями потребують в подальшому ще детальнішого уточнення, але вже в рамках статті можна зробити висновок, що існує закономірність створення порівнянь майстрами художнього слова. Всі порівняння поділяються на короткі, частково розширені як право- і лівосторонні, так і розширені (розгорнуті не досліджувались). Отже, від пояснення зіставних слів залежить зарахування порівнянь до названих типів. Видів трансформаційних моделей порівнянь є велика кількість, але наведені приклади показують, які їх спільні риси і в якому напрямі їх можна вивчати.

Список літератури: 1. Г л а ц и р и н Р.А. О применении типологического и сопоставительного метода при анализе компаративных фразеологических единиц. - Уч. записки МГПИИЯ. - М., 1971, №61. 2. К а л м ы к о в а Е.И. Образность как лингвистическая категория в современной научной прозе (метафора и сравнение). Канд. дис. - М., 1969. 3. П о т о ц к а я Н.П. Стилистика современного французского языка. - М., 1974. 4. Ч е р н ы ш е в а И.И. Фразеология современного немецкого языка. - М., 1970. 5. B r e d e l W. Dein unbekannter Bruder. - Aufbau - Verlag Berlin, 1963. - 369S. 6. B r i n k m a n n J., F r a n k M e l l e n t i n. Roman einer Wandlung. - Paul List Verlag Leipzig, 1969. - 680 S. 7. F e u c h t w a n g e r L. Der jüdische Krieg. - Aufbau - Verlag Berlin und Weimar, 1974. - 463 S. 8. F e u c h t w a n g e r L. Der Tag wird kommen. - Aufbau - Verlag Berlin und Weimar, 1974. - 436 S. 9. F l e i s c h e r W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. - Leipzig, 1982. 10. G e r l a c h H. Die Taube auf dem Schuppendach. - Greifen - Verlag zu Rudolstadt, 1979. - 267 S. 11. G r a b n e r H. VEB Arche Noah. - Mitteldeutscher Verlag Halle (Saale), 1975. - 385 S. 12. K a n t H. Die Aula. - Rutten Loening Berlin, 1969. - 464 S. 13. N e u t s c h E. Der Friede im Osten. - Mitteldeutscher Verlag Halle (Saale), 1973. 14. R i e s e l E., S c h e n d e l s E. Deutsche Stilistik. - Verlag Hochschule Moskau, 1975. - 316 S. 15. S c h a d e W. Zu den komparativen Phraseologismen des Deutschen und Russischen. Aktuelle Probleme der Phraseologie. - Karl-Marx-Universität Leipzig. 1976. 16. S t r i t t m a t t e r E. 3/4 Hundert Kleingeschichten. - Kinderbuchverlag Berlin, 1971. - 146 S. 17. S t r i t t m a t t e r E. Ochsenkutscher. - Aufbau - Verlag Berlin und Weimar, 1966. - 372 S. 18. S t r i t t m a t t e r E. Ole Bienkopp. - Aufbau - Verlag Berlin und Weimar, 1967. - 428 S. 19. W i e b a c h U. Er sprach von Liebe. - Deutscher Militärverlag Berlin, 1965. - 223 S.

Поступила в редколлегию 1.03.1993 г.

ІСТОРИЧНИЙ АСПЕКТ ДОСЛІДЖЕННЯ АБРЕВІАТУР ВЛАСНИХ ІМЕН
В НІМЕЦЬКІЙ МОВІ

Проблема походження власних імен цікавила і цікавить багатьох вчених як вітчизняних, так і зарубіжних. Серед них слід виділити А.В. Суперанську, А.В. Сусліву [7, с. 16] [8, с. 11-19], Н.А. Петровського [5, с. 7-8], О. Есперсена [13, с. 15], Г. Бельманна [10, с. 371], К. Пауля [16, с. 12-14], Г. Науманна [14, с. 9]; [15, с. 16-17] та ін. За допомогою власних імен людина відрізняє індивідуальні неповторності однієї особи від іншої. Уже в стародавні часи ім'я давалось не тільки для того, щоб легалізувати особистість в колективі, але і для того, щоб дати новонародженій дитині певне бажання, застерегти її від впливу злих сил. Предмет, названий власний власним іменем, завжди виразний і суворо відмежований від інших, а тому навіть широко розповсюджені власні імена, які служать для найменування багатьох людей вживаються кожен раз індивідуально. Чітка визначеність названої особи сприяє відокремленню власних імен від інших слів і об'єднанню їх в свої типи і класи.

В німецькій мові є значна кількість скорочених слів / абrevіатур, які утворені від повних власних імен людей, рідше подвійних. Деякі скорочені слова існують в мові поряд з вихідним як його варіант. Значна частина цих абrevіатур існує уже без вихідного слова, вони вживаються як повнозначні слова.

Ми досліджуємо складноскорочені слова / абrevіатури власних імен людей. Темін абrevіатура, на нашу думку, найбільш вдалий для даного типу скорочень. Але на сьогоднішній день лінгвісти по-різному називають їх.

Одні, як Т. Шіппан [17, с. 539], В. Гофріхтер [12, с. 36], Г. Бельманн [10 с. 369], Г. Штарке [18, с. 63], М.Д. Степанова [19, с. 120] позначають їх терміном скорочене слово "Kurzwort", виділяючи їх різні підтипи.

Інші, а саме: В.В. Борисов [3, с. 124], Д.І. Алексєєв [1, с. 3], О.С. Ахманова [2, с. 27], Ф. Фляйшер [11, с. 231], К. Пауль [16, с. XXIII], Г. Науманн [14, с. 10;16], Є.В. Розен [6, с. 37] виділяють їх як абrevіатури.

В окремих вчених, таких як Л.А. Шеляховська [9, с. 19], Г.В. Павлов [4, с. 37] і інших немає ще чіткого відмежування між терміном абrevіатура і скорочення.

Під абrevіатурою ми розуміємо складноскорочене слово, яке може бути утворене як з перших літер слів сполучення, так і з початкових складів, а також з еліпсису вихідного слова, рідше комбінованим способом.

Мета нашої статті полягає в тому, щоб дослідити абrevіатури власних імен в німецькій мові і показати, яке місце займають вони в групі категорій назв людей.

Історія німецьких власних імен сягає у далеке минуле. Це були в основному одночленні імена. Стародавні германці використовували для особових імен назви тварин, рослин, як: Wolf, Eber, Bär, Fuchs, Vogel, Adler, Kienast, Kirsch і ін. Ці імена втілювали в собі магічну силу, яка мала перейти на носія імені (дитину), чого так бажали батьки. З розвитком суспільства збагачувалась мова. Особливого розвітку досягла германська мова у VII-IV ст. д.н.е. В цей час з'являється дуже багато імен. Як і більшість індоєвропейських імен це були двочленні імена, які стали взірцем святості. Уже в цей час виникають скорочення - неофіційні форми вжитку власних імен.

Система імен, що побутує, формувалася протягом багатьох століть. Її основу складають імена християнського календаря, хоча імена існували і до прийняття

християнства. Серед них було чимало запозичень, які спостерігаємо уже у VIII-у столітті. Здебільшого це були церковні імена, які стали дуже модними і популярними в зв'язку з поширенням християнства. Вони проникали у всі сфери людського буття. Це були імена Старого, пізніше Нового Завіту. Наприклад: єврейські: Adam, Daniel, David, Samuel, Susanna і ін., грецькі: Andreas, Petrus, Agnes, Agathe, Nikolaus, Katharina; латинські: Anton, Clemens, Emil, Felizitas, Flora, Julia, Klara, Maximilian, Paul, Viktor, Alma, Beate.

А в другій половині XII-го століття широкої популярності набули імена святих (Heiligennamen) у зв'язку з поклонінням перед святістю церкви, особливо католицької, яка мала великий вплив на свідомість людей. Це був період так званої патристики. Безпосереднім виявом особистісно-людського характеру соціальних відносин виступає духовність, оскільки ключ до розв'язання всіх, в тому числі суто "земних" проблем, середньовічна людина шукала в сфері духу. Це були запозичені іноземні імена, в основному двоскладові, широкого розповсюдження зазнали вони в XIII-у столітті, це була данина моді, яка тривала включно до XX-го століття і тільки зараз помічаємо їх спад. Слід визначити, що у преваліюваних суспільних верствах населення виявлено помітне прагнення назвати своїх дітей подвійним іменем, для того щоб підкреслити приналежність до знатного роду батька чи матері, родини чи до церковного сану. Пізніше ця мода поширилась і на буржуазію. Але для простого люду ці імена були незрозумілими, значення і зміст цих імен відступали на задній план, тому що народ не знав ні іноземних мов, ні походження імені. Ці іноземні запозичені християнські імена частково почали читати за алфавітними назвами німецьких букв, їх намагались асимілювати, тому уже у XII-у столітті помічаємо процес скорочення цих імен, випадання окремих букв, складів, їх фонетичну видозміну. Напр.: Elisabeth -> Else; Georg(ius) -> Jörg, Jorgen; Johannes -> Hans, Johann; Ursula -> Ursel; Maximilian -> Max; Bernhard -> Bernd; Joseph -> Jupp, Sepp; Benjamin -> Ben і ін.

Якщо у XII-у ст. святих імен була незначна кількість, то в XV-у вони уже витіснили вітчизняні імена. Припливу нових іноземних імен сприяла також і Реформація в Німеччині. Старий і Новий Завіт запропонували велике поле діяльності для вибору того чи іншого імені. Велику роль відіграє і мотив традиції, мода. До імен додаються імена святих з вірою і надією на те, що дитина разом з цим іменем набуде властивостей святості, стане доброю, благочестивою, морально самвдосконалішою. Однак не всі батьки були прихильниками цього, деяким було краще і зручніше назвати свою дитину одним іменем, а тому, друге ім'я, яке давалось як данина моді, почали писати через дефіс, лише для форми. Але на протязі певного періоду ці подвійні імена зливалися в одне слово і писалися разом, напр.: Annelise, Hannelore, Karlheinz або здійснювалося їх спрощення, оскільки вони створювали незручності у вимові. Дане явище спостерігаємо уже в часи Каролінгів, напр.: Ehrenfried -> Friede; Hansjosef -> Hanjo; Eberhard -> Ebbo, Eppo; Fri-edrich -> Friddo, Frido, Fried, Fritz.

Довгота старовинних двочленних імен спонукала батьків уже в ранній період до того, щоб дати своїм дітям спрощені найменування. Так у повсякденному вжитку виникають у стародавні часи скорочені імена. Число односкладових імен було незначним, тому мусіли бути створені нові скорочені форми [16, с. XXIII] у більшості випадків зберігався перший член повної вихідної форми власного імені, а другий випадав повністю або частково, наприклад: Eckehard, Eckehart, Ekkehard, -> Eike, Eiko, Eckart; Eduard -> Ede, Edgar; Gebhard -> Gebbo; Dorothy -> Dorrit; Hermann - Hemmo.

У деяких випадках повністю або частково випадав перший член повної вихідної форми з фонетичною видозміною і без неї. Напр.: Cäcilie -> Cilli, Cilly; Eberhardine -> Dina; Franziska -> Ziska, Zissi; Kreszentia -> Zenz; Arabella -> Bella; Nocollette

-> Colette; Angela -> Gela.

А такі абрєвіатури як: Otto, Hugo, Herta, Franz, Agnes, Bruno, Erich, які виникли з двочлєнних повних імен, з'явилися у нїмецькій мові дуже давно і вживаються без вихідної форми. Завдяки поширенню книгодрукування в Нїмєччині і Романтизму знову почали набувати популярності старонїмецькі, вїще згадані імена.

У XVII-у ст. в зв'язку з зростаючим політичним і культурним впливом французької держави під керівництвом Людовїка XIV в нїмецьку мову було запозичено багато французьких абрєвіатур, напр.: Louise -> Lies; Charlotte -> Lotte; Elisabeth -> Lisett; Henriette -> Henrike, Henni, Heike, Haike, Jette; Johannes -> Jean; Hieronymus -> Jerome; Babette -> Babett.

Пїєтизм XVII-го ст. принїс нові двокорєневї релїгїйнї бажані імена, які пізніше пройшли шлях скорочення. Окремі з них вживаються ще і сьогодні, але поступово замїнюються іноземними іменами [16, с. XIV]. Напр.: Gotthelf -> Gotz; Traugott -> Traude; Godehard -> Godo; Giselbert -> Giesbert, Gil, Giobert, Gisbert.

У XIX ст. в нїмецьку мову пронишло багато абрєвіатур з англїйської мови, напр.: Heindrich -> Harry; Wilhelm -> Willy; Eleonora, Ele-anor -> Ellen, Elly, Elli; Emilie - Emmy, Emmi; Edward, Eduard -> Ede, Eddy, Ted; Jeffrey, Gottfried -> Jeff.

Пїїтизм (від франц. *pietisme* від лат. *pietas* - благочестя) - 1) містична течія в лютеранстві, послїдовники якої проповідували релїгїйно-моральне самовдосконалення, благочестя, аскетизм, містику. 2) Релїгїйно-містичний настроїй (часто удаваний); святиництво.

Словниковий запас нїмецької мови поповнили також власні імена північних країн, які межують з Нїмєччиною. Більшість із них зазнали скорочення, асимїлювались і повністю онїмєчилися. Вони вживаються часто у північних областях ФРН, наприклад: Kanut (nord.) -> Knut; Benedikt (dän.) -> Bent; Benedikt (schwed.) -> Bengt; Adrian (niederland.) -> Arian; Torulf (schwed.) -> Tolf; Siegward (schwed.) -> Sigurd; Dietrich (oberdt.) -> Dietz і ін.

В півдєних областях Нїмєччини поширені такі абрєвіатури власних імен, напр.: Andreas (niederdt.) -> Dries; Dietrich (niederdt.) -> Dirk, Derk, Derik; Dietbald (niederdt.) -> Debal; Augustus (nie-derdt.) -> Austen; Detlef, Detlev (niederdt.) -> Delf; Burkhard (niederdt.) -> Bork, Birk; Konrad (niederdt.) -> Kurt і ін.

Значний вплив на імена мала мода XIX-го столїття. Поруч з фактором моди було прагнення до своєрїдності і оригїнальності. Це і послужило причиною того, що знову стають популярними забуті абрєвіатури і створюються нові, напр.: Fritz, Frank, Hans, Karl, Marx, Frieda, El-sa, Uwe, Ute, Silke, Silvia, Klaus, Brit, Jeans, Willi і ін.

І в наш час імена-абрєвіатури користуються чималим попитом, хоча за ними не завжди просто визначити рїд носія імені, що спричинює інколи труднощі у відділах запису актів громадянського стану. Однак цього можна уникнути, якщо до Ваших послуг будуть словники-довідники власних імен К. Пауля і Г. Науманна, за допомогою яких ви зможете встановити правильне написання імені дитини, оскільки в них подані майже всі письмові варїанти абрєвіатур власних імен, як односкладових, двоскладових, так і подвійних їх варїантів, а також всіх запозичень.

Явище варїантності властиве і документальним іменам, які виникли в процесі освоєння давніх запозичень і відображають взаємодїю літературно-книжної та усно-розмовної традиції у розвитку нїмецької мови.

Оновлюється іменний репертуар нїмецької мови і за рахунок запозичень-абрєвіатур з інших мов. Першорядне значення посїдають серед них абрєвіатури-

запозичення з англійської мови. Належне місце займають аббревіатури французької, швейцарської, італійської, іспанської, голландської, фінської, болгарської, угорської, чеської, російської, української і ін. мов.

Проведений нами історичний аспект дослідження на основі журналу Шпрахпфлеге та словників К. Пауля і Г. Науманна дає можливість зробити висновки: 1. Серед аббревіатур-запозичень є багато неологізмів, історизмів, архаїзмів. Наведемо приклади найбільш поширених аббревіатур-запозичень за останні десять років. Наприклад: англійські: Michael -> Maik, Mike; Katharina -> Kay, Kai; Beatrice -> Trixy; T(h)eresa -> Tessy; Reinwald, Reinhold -> Ron, Ronny; Nikolaus -> Nick, Nicky; Alberich -> Eric; Richard -> Rick, Ricky. Французькі: Margarete -> Margret, Margot, Margrit; Elisabeth -> Alice; Barbara -> Barb(e), Bärbel; Lucienne -> Lucie; Daniel -> Dany; Andreas -> Andre. Болгарські: Alexander -> Sando, Sander; Kalojan, Kalofer -> Kaljo; Nedelko -> Neno. Шведські: Torulf -> Tolf; Gunbritt -> Britt; Bertold -> Bertil. Італійські: Enrico -> Enzo; Benedetto -> Bino; Antonius -> Tonio; Maritta -> Rita; Alessandra -> Alessa. Іспанські: Benedikta -> Benita; Ludwig -> Luis; Dolores -> Lola; Laurentius -> Renzo. Фінські: Siegfried -> Sippo, Siegi; Jeremias -> Jarno; Nikolaus -> Launo; Gregor -> Reko. Датські: Arnold -> Arild; Torbjörn -> Torben; Katharina -> Karen; Kanut -> Knud. Угорські: Tiberius -> Tibor; Nikolaus -> Miklos; Andreas -> Andor; Emmerich -> Imre. Польські: Franziskus -> Franek; Bronislaw -> Branko; Mirosław -> Mirek. Швейцарські: Ambrosia -> Ambra; Ambrosius -> Ambros, Bros. Чеські: Johannes -> Jan; Dargomira -> Dagmara, Dagmar; Wladimir -> Vlado; Epimachus -> Macho. Сербохорватські: Christophorus -> Christo; Titus -> Tito; Kyryll -> Kiro. Слов'янські: Ludmila -> Mila; Katharina -> Katja; Juliana -> Janka; Larissa -> Lara. Голландські: Jodokus, Joseph -> Jos, Jost; Bartholomäus -> Barthel, Bartje, Mewes.

Вище наведені аббревіатури можна розділити на такі варіанти:

а) здрібніло-пестливі, напр.: Elisabeth -> Lilli, Lisa, Betti, Betti-na, Lizzy, Lisbeth, Lili, Elly, Ella, Lily; Leonora -> Elli, Ella, Lore; Henriette -> Hetti, Hetty; Dietrich -> Till, Tilo, Deddo, Dirk.

б) розмовно-побутові, напр.: Alexander -> Sascha; Michael -> Mischa; Maximilian -> Maxim; Hansjosef -> Hanjo; Barbara -> Babsi; Christina -> Chris; Wilhelm -> Wim, Will, Willi, Willy і ін.

Серед аббревіатур власних імен є чимало неологізмів. Нами зроблено вибірку за останні десять років из журналу Шпрахпфлеге. В більшості випадків ці аббревіатури відповідають правилам орфографії тієї мови, з якої вони запозичені. Вони читаються за алфавітними назвами букв запозиченого вихідного слова, напр.: Kat, Käte -> Katharina; Alexa -> Alexandra; Rick, Ricky -> Richard, Rickert; Maik, Mike -> Michael; Mark -> Markus; Ron, Ronny -> Ronald; Beti, Betti -> Elisabeth; Maud -> Magdalene, Margarete; Tilly -> Dietrich; Trixy -> Beatrix; Bob, Bobby, Bobbo, Robby, Robb, Robert -> Rodebert і ін.

Нами виявлено також аббревіатури-історизми. Вони пов'язані з конкретними подіями, битвами, перемогами, видатними людьми, особами. За допомогою них увіковічується пам'ять героїв, борців, знаменні події, конкретні місця, напр.: Burga, Walli, Wally -> Walpurgis, Walburg, Walburga, Walpurga (ahd. Schlachtfeld und Schutz); Gunda, Gunde, Gundula -> Kunigunde (ahd. Sippe und Kampf); Götz -> Gottfried (ahd. Gott und Schutz); Sam -> Samson, Simson (hebr. kleine Sonne); Sally -> Salomon (hebr. der Friedliche); Viki, Vicki -> Viktoria (lat. Siegesgöttin); Hilar -> Hilarius (lat. der Heitere) і багато інших.

Причини переходу даних аббревіатур до історизмів полягають в тому, що на зміну їм прийшли нові імена-неологізми, які поступово відтіснили їх на задній план, що пов'язано з модою, а також прагненням батьків до чогось нового, більш оригінального як за своїм звучанням, так і формою написання. Відчутним став вплив кіно, телебачення, радіо, художньої літератури, естради, поп-рок музики та ін.

Серед досліджуваних нами абревіатур слід виділити архаїзми. Вони ще побутують у мові і трапляються часто в художній літературі. Їх вихідна форма не вживається, а дається у словниках-довідниках, напр.: Jupp, Sepp -> Josef, Joseph; Jorit -> Eberhard; Beat -> Beatus; Veit -> Vitus; Poldi -> Leopolda; Alma -> Amalberga; Wilm, Will, Wilko -> Wilhelm; Sitta -> Sidonia, Sidonie; Wolf -> Wolfgang; Diz -> Benedikt; Roma -> Romana.

Підсумовуючи вище сказане, приходимо до таких висновків:

1. Здрібніло-пестливі та розмовно-побутові імена-абревіатури вживаються у колі друзів, родини, близьких знайомих, а окремі з них і в офіційному вжитку. Вони відзначаються великою фонетичною різноманітністю. Серед розмовно-побутових слід виділити дружньо-фамільярні, а інколи і зневажливі, а тому вживати такі абревіатури необхідно з особливим тактом. Ми виявили цілі гнізда емоційних найменувань, велике розмаїття варіацій, що є свідченням великої популярності абревіатур власних імен.

2. Абревіатури-неологізми засвідчують, що німецький словниковий запас постійно поновлюється за рахунок семантичних процесів, які відбуваються в мові (в структурі окремих лексем). Серед неологізмів чільне місце займають запозичення, у яких дотримується форма написання тієї ж мови, якої абревіатура запозичена, рідше німецької.

3. Абревіатури-історизми, як і архаїзми - маловживані. Причина їх маловживаності - це прагнення до збагачення, оновлення сучасного складу імен, пошук свіжих, які б вирізнялися на тлі масових. Однак в окремих регіонах Німеччини відчувається їх активізація.

4. Абревіатури-неологізми, історизми, архаїзми здатні до варіювання, в більшості випадків вони вживаються без вихідної форми.

5. Мода, мотив традиції мають значний вплив на вибір імені.

Список літератури: 1. Алексеев Д.И. Графические сокращения и слова-аббревиатуры. - В сб.: Развитие современного русского языка. М., 1963. 2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. 3. Борисов В.В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках. М., 1972. 4. Павлов В.Г. Словообразовательные возможности сокращенных слов. - Вопросы романо-германской филологии и методики преподавания ин. яз. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 1973. 5. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. М., 1966. 6. Розен Е.В. Новые аббревиатурные слова в современном немецком языке. - Иностранные языки в школе, 1983, №3. 7. Суперанская А.В., Сушлова А.В. Из истории русских фамилий. - Современные русские фамилии. Изд. "Наука", 1981. 8. Суперанская А.В. Выбор имени для новорожденного. - Справочник личных имен народов РСФСР. М., 1987. 9. Шеляховская Л.А. К изучению аббревиатур в современном русском языке. - Вопросы словообразования и фразеологии. Программа работы и тезисы докладов на расширенном заседании кафедры русского языка 11-12 мая 1962 г. Фрунзе, 1962. 10. Bellmann G. Zur Variation im Lexikon: Kurzwort und Original. - In: Wirkendes Wort, 1980. 6. 11. Fleischer W. Kurzwörter. - In: Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig. 5 Aufl. 1983. 12. Hofrichter W. Zu Problem der Abkürzung in der deutschen Gegenwartssprache. - In: Linguistische Studien. Reihe A. Arbeitsberichte. Berlin, 1977. 13. Espersen O. Stützwörter. - Die Sprache ihre Natur, Entwicklung und Entstehung. Heidelberg, 1925. 14. Naumann H. Zur Geschichte unserer Vornamen. - In: Das kleine Vornamenbuch. Leipzig. 6. Aufl. 1987. 15. Naumann H. Entstehung der Familiennamen. - Familiennamenbuch. Leipzig. ufl. 1987. 6. 16. Paul K. Kurz und Kosennamen. - In: Das kleine Vornamenbuch. Leipzig. 2. Aufl. 1967. 17. Schippa Th. Zur Bildung des Kurtzwortes in der deutschen Sprache. - In: Deutschunterricht.

1963, Н. 10. 18. Stark G. Sprachliche Kurzformen. - In: Sprachpflege. 1987, 5. 19. Stepanowa M.D., Cernyseva I.I. Wortbildungsstrukturen, die als spezifische Varianten der Grundmodelle der Wortbildung zu betrachten sind. - In: Lexikologie der deutschen Sprache. Moskau, 1975.

Поступила в редколлегию в 1.03.1993 г.

М.М.ТУРЧИН,

Ж.Є. ПОТАПОВА, канд. філол. наук

ТИПОЛОГІЯ УТВОРЕННЯ АБРЕВІАТУР ВЛАСНИХ ІМЕН В НІМЕЦЬКІЙ МОВІ

Пропонована увазі читачів стаття є спробою зібрати й упорядкувати найуживаніші і найпоширеніші аббревіатури власних імен в німецькій мові за їх основними типами.

Аналіз лінгвістичної літератури засвідчує, що до цих пір ніхто з лінгвістів не займався спеціально даною проблемою, хоча існує чимало класифікацій щодо лексичних скорочень. З огляду літератури випливає, що лінгвісти виділяють різні типи і підтипи графічно-фонетичних, т. б. лексичних скорочень. Щоб переконатися в цьому, наведемо їх класифікації.

Так, К. Дуден розподіляє їх на три групи: а) скорочення, які вимовляються словами; б) скорочення, які читаються за окремими літерами; в) штучні слова, утворені з частин слів іноземного походження [9, с. 411]. М.Д. Степанова і В. Фляйшер поділяють скорочені слова (*Kurzwörter*), які вони називають особливими лексичними одиницями (*besondere lexikalische Einheiten*) за структурою редукції на односегментні і багатосегментні [21, с. 126-127]. До односегментних вони відносять ініціальні або фінальні усічення початку або кінця вихідного слова. До багатосегментних вони відносять скорочені слова, які складаються з багатьох частин вихідного слова і виділяють серед них ініціальні слова (*Initialwörter*), які вимовляються за ініціальними буквами і (*Silbenwörter*) т. б. скорочення слів за складами. Сюди належать скорочені слова, перша частина яких є ініціальним скороченням, а друга - нескорочена частина повного вихідного слова (композиції чи словосполучення). Г. Бергштрет-Нільсен не розрізняє між скороченням і скороченим словом стверджує, що між ними немає різниці, хоча не заперечує, що скорочене слово є особливим скороченням, коли вимова слідує написанню. Він розрізняє чотири типи скорочених слів: а) ініціальний; б) ініціально-звуковий; в) апокипи; г) комбінований [8, с. 2]. В. Гофріхтер дотримується точки зору, що скорочені слова займають проміжне становище (*eine Zwischenstellung*) між скороченнями і повними формами [11, с. 33-34]. Такої думки і Й. Філіпесць [10, с. 258]. В. Гофріхтер розрізняє такі типи графічно-фонетичних скорочень: а) усічення лінійного порядку, які містять тільки початок повної вихідної форми; б) скорочення дво- і трьохчленних детермінативних композитів; в) скорочення від групи слів (*Kürzungen von Wortgruppen*) - це конструкції з автономних морфем або синтагм, які він підрозділяє на скорочення початку (*Anfangsteile*), на скорочення кінця I-го і початку II-го конститuenta вихідного слова; г) скорочення, графеми яких вимовляються за їх звуковою оболонкою (*nach ihrem Lautwert*), які досягли статусу автономних морфем і часто вживаються замість повних вихідних форм [11, с. 36]. Є.А. Земська визнає усічення найбільш поширеним аббревіатурним способом утворення слова, що характерно для іменника, хоча не заперечує і інших способів утворення скорочених слів [4, с. 275; 276]. Л.М. Бойченко визнає аббревіатурний спосіб утворення слів продуктивним і виділяє такі типи: а)

ініціальний; б) поскладовий; в) комбінований [2, с. 75]. Т. Шінпан розрізняє: а) ініціальний (Initialwörter), який вимовляється як за літерами, так і словами (Buchstabenwörter); б) скорочення, які утворені з перших складів композити (Silbenwörter); в) скорочення, які включають тільки означаючий компонент композити (Schwanzwörter); г) скорочення, які виникають внаслідок випадання середньої частини складу композити (Klammeroder Klappwörter); д) мішаний тип скорочень, які складаються з скороченого слова й афікса іноземного походження (Mischbildungen) [17, с. 115]. За В.Г. Павловим лексичні скорочення є чотирьох типів: а) ініціальний; б) скорочення із усічених основ і ініціальні, які вимовляються словами; в) похідні від скорочень; г) скорочення, які подані цілим словом (сюди він відносить як усічення, так і комбіновані та скорочення-склади [5, с.52]. В основі класифікації А. Ізкоз і А. Ленкової не покладено єдиного принципу. Спостерігається змішування формального і морфологічного критеріїв, що веде до нечіткої мотивації виділених ними п'яти типів скорочень [12, с. 81-86]. Г. Бельманн поділяє скорочені слова на одно- і багатосегментні. Серед односегментних (KWus) він виділяє ініціальний тип скорочень (KWus/init) і фінальний (KWus/fin). Серед багатосегментних (KWms) - літерно-звукові (Buchstabennamen), які складаються з початкових букв композити чи словосполучення (KWms/L) і літерно-звукові з залученням окремих літер іменників, прийменників, артиклів, складів, сполучників вихідного словосполучення; мішаний тип (Mischungen); часткові скорочення (partielle Kurzwörter / KWpart) [7, с.372]. Класифікація Г. Штарке не відрізняється від вище наведеної класифікації Г. Бельманна, відмінність лише полягає в тому, що виділяються ці типи дещо в іншому порядку, оскільки вчені користуються різними термінами для позначення одних і тих же скорочень [20, с. 63]. О. Есперсен виділяє серед аббревіатур (Stützwörter) - опорні аббревіатури [13, с. 151], а це не що інше як усічення початку або кінця повної вихідної форми композити чи словосполучення. За Й. Шільдом скорочені слова підрозділяються на три типи: а) ініціальні аббревіатури, які вимовляються за назвами букв (die buchstabiert gesprochen werden); б) буквенно-звукові, які читаються як слова; в) складові [16, с. 155-156]. Д.І. Алексєєв виділяє: а) складові; б) ініціальні; в) аббревіатури буквенного (під)типу; г) аббревіатури звукового (під)типу [1, с. 10]. В.В. Борисов наголошує на три способи морфологічної аббревіації: а) морфемну; б) ініціальну; в) комбінований спосіб. Н.М. Шанський класифікує складноскорочені слова за чотирма типами: а) ініціальнo-звуковий; б) ініціальнo-буквенний; в) складовий; г) мішаний [3, с. 159]. В. Шмідт поділяє скорочені слова на: а) ініціальні, до них він відносить як заголовні літери, так і залучення складів; б) буквенно-звуковий; в) скорочені слова, які утворюються внаслідок випадання середньої частини вихідного терміна композити або словосполучення (Klappwörter); г) усічення і часткові усічення [18, с. 135-136].

Отже, відмінність наведених класифікацій полягає в тому, що кожен лінгвіст по-своєму виділяє типи і підтипи скорочених слів. Спільним для них є те, що вище згадані вчені визнають аббревіатурний спосіб утворення слів як один із продуктивних і майже всі вирізняють ініціальні і складові аббревіатури.

Метою нашого дослідження - визначити основні типи аббревіатур власних імен німецької мови, оскільки дана проблема недостатньо висвітлена в лінгвістичній літературі. Ми використали порівняльний, структурно-семантичний та статистичний метод аналізу.

Роглянемо безпосередньо структури аббревіатур власних імен. Нами виявлено такі генетичні типи:

І. Усічення. - найчастотніші і найпростіші аббревіатури власних імен. Вони виникли внаслідок усіченої форми будь-якої частини слова. Це тип

еліптичних варіантів з частковим або повним усіченням першої або останньої частини багатосегментного слова, наприклад: Adalbert -> Bert; Adolf -> Dolf; Gallus -> Gall; Ottokar -> Otto, Ott; Benedikt -> Bene; Justus -> Just; Arabella -> Bella; Sabina -> Bina; Antonina -> Nina; Magdalena -> Alena; Joachim -> Achim; Alfons -> Fons; Angela -> Gela; Julia -> Lia; Samson -> Sams.

Часто це усічення з фонетичною видозміною голосних і приголосних звуків, вони можуть опускатись або додаватись для благозвучності абrevіатури, напp.: Liborius -> Borries, Borries; Margarete -> Grete; Eberhard -> Epe; Konrad -> Kunz; Bonifaz -> Feltz; Gottfried -> Götsch, Götz; Mattheus -> HeiB; Philipp -> Lips; Sandbold -> Sampl; Gaius -> Kai, Kay; Dietrich -> Dietz; Martin -> Mört, Mertl.

Варіанти цього типу є:

а) чергування голосних звуків, напp.: Antonius -> Tönnies, Tünnes, Thöny; Matthias -> Thies, ThieB; Gustave -> Täve; Borislav -> Bores;

б) чергування приголосних звуків, напp.: Diethard -> Tjard; Ferdinand -> Nante; Benedikt -> Dix; Henrietta -> Edda, Etta; Friedrich -> Fritz;

в) додавання окремих голосних або приголосних, напp.: Anton -> Tonio; Theodora -> Doris; Leopold -> Poldi; Norbert -> Nortz; Christ -> Christi, Christo; Albrecht -> Alber, Albero; Dankwart -> Dankl; Herwig -> Herle; Anastasia -> Tassja.

Наведені приклади усічень дуже поширені в німецькій мові. Не менш вживаними є абrevіатури власних імен, які утворені від вихідного слова з усіченням останнього його компоненту, напp.: Isabella -> Isa; Daniel -> Dan; Bertold -> Bert; Susanna -> Susa; Friedrich -> Friddo, Frido, Fried; Eduard -> Ede.

Основними фонетико-морфологічними явищами, які створюють варіанти цього типу є:

а) чергування приголосних, напp.: Vigilius -> Figl, Fiegl; Richard -> Ritsch, Rieck, Rick; Zacharius -> Sachar; Lulas -> Lux; Friederike -> Frigg; Ludwig, Ludolf -> Lutz; Ulrich -> Utz, Uz; Castulus -> Kastl; Bartholomäus -> Bartsch;

б) чергування голосних, напp.: Elisabeth -> Alice; Godolewa -> Godela; Dorothea -> Dora, Dore; Daniella -> Dany; Agidius -> Egid; Peter -> Piet, Pitt; Burkhard -> Birk, Burk; Gustav -> Gösta, Jösta; Katharina -> Kät; Amata -> Amy;

в) подовження голосної: Giselberg -> Giese;

г) подвоєння приголосної: Gandius -> Gann, Kann; Ratgis -> Ragg; Burkhard -> Buggo; Cäcilie -> Cilli, Zilli;

д) додавання голосної для благозвучності, напp.: Bronislawa -> Bronia; Ignatus -> Igo; Ulrich -> Ule; Adelheid -> Ado, Adela, Adele.

Рідше усякається середня частина вихідного слова, напp.: Hildebert -> Hilbert, Hilpert; Hildemar -> Hilmar; Hildeaer -> Hilger; Giselmар -> Gismar; Rodebert -> Robert; Frodechild -> Frohild; Isenbert -> Isbert; Elimar -> Emar; Gisela -> Gila; Benediktus -> Dix. Дані абrevіатури ми відносимо до третього типу.

Абrevіатури-усічення виявлені нами також на основні дослідження подвійних власних імен. Переважно скорочується як перший, так і другий компонент повнозначного слова (імені), рідше не скорочується друга його частина. Часто це абrevіатури з фонетичною видозміною голосних звуків, можливий також їх пропуск з метою благозвучності, напp.: Elisabeth + Dorothea -> Ilse-dore; Elisabeth + Margaret -> Ilse-gret; Elisabeth + Maria -> Ilse-maria; Elisabeth + Gertraude -> Ilse-traud;

II. Контракції. Вони виникають внаслідок пропуску окремих букв, складів вихідного слова. Абrevіатури даного типу на відміну від графічних скорочень читаються і вимовляються словами: Konrad -> Cord; Detlef -> Delf; Wilhelm -> Will, Wilm; Veronika -> Vroni; Ernesto -> Erno; Radolf, Rudolf -> Ralf, Rul, Rolf; Johannes -> Jens; Gottlieb -> Gleb.

Абrevіатури-контракції можуть носити лінійний і нелінійний характер інколи з фонетичною видозміною, додаванням окремих голосних або приголосних:

Torulf -> Tolf; Eleonore -> Lore, Lori; Egilolf -> Eigl, Eigil; Benediktus -> Bent; Philipp -> Fips; Gerhard -> Gerd, Geert; Ludolf -> Ludl; Reinhold -> Rino; Eckehard -> Edzard; Hermann -> Haro, Hemmo; Kornelius -> Nils; Laurentius -> Lorenz, Lenz; Reinhold -> Ron, Ronny; Reinhard -> Rendl; Johannes -> Jes; Rudolf -> Ruef, Ruf, Ruof, Rüt, Riedl, Ruth.

III. Склади, які виникають в результаті усичення компонентів вихідного слова до розмірів складів. Дані аббревіатури досить поширені. Вони можуть мати лінійний характер з фонетичною видозміною голосних: Wigwiga, Wigwika -> Wika; Katharina -> Karen, Karin, Catrina, Kathana; Margarete -> Merit; Valentin -> Velten; Alexander -> Lexer; Dominikus -> Minkes.

Рідше аббревіатури-склади носять нелінійний характер, напр.: Giovanni -> Nino; Philippine, Philippa -> Pippa.

Лінійний характер з фонетичною видозміною носять також аббревіатури-склади, повна вихідна форма яких складається з подвійних власних імен, напр.: Elisabeth + Charlotte -> Leselotte; Elisabeth + Anna -> Lisanne; Johanna + Dorothea -> Hannedore; Hansjosef -> Hanjo; Rosema-rie -> Romi, Romy.

IV. Комбіновані. Цей вид аббревіатур власних імен є малочисельним. Це в основному одно- або двоскладові аббревіатури з фонетичною видозміною і без, додаванням голосних і приголосних для благозвучності, напр.: Johanna -> Janie, Jenni; Katharina -> Kaja, Kai; Dietmar, Thietmar -> Tim, Timo, Timmo, Timmy; Theodor -> Ted, Teddy, Teuro; Siegfried -> Sippo; Kilian -> Kjell; Annemarie -> Amrei; Alexandra -> Alina, Alja; Theophil -> Tefko.

Комбіновані аббревіатури включають в себе всі три види ознак вище названих типів і є оригінальними за своєю структурою. Вони утворені комбінованим способом. Значна частина з них є запозиченнями. Вимова запозичених аббревіатур часто не збігається з графічним німецьким оформленням вихідного слова, тому необхідно знати його транскрипцію. На німецько-мовному ґрунті окремі з них набули специфічного звукового оформлення, обросли різноманітними варіантами і не сприймаються носіями мови як запозичення. Більшість з них пристосувались, онімечились, про що свідчать дослідження зарубіжних та вітчизняних вчених. Відбувається фонографічне освоєння як англіцизмів, так і інших запозичених аббревіатур на основі принципу "помірного онімечування". В основі цього принципу лежить зближення звуків, чужих німецькій мові, із звуками німецької фонетичної системи шляхом заміни артикуляційно близькими їм німецькими звуками.

Статистичні дослідження, проведені нами, свідчать, (вибірку зроблено за словниками Карла Пауля і Горста Науманна) що найбільш поширеним і продуктивним типом аббревіатур власних імен є усичення, що становить 60,64% від загальної кількості - 1334. На другому місці - склади - 16,79%, на третьому - контракції - 12,86%, на четвертому - комбіновані - 9,71%.

З класифікації випливає, що визначені нами структурні типи охоплюють в основному всі існуючі аббревіатури власних імен німецької мови. Проведене дослідження дозволяє нам зробити відповідні висновки:

1. Аббревіатури власних імен утворені за трансформаційними моделями. Їх структурна і фонетична відмінність є причиною утворення різних типів і підтипів.

2. Усичення - найпродуктивніший тип аббревіатур власних імен.

3. Основними фонетико-морфологічними явищами, які створюють варіанти вище названих чотирьох типів є:

- а) чергування голосних і приголосних звуків;
- б) подовження голосної;
- в) подвоєння приголосної;
- г) фонетична видозміна звуків;
- д) додавання голосної або приголосної для благозвучності;

е) пропуск окремих звуків.

Список літератури: 1. Алексеев Д.И. Сокращенные слова в русском языке. - Саратов, 1979. - 327 с. 2. Бойченко Л.М. Структурно-семантичні типи аббревіатур і діапазон їх дериваційної активності в сучасній українській мові. - Мовознавство. - 1982. - №5. - С. 75-79. 3. Борисов В.В. Аббревиация как закономерное языковое явление. - В кн.: Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках. - М., 1972. - 319 с. 4. Земская Е.А. Аббревиация (сложносокращенные слова). - В кн.: Современный русский язык. - М., 1973. - 304 с. 5. Павлов В.Г. К вопросу о продуктивности отдельных словообразовательных моделей сокращенных слов в немецком языке. - В кн.: Вопросы германо-роменской филологии. Сб. статей "Мысли о современном русском языке". - М., 1969. - 181 с. 6. Шанский Н.М. Развитие словообразовательной системы русского языка в советскую эпоху. - Сб. статей "Мысли о современном русском языке". - М., 1969. - 214 с. 7. Bellman G. Zur Variation im Lexikon: Kurzwort und Original. - In: Wirkendes Wort. - Schwann, 1980. - No 6. S. 360-477. 8. Bergström-Nielsen H. Die Kurzwörter im heutigen Deutsch. - In: Moderna spook 1952, 46. Jg., 211 S. 9. Duden Taschenbücher. Die Regeln der deutschen Rechtschreibung. - Dudenverlag - Mannheim, 1991. - 160 S. 10. Filipec J. Probleme des Sprachzentrums und der Sprachperipherie im System des Wortschatzes. - In: Travaux linguistiques de Prague 1966. - H. 2. - S. 258. 11. Hofrichter W. Zu problem der Abkürzung in der deutschen Gegenwartssprache. - In: Linguistische Studien. Reihe A. Arbeitsberichte. - Berlin, 1977. - 176 S. 12. Iskos A., Lenkova A. Kurzung. - In: Deutsche Lexikologie. - Leningrad, 1963. - 276 S. 13. Jespersen O. Stüdwörter. - In: Die Sprache und ihre Natur, Entwicklung und Entstehung. - Heidelberg, 1925. - 440 S. 14. Naumann H. Das kleine Vornamenbuch. - Leipzig, 6. Aufl. 1986. - 121 S. 15. Paul K. Das kleine Vornamenbuch. - Leipzig, 2. Aufl. 1967. - 136 S. 16. Die Auswirkungen der industriellen Revolution auf die deutsche Sprachenwicklung im 19. Jh. - Berlin, 1981. - 308 S. 17. Schippa Th. Kurzwortbildung. - In: Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. - Leipzig, 1984. - 307 S. 18. Schmidt W. Besondere Arten der Wortbildung. - In: Deutsche Sprachkunde. - Berlin, 1967. - 356 S. 19. Sprachpflege. - Leipzig, 1979-1990. 20. Starke G. Sprachliche Kurzformen. - In: Sprachpflege. Leipzig, 1987. - No 5. S. 61-76. 21. Stepanowa M.D., Fleischer W. Abkürzungen und Kurzwörter. - In: Grundzüge der deutschen Wortbildung. - Leipzig, 1985. - 236 S.

Поступила в редколлегию 1.09.1992 г.

В.М.УГРИНЮК

УМОТИВОВАНІСТЬ ФРАЗЕОЛОГІЗМІВ У МОВІ ТА МОВЛЕННІ (на матеріалі фразеологічних одиниць сучасної німецької мови)

У жодному із наявних типів лексикографічних джерел значення фразеологізмів не відображено в тому об'ємі, у якому воно реально представлено в свідомості носіїв мови і проявляється в текстах. Семантична доля багатьох фразеологічних одиниць залежить певною мірою від периферійних сем, другорядних семантичних ознак, які в дефініціях тлумачних словників не відображені. Зауваження І.А. Стерніна про те, що значення слова можна порівняти з айсбергом, оскільки в словниках представлена лише верхівка, а його підводна частина залишається неописаною [1, с. 44], можна віднести і до значення фразеологічних одиниць сучасної німецької мови. Отже, для правильного розуміння і цілеспрямованої комунікації важлива, на наш погляд, є також мовленнєва

мотивація лексичного значення фразеологізмів. Тим більше, що в системі німеської мови функціонує велика група фразеологізмів, які виражають не поняття, а швидше уявлення, тобто "образ предметів, які впливають на органи чуття людини і який відтворюється з допомогою слідів, що збереглися в мозку" [2, с. 14]. Наприклад, "jmdn. an die frische Luft setzen (befördern) - 1. jmdn. aus der Wohnung, aus dem Haus hinauswerfen. 2. jmdn. aus einer Stellung entlassen; im Stich lassen - 1. sich um jmdn., der in eine Notlage geraten ist, sich in einer kritischen Situation befindet, nicht mehr kümmern. 2. jmdn., mit dem man verbunden war, verlassen. 3. jmdm. den Dienst versagen. 4. etw. aufgeben. 51.

Ми бачимо, що тлумачення наведених фразеологізмів досить широкі, і це призводить до їх використання в різних комунікативних ситуаціях, оскільки при тлумаченні образних фразеологічних одиниць за допомогою найрозгорнутіших визначень завжди буде залишатися якийсь інформаційний "залишок" [3, с. 132]. Звідси і увага лінгвістів до використання фразеологізмів у мовленні і до їх оказіональних перетворень, оскільки ця проблема є досить актуальною у сучасній теорії фразеології [4, с. 65]. Фразеологічне словосполучення може не лише зберігати властиву йому мовну вмотивованість, але і набувати додаткової виразності завдяки тому чи іншому засобові оказіональної актуалізації фразеологізму чи його вживанню у невластивому йому контексті, у результаті чого можуть змінюватися експресивна, експресивно-оцінна або емоційна функції фразеологізму. При цьому в семасіологічні зміни можуть втягуватися як один словоеlement, так і декілька чи навіть всі словоеlementи [5, с. 91]. Слід зауважити, що ці процеси залежать від особливостей внутрішньої форми фразеологізмів, тобто від складу їх слівних компонентів і форм їх сполучення.

Duden. Deutsches Universalwörterbuch. Dudenverlag Mannheim / Leipzig / Wien / Zürich 1989. Ss 3. 0 969, 1467.

Таким чином, мовленнєву вмотивованість слід відрізнити від мовної, у якій вмотивованість значення фразеологізму обумовлена складом слівних компонентів і відношенням між ними. Мовленнєва вмотивованість проявляється в результаті взаємодії фразеологізму і його окремих компонентів з різними елементами контексту. Для визначення характеру мовленнєвої вмотивованості фразеологізму необхідно виявити мотивуючий контекст, а ним для фразеологізму служить семантична єдність, яка утворюється реченням чи групою речень. Семантика слівних компонентів, а разом з ними і фразеологізмів, може видозмінюватися, взаємодіючи з семантичною структурою всього вислову, в склад якого вони увійшли. Кожне нове вживання фразеологічної одиниці вмотивовано можливостями контексту аналізувати певні сторони семантики. Попробуємо все зазначене вище продемонструвати на таких прикладах:

1. Er schien sehr zart und erweckte den Eindruck eines verwöhnten muttersöhnchens, das man im Stiche gelassen hat (B. Kellermann, "Totentanz").

2. "Es gibt für mich nur eins: Kameradschaft. Den Freund im Stich lassen oder ihn gar veraten, ist das allerschlimmste" (J.R. Becher, "Abschied").

3. ... die Mutter und die Schwester hatten die Köpfe gesenkt und nickten schlaftrunken mit ihren Köpfen, denn schon seit Pankrazius die Schilderung seiner vermutlichen Geliebten begonnen, hatten sie angefangen schläfrig zu werden, ließen ihn jetzt gänzlich im Stich und schliefen wirklich ein (G. Keller, "Die Leute von Seldwyla").

4. Es war nicht der Mann, eine Sachim Stich zu lassen, zu der er einmal ja gesagt hat (L. Feuchtwanger, "Erfolg").

5. Als hätte sie Geschke wirklich im Stich gelassen, empfing sie ihn nach der Arbeit mit ausgeklügelten Mühen, um die erträumte Untreue wettzumachen (A. Seghers, "Die Toten bleiben jung").

6. Endlich gerieten die Männer auch auf das Würfelspiel; ... Beatrix, welche dem Spiele

vergnügt zugeschaut hatte, erleichte, und mit Recht, denn der alsobald erfolgte Wurf ließ den übermütigen im Stich und gab dem Baron gewonnen (G. Keller, "Die Jungfrau und die Nonne").

У наведених вище прикладах мотивуючий контекст надає фразеологізму "im Stich lassen" додаткових семантичних відтінків: 3-й приклад - звертати увагу; 4-й приклад - відступитися від чого-небудь; 5-й приклад - зрадити; 6-й приклад - підводити кого-небудь.

Отже, конкретна реалізація фразеологічних одиниць в тексті показує, що вмотивованість їх значення обумовлена в першу чергу, на наш погляд, їх внутрішньою формою і граматичною структурою. Внутрішня форма багатьох фразеологізмів дозволяє в конкретних ситуаціях нарощувати і розширювати їх значення. Адже відомо, що вимовлення фрази передає намір комуніканта передати в мовній формі певний розумовий зміст. Процес породження вислову розпочинається з визначення його теми, визначення комунікантом способу його мовленнєвої поведінки, плану викладення загального ставлення до змісту вислову [6, с. 121]. Таким чином, включення будь-якої мовної одиниці в контекст обумовлено можливостями служити мовному втіленню визначеної теми. При конкретному використанні фразеологізмів враховуються їх фразеологічне значення і одночасно інтуїтивно фіксується їх звуковий склад, граматична форма і семантичний потенціал кожного слівного компоненту, завдяки їх здатності актуалізуватися у взаємодії з різноманітними елементами контексту [7, с. 57]. М.М. Копиленко вважає, що саме контекст "призводить до того, що ми сприймаємо дві лексеми як монолітну одиницю мови [8, с. 30]. З цим твердженням, на нашу думку, можна погодитися лише частково, оскільки вибір самих слівформ і формування саме в цих слівформах специфічних, виняткових значень визначається не лише контекстом, а також внутрішньою формою того чи іншого словосполучення, на основі якого відбувається формування відповідної фразеологічної одиниці, адже народження фразеологізму - це живий акт мовлення, в якому реалізуються ті чи інші номінальні або експресивні властивості, закладені у внутрішню форму, в семантичний стержень того чи іншого спочатку вільного словосполучення. Очевидно, потрібний певний період часу, протягом якого початкові значення компонентів словосполучення послаблюються, втрачаючи одночасно і свої попередні семантичні по мірі переходу його в стійке словосполучення і лише пройшовши стадію семантичної переорієнтації, розвивають в собі нові семантичні відтінки.

Наші спостереження, які ґрунтуються на аналізі словникових дефініцій і конкретних вживань фразеологізмів, свідчать про те, що залежність значення фразеологічних одиниць від мовленнєвого акту та від контекстуального оточення набагато менша ніж лексичних одиниць. В різних мовленнєвих, контекстуальних ситуаціях ядро фразеологічного значення переважної більшості фразеологізмів залишається незмінним. За нашими підрахунками приблизно десята частина із двох тисяч фразеологічних одиниць, які були вибрані нами для аналізу із різних фразеологічних джерел, мають широке і неоднозначне тлумачення, що призводить до явного нарощення їх значення і широкої вмотивованості їх в різних мовленнєвих випадках, що ми і спостерігали вище на прикладі фразеологізму "im Stich lassen".

Список літератури: 1. Стернин И.А. Описание лексического значения и "принцип айсберга" // Принципы и методы исследования единиц языка //, Воронеж, 1985, с. 43-50. 2. Бобыль С.В. Семантико-стилистические свойства русских цветообразований. АКД - Днепропетровск, 1984 - 24 с. 3. Коралова А.Л. Характер информативности фразеологических единиц. // Вопросы фразеологии. Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. Мориса Тореза, вып. 168, 1980, с.

120-134. 4. Пророченко О.П., Щербань Н.П. Особенности утврeннiя i функцiональна характеристика авторських зворотiв. Мовознавство, 1981, №5, с. 65-70. 5. Ройзензон Л.И. Лекции по общей и русской фразеологии. Самарканд. гос. ун-т им. А. Навои, 1973. - 136 с. 6. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., "Наука", 1972. - 216 с. 7. Мелерович А.М. К проблеме мотивированности семантики фразеологизмов // Вопросы русского языка//. Ярославль, 1975, с. 53-66. 8. Копыленко М.М. Сочетаемость лексем в русском языке. Москва, "Просвещение", 1973. - 118 с.

Поступила в редакцию 1.09.1993 г.

**И.Е.ФРОЛОВА, канд. филол. наук,
М.Б.ВЕПРИЦКИЙ**

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТАТУСА РЕЧЕВЫХ АКТОВ, ВЫРАЖАЮЩИХ ЭМОЦИОНАЛЬНУЮ РЕАКЦИЮ

Коммуникативный подход к изучению языковых явлений предполагает подробное и разноплановое изучение речевых актов всех типов. Вместе с тем, отсутствие единой, общепринятой классификации речевых актов несколько затрудняет также исследование. С данной трудностью приходится сталкиваться и при изучении, в частности, речевых актов, выражающих эмоциональную реакцию говорящего.

Известно, что человеческая речь по своей природе эмоциональна. Выражение эмоций - это неотъемлемый компонент процесса коммуникации, изучение которого важно как с точки зрения углубления теоретических исследований, так и с точки зрения обучения иностранному языку.

Отбросив экстремальные ситуации, в которых человеческая речь дезорганизуется, обратимся к исследованию обычной, повседневной речи, ее типичных ситуаций, где эмоции выражаются системными средствами языка.

Проведенные исследования показали, что эмоциональный компонент в качестве дополнительного прагматического значения часто присутствует в речевых актах различных типов. Так, например, менасив (комиссив) всегда передает помимо своего основного коммуникативного значения (угрозы) отрицательные эмоции. Директивы также часто имеют дополнительный прагматический оттенок - выражение эмоций говорящего (в особенности это относится к вопросам). В репрезентативах, промиссивах (комиссив), декларациях эмоциональный компонент присутствует значительно реже.

Вместе с тем, существует значительное количество речевых актов, где выражение эмоций составляет не дополнительное, а основное содержание, переданное как прямыми, так и косвенными средствами. Для их исследования необходимо прежде всего определить статус данных речевых актов, решить проблему их отнесенности к определенному типу РА.

Представляется целесообразным использовать в проводимом исследовании классификацию Серля. Недостатком данной классификации многие лингвисты считают выделение сравнительно малого количества классов РА, что не может охватить всего богатства языковых средств и возможностей их использования в речи. Очевидно, что можно несколько снизить влияние этого отрицательного фактора путем разделения выделенных Серлем классов на подклассы. Это уже имеет место в комиссивах, которые традиционно подразделяют на промиссив и менасив, или в директивах, куда, согласно Серлю, входят как вопросы, так и собственно директивы, подразделенные на приказания, просьбы, советы и т.д. Исходя из этого, считаем возможным отнести РА, выражающие эмоциональную

реакцию говорящего к классу экспрессивов, с последующим уточнением подклассов в его пределах. Серль определяет экспрессивы как речевые акты, иллокутивная цель которых в том, чтобы "выразить психологическое состояние, задаваемое условиями искренности относительно положения вещей, определенного в рамках препозиционного содержания" [1]. Т.е., к ним относятся такие РА, как извинения, благодарности, соболезнования, поздравления и т.д. Однако, представляется возможным рассмотреть класс экспрессивов гораздо шире, исходя из данного определения. Такого мнения придерживается Е.М. Вольф [2]. Исследуя оценочные РА, Е.М. Вольф приходит к выводу о том, что "по-видимому, к экспрессивам можно отнести все виды высказываний, которые интерпретируются как оценочные (одобрение, неодобрение и т.д.) или включают оценочный элемент в свою ин-терпретацию (оскорбление, комплимент, похвала и т.п.)" [2, с.165]. Далее автор высказывает мнение о том, что к классу экспрессивов возможно причислить "1) обусловленные социальными конвенциями извинения, благодарности, поздравления и т.д. и 2) оценочные высказывания, принадлежащие индивидуальным субъектам, имеющие своей иллокутивной целью выразить эмоциональное состояние говорящего и / или провести эмоциональное воздействие на слушающего, основанное на одобрении и порицании в широком смысле слова" [2, с. 165]. В целом соглашаясь с автором по поводу определения классов экспрессивов, хотелось бы уточнить, что вто-рой подкласс, включающий, согласно трактовки Е.М. Вольф РА, "выражающие эмоциональное состояние говорящего", с нашей точки зрения не ограничивается оценочными РА. Сюда, по-видимому, можно отнести все РА, основное коммуникативное содержание которых сводится к выражению эмоций. При этом, эмоциональная оценка, даже трактуемая широко, не охватывает всего спектра человеческих эмоций. Ряд человеческих эмоций, особенно высших, слабо коррелирует с оценкой. [3, с.230].

Помимо коммуникативной цели класс экспрессивов отличается от других классов РА и определенными формально-семантическими характеристиками. При этом, разграничение экспрессивов и директивов, комиссивов и деклараций не вызывает особых затруднений. При разграничении экспрессивов и репрезентативов, обладающих рядом сходных структурно-семантических черт, следует иметь в виду, что экспрессивы выражают эмоциональную реакцию по поводу некоторой ситуации, определенной в "рамках препозиционного содержания". Таким образом, наличие в составе РА эмоционально маркированных лексических единиц не означает автоматического отнесения данного РА к классу экспрессивов. В этом случае необходимо определить, входит ли эмоционально маркированный элемент или элементы в пропозицию. Е.М. Вольф приводит по этому поводу следующий пример: "Он написал великолепную статью. Он прочитал великолепную статью". С нашей точки зрения класс экспрессивов можно разделить на 1) этикетные РА экспрессивы и 2) неэтикетные РА экспрессивы. Данные подклассы, обладая одинаковой коммуникативной целью, имеют также и различия как структурно-семантического, так и прагматического плана. Экспрессивы первого подкласса обладают ограниченными возможностями формально-семантического варьирования, в то время, как для второго подкласса эти возможности гораздо шире (сравним способы выражения благодарности, например, и радости, удивления и т.п.). Этикетные экспрессивы отличается меньшая, в сравнении с неэтикетными, искренность говорящего, так как определенные ситуации требуют, согласно нормам речевого поведения, тех или иных формул речевого этикета. Таким образом, вербальное выражение благодарности, поздравления и т.д. не всегда является отражением эмоционального состояния говорящего, что характерно для неэтикетных РА экспрессивов (удивление, раздражение, радость и т.д.). Характер ситуации соотношения ролевых статусов говорящего и адресата, другие экстралингвистические факторы существенно влияют на неэтикетные РА

экспрессивы, соответственно варьируя их формально-семантическую организацию и регламентируя их употребление / неупотребление. В то же время, влияние указанных факторов на этикетные РА экспрессивы невелико: являясь общепринятыми формулами они практически не имеют ограничений в употреблении, здесь возможно лишь небольшое варьирование формально-семантического плана.

Перспективным представляется подробная сравнительная характеристика этикетных и неэтикетных РА экспрессивов с целью дальнейшего, более детального изучения класса речевых актов, выражающих эмоциональную реакцию говорящего.

Список литературы: 1. Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов. // Новое в зарубежной лингвистике, Вып. 16, М.: Прогресс, 1985, С.170-185.
2. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. С.163-166.
3. Деланин К.А. Стилистика французского языка. Лен.: Просвещение. 1978. С.230-231.

Поступила в редколлегию 1.03.1993 г.

**В.В.ХИМЕНКО,
Л.А.ИВАНОВА,
Н.И.ЧЕРКАШИНА**

ИЗБИРАТЕЛЬНОСТЬ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ФОРМ ГЛАГОЛОВ В ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЯХ

Современный этап развития лингвистики характеризуется повышением интереса к проблемам исследования текста. В связи с новыми потребностями науки и практики во второй половине XX века начала бурно развиваться новая лингвистическая наука - лингвистика текста. Формирование и разработка идей новой области лингвистики связаны с именами Э. Харриса, Э. Бенвениста, Т.М. Николаевой, И.Р. Гальперина и других ученых. основополагающей идеей данной отрасли языкознания является положение о том, что текст представляет собой основную единицу коммуникации.^{51,2}

Объектом данного исследования послужили тексты английской художественной прозы, драмы, науки и прессы. В основу положены данные, полученные при составлении Лексико-грамматического частотного словаря современного английского языка, работа над которым проводилась большим коллективом под общим руководством кафедры английской филологии КГПИИЯ.

Предметом исследования является параметризация текстов с точки зрения функционирования морфологических форм глаголов в различных функционально-речевых стилях и видах речи. Цель исследования - выявление взаимосвязи между лексико-семантическими и морфологическими категориями неличных и личных форм английского глагола. Решение задач исследования связано с рассмотрением теоретических положений о системном подходе к изучению языковых единиц и о взаимодействии языковых уровней.^{53,4}

В работе также устанавливаются принципы выделения и описания лексико-семантических групп глагола и видовременных форм.

На материале 9 тыс. словоупотреблений мы проследили и сопоставили реализацию Non-Finite и Finite Forms глаголов, принадлежащих к различным семантическим классам: seem, desire и claim. Кроме того, мы проследили, как реализуются грамматические формы глаголов внутри одного семантического класса, а именно глаголов коммуникативной деятельности человека: claim, permit, thank. Эти глаголы имеют сходную сему "to say", "to express". Представляя сложный

денотат, они предполагают речевой контакт между говорящим и слушающим.

Была выдвинута рабочая гипотеза о том, что глаголы, относящиеся к одному семантическому классу, имеют сходную реализацию грамматических форм, а глаголы, принадлежащие к различным семантическим классам, характеризуются своей, присущей каждому из них, спецификой функционирования в речи.

Для проверки гипотезы были составлены матрицы частот употребления грамматических форм в отдельных источниках, а затем составлены таблицы-указатели их употребления в четырех функциональных стилях и жанрах. При рассмотрении неличных форм глаголов *seem*, *desire* и *claim* было обнаружено, что они характеризуются не только различными частотами употребления неличных форм в целом, но проявляют избирательность к определенной морфологической форме в зависимости от функционального стиля. Так, для глагола *seem* наиболее частотной оказалась форма *Present Participle* (70 из 129 неличных употреблений, причем из 70 эта форма встретилась 65 раз в художественной прозе). Неличные формы глагола *desire* более частотны: из 500 зарегистрированных форм 206 - *Participle II* в научной прозе. Эти сочетания, типа *desired value*, *desired angle*, *desired rate* etc. Что касается реализации неличных форм глагола *claim*, то они более частотны в текстах науки и прессы. Характерной особенностью для них является употребление формы *Present Participle* (83 словоупотребления). Например: *The police opened fire, later claiming that this was to disperse the students.* (*Morning Star*).

Отмечено устойчивое употребление формы *Passive Infinitive* после глагола *leave* (26 случаев, встретившихся поровну во всех стилях и жанрах): *Your complexion still leaves much to be desired (in drama); This method of evaluation leaves much to be desired (in sentence); His TV appearances added confusion and left much to be desired (in press).* И только для глагола *claim* характерно употребление инфинитива, главным образом за счет художественной прозы и прессы. Например: *To claim a good motive was repulsive to him.* (*J. Galsworthy*).

Сопоставление личных форм рассматриваемых глаголов показало, что утвердительная форма *Past Indefinite* характерна для всех этих глаголов, причем для *seem* она составляет более 50% всех случаев. Несколько реже употребление этой формы для глаголов *desire* и *claim*.

Обращают внимание формы *Passive*, особенно *Indefinite Passive*. Для глагола *seem* они не типичны и практически не реализуются в силу семантических особенностей этого глагола, а для *desire* и *claim* формы *Present Indefinite Passive* типичны только для научного стиля. Например: *A new message can be recorded any time it is desired (Electronics and Power).*

Отсюда естественно напрашиваются практические выводы по акцентированию частотных форм в учебном процессе студентов неязыковых факультетов естественного профиля, а также при составлении учебных материалов.

Особое внимание в нашем исследовании было уделено изучению модальных глаголов и их сочетаемости. Наблюдения показали, что модальные глаголы занимают весомое место: зарегистрировано 520 словосочетаний с *Modals*. Сопоставление их частот употребления с исследуемыми глаголами дало возможность провести интересные наблюдения: каждый из них характеризуется своими собственными особенностями сочетаемости с модальными глаголами. Так, для глагола *seem* наиболее частотны случаи сочетаемости с *may* в художественной прозе и с *would* в науке: *Strange as it may seem, she looked on it now as rather our honour; It would seem. that our nature demands satisfaction in the epic form.* (*Welsh; Building Industries*). Для глагола *claim* специфична сочетаемость с *can*, *could* в художественной прозе и газете: *Malasia can claim that as one of the smallest*

states in the region it has suffered the undeclared halfwar of Indonesia's confrontation. (Morning Star). Для глагола *desire* в целом нетипична сочетаемость с модальными глаголами, она представлена всего 23 случаями (из 500 словоупотреблений). И, тем не менее, все же прослеживается некоторое тяготение к модальному глаголу *would*: In the Back of his mind there lurked something which assured I would desire to marry her; I wouldn't desire it (Th. Dreiser).

Эти наблюдения дают возможность сделать вывод о том, что каждый из глаголов проявляет тяготение к одному - двум модальным глаголам, специфичным для определенного функционального стиля. Следовательно, проведенное исследование подтверждает нашу гипотезу о том, что глаголы различной семантической отнесенности характеризуются специфическими, присущими каждому из них грамматическими формами и своей сочетаемостью.

Кроме того, было проведено сопоставление функционирования грамматических форм глаголов сходной семантики, а именно глаголов коммуникативной деятельности человека. Употребление неличных форм этих глаголов различно: глагол *permit*, например, встретился 274 раза в 8 формах, глагол *claim* 301 в 9 формах, а глагол *thank* - 128 раз всего в 3 формах. Существенными являются и различия употребления морфологических форм в различных стилях. Например, для глагола *permit* отмечено частотное употребление *Infinitive Indefinite* в научной прозе, для глагола *claim* - форма *Present Participle* в прессе, а для *thank* - форма *Infinitive Indefinite*, но в художественной прозе. Эти и другие наблюдения убеждают в том, что даже близкие по семантическому значению глаголы существенно различаются по реализации неличных форм в различных текстах. Проведенное сопоставление финитных форм глаголов сходной семантики показывает идентичное функционирование глаголов *claim* и *permit* как в целом, так и в отдельных стилях, и существенную специфичность глагола *thank*. Для последнего наиболее частотны случаи эллиптического употребления, а также повелительного наклонения в художественной прозе. Это свидетельствует о том, что глагол *thank* обладает своей лексической специфичностью и в группе исследуемых глаголов стоит особняком.

Таким образом, рабочая гипотеза о том, что глаголы, относящиеся к одному семантическому классу, имеют сходную реализацию грамматических форм не полностью подтвердилась: реализация грамматических форм зависит от семантических оттенков индивидуального глагола. С логической необходимостью вытекает вывод о том, что хотя в целом семантически близкие глаголы реализуют сходные морфологические формы, их частоты в различных сферах деятельности человека существенно различаются, образуя стилеразличные черты. Сопоставление стилей и видов речи по частоте сочетаний с модальными глаголами свидетельствует о том, что тексты различной стилистической отнесенности имеют ряд существенных особенностей не только с точки зрения общего выражения модальности, но и по частоте сочетаний с определенными модальными глаголами. При этом выбор модального глагола обусловлен лексико-семантической группой глагола.

Список литературы: 1. Г р е ч и ш и н а В.И. Взаимосвязь структурно-функциональных характеристик в системе форм английского глагола. - Минск, 1975. 2. Р и з е л ь Э.Г. К определению понятия и термина "стилевая черта" // Филол. науки. - 1978, №4, с. 76-86. 3. П е р е б е й н о с В.И. Некоторые особенности функционирования лексических групп в различных стилях // Актуальные проблемы лексикологии: Тезисы докл. - Новосибирск, 1967. 4. Д м и т р и е в а Л.Ф. Функциональные проявления черт временного и видового

планов английского глагола в различных подязыках. АКД. - Минск, 1977. - 19 с.

Поступила в редакцию 1.03.1993 г.

Л.Н. ЧЕРНОВАТЫЙ, канд. пед. наук,
Н.В. РЯБИХ

АФФЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ В УСВОЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Среди других факторов, предположительно влияющих на усвоение иностранного языка (ИЯ) (более подробно см. [5]), называют аффективные характеристики учащихся [8; 11], в частности степень их экстравертности / интровертности.

Как известно, экстравертный тип личности характеризуется импульсивностью, инициативностью, гибкостью поведения, общительностью, социальной адаптированностью [3, 406]. Интроверты же отличаются необщительностью, социальной пассивностью, замкнутостью, склонностью к самоанализу, затрудненной социальной адаптацией [3, 406]. Некоторые [11] полагают, что в силу своих психологических особенностей, экстраверты чаще вступают в речевые контакты и лучше осуществляют их. В результате этого больший объем информации поступает в гипотетическое "устройство для усвоения языка" [7], что должно давать преимущество экстравертам в таком усвоении [8; 11].

Ряд исследований (см. обзор в [8]) подтвердили эту гипотезу. Низкий уровень интроверсии благоприятно сказывается на обучении устной речи [9], имитации и понимании на слух [12]. С другой стороны, в этом же исследовании, и в некоторых других [15] не было установлено связи между экстравертностью / интровертностью и усвоением других аспектов языка. Согласно результатам других экспериментов [6; 13; 14], такая связь все же существует.

Принимая во внимание противоречивость выводов относительно гипотетического влияния экстравертности / интровертности на эффективность усвоения ИЯ, авторы настоящей работы предприняли самостоятельное исследование данной проблемы. В качестве испытуемых были выбраны студенты английского переводческого отделения (со II по IV курс) факультета иностранных языков Харьковского госуниверситета. Всего в эксперименте принимали участие 61 испытуемый, все мужчины, возраст от 18 до 26 лет.

Для сравнения эффективности усвоения, с одной стороны, и степени экстротверсии / интроверсии, с другой, необходимо было вначале получить данные, касающиеся как первого, так и второго параметров.

Данные, касающиеся уровня подготовки испытуемых были получены на основе анализа результатов семестровых экзаменов по английскому языку. Такие экзамены представляли собой систему тестов (от 5 до 6), каждый из которых предназначен для контроля конкретного речевого умения. Объектами контроля явились: фонетика, лексика и грамматика, понимание на слух, говорение, чтение и письмо. Для удобства сравнения результатов всех тестов были переведены в проценты, т.е. максимально возможный результат по каждому тесту принимался за 100%. Из этого результата по определенной методике (более подробно см. [5]) вычитались проценты за допущенные ошибки. Полученная разница и составляла оценку конкретного испытуемого.

Использование оценок студентов, полученных по каждому из указанных выше параметров во время экзаменационной сессии, снимает возможное побочное влияние со стороны мотивации. Так как по результатам каждой сессии на каждом уровне составлялся рейтинг студентов, а по результатам такого рейтинга студенты

отбирались для зарубежных стажировок, то у всех студентов была устойчивая мотивация на получение максимально хороших оценок по всем тестам. Кроме того, сама по себе ситуация экзамена создает достаточно устойчивую мотивацию для всех студентов.

Степень экстраверсии / интроверсии каждого испытуемого определялась по специальной методике, разработанной в психологической литературе [4]. Процедура включала анкетирование испытуемых с помощью специально разработанной анкеты [4]. Анкета включала 57 вопросов, 24 из которых проверяли наличие / отсутствие экстраверсии, 24 - интроверсии, и 9 вопросов были предназначены для проверки правдивости / ложности ответов испытуемого. Например, (ниже представлены первые шесть вопросов анкеты:

ДА	НЕТ	
		1. Часто ли Вы испытываете тягу к новым впечатлениям, к тому, чтобы отвлечься, испытать сильные ощущения?
		2. Часто ли Вы чувствуете, что нуждаетесь в друзьях, которые могут Вас понять, ободрить или посочувствовать?
		3. Считаете ли Вы себя беззаботным человеком?
		4. Очень ли трудно Вам отказаться от своих намерений?
		5. Обдумываете ли Вы свои дела не спеша, и предпочитаете ли подождать, прежде чем действовать?
		6. Всегда ли Вы сдерживаете свои обещания, даже если это Вам не выгодно?

В первых шести вопросах положительные ответы на вопросы 1 и 3 считаются показателем экстраверсии, так же как и отрицательный ответ на вопрос 5. Положительные ответы на вопрос 2 и 4 считаются показателем интроверсии, а положительный ответ на вопрос 6 может, по мнению автора анкеты [4], свидетельствовать о неискренности отвечающего. Если больше четырех ответов на вопросы, проверяющие искренность испытуемого, свидетельствуют о неискренности отвечающего, то результаты всей анкеты считаются недостоверными и отбрасываются. После того, как были отброшены результаты всех анкет, признанных недостоверными, остались результаты 42 испытуемых. Для каждого из них был определен процент экстраверсии / интроверсии. Для определения процента экстраверсии, количество ответов, свидетельствующих о ее наличии, делилось на общее количество вопросов для ее определения (24). Точно такая же процедура использовалась и для определения интроверсии. Процент интроверсии и экстраверсии определяется отдельно, так как эти проценты показывают разные стороны личности, и не могут в сумме составлять 100%. Например, испытуемый I, по результатам анкетирования имеет 96% экстравертности и 33% интровертности. Конечно, в природе, вероятно, не существует экстравертов и интровертов в чистом виде. В том или ином соотношении эти признаки присущи всем людям.

На рис. 1 графически показаны результаты вычислений общей успеваемости по ИЯ, с одной стороны, а также экстраверсии и интроверсии с другой. Если сравнить кривые, представленные на рис. 1, то можно заметить некоторое сходство

в конфигурации кривых, показывающих уровень владения ИЯ (по результатам тестов) и степень экстравертности. С другой стороны, если отбросить пики, зафиксированные в интервалах 4-5, 13, 20-22, 25-27 на оси АС то и кривая интровертности слегка напоминает кривую, зеркально противоположную кривой экстравертности и, соответственно, может согласоваться с кривой успеваемости. Для определения степени связи между кривыми экстравертности, интровертности и успеваемости, полученные результаты были соответствующим образом обработаны для получения коэффициента линейной корреляции [2; 10]. Последний вычисляется по формуле:

$$r_{xy} = \frac{\sum_{n=1}^N (x_n - M_x) \cdot (y_n - M_y)}{NG_x G_y}$$

где r_{xy} - коэффициент корреляции между сравниваемыми величинами (например, между экстраверсией и интроверсией), $\sum$ - знак включения (т.е. суммы), N - количество испытуемых, x_n - результат конкретного испытуемого по одному из сравниваемых параметров (например, процент экстраверсии), y_n - результат того же испытуемого по второму из сравниваемых параметров (например, процент интроверсии), M_x - средний процент всех испытуемых по первому параметру, M_y - то же по второму параметру, G_x - значение дисперсии результатов всех испытуемых по первому параметру, G_y - то же по второму параметру.

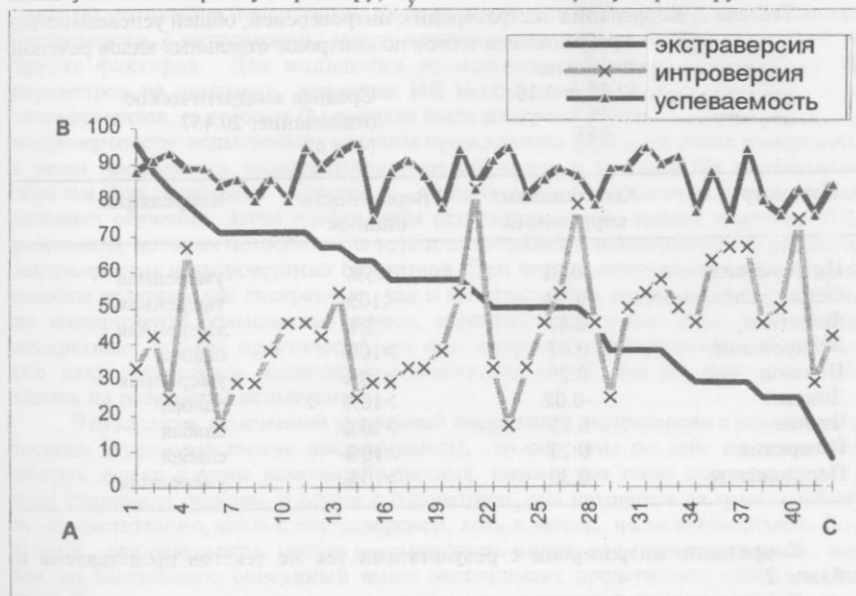

Рис. 1. Интроверсия, экстраверсия и успеваемость испытуемых в эксперименте по определению влияния экстраверсии/интроверсии на усвоение ИЯ. Ось АВ - проценты, ось АС - испытуемые.

При применении данной методики идеальной считается корреляция, равная 1. Другие выражения корреляции имеют следующие значения: 0,9 - 1,0 - очень высокая корреляция и очень сильная связь; 0,7 - 0,9 - сильная корреляция и отчетливая связь; 0,5 - 0,7 - заметная корреляция и значительная связь; 0,3 - 0,5 - умеренная корреляция и явная, но незначительная связь; меньше 0,3 - слабая корреляция и практическое отсутствие связи [10].

Результаты вычислений представлены в таблицах 1 и 2. В таблице 1 представлены результаты вычислений корреляции экстраверсии, с одной стороны, и интроверсии, а также результаты тестов по проверке уровня усвоения ИЯ (как общего, так и по отдельным аспектам), с другой. Как следует из таблицы 1, экстраверсия умеренно коррелирует с интроверсией (коэффициент корреляции - 0,31, при вероятности ошибки менее 5% - очень высокий показатель). Это означает, что несмотря на то, что сумма процентов экстраверсии и интроверсии у конкретного человека, как правило, не составляет 100% (а может быть больше или меньше), однако между этими двумя характеристиками есть явная связь. В большинстве случаев можно ожидать снижения процента интроверсии при повышении процента экстраверсии и наоборот. Умеренная связь отмечена также между экстраверсией и общей успеваемостью по ИЯ (коэффициент корреляции - 0,30, вероятность ошибки менее 10%. Такая же связь зафиксирована с результатами некоторых тестов для контроля отдельных речевых навыков и умений. Конкретно отмечена корреляция с результатами работ по фонетике, переводу и переложению (письменному изложению прослушенного текста). В последнем случае, правда, вероятность ошибки составляет более 10%.

Таблица 1. Корреляция экстраверсии с интроверсией, общей успеваемостью испытуемых, а также с результатами тестов по контролю отдельных видов речевой деятельности и аспектов языка.

Матожидание: 52.33 ± 3.16

Среднее квадратическое отклонение: 20.457
N = 42

Параметр	Коэффициент корреляции	Вероятность ошибок	Корреляция
Интроверсия	-0.31	<5%	умеренная
Общая успеваемость	0.30	<10%	умеренная
Фонетика	0.47	<5%	умеренная
Аудирование	0.07	>10%	слабая
Перевод	0.29	>10%	умеренная
Диктант	-0.02	>10%	слабая
Чтение	0.23	>10%	слабая
Говорение	0.23	>10%	слабая
Переложение	0.36	>10%	умеренная

Корреляция интроверсии с результатами тех же текстов представлена в таблице 2.

Как следует из таблицы 2, интроверсия не коррелирует ни с одним тестом. Отсюда можно предположить, что связь между интроверсией и результатами данных работ практически отсутствует.

Таблица 2. Корреляция интроверсии с результатами тестов по контролю отдельных видов речевой деятельности и аспектов языка.

Матожидание: 44.38 ± 2.50

Среднее квадратическое отклонение: 16.182

N = 42

Корреляция

Параметр	Коэффициент корреляции	Вероятность ошибок	Оценка
Общая успеваемость	-0.03	>10%	слабая
Фонетика	-0.16	>10%	слабая
Аудирование	0.08	>10%	слабая
Перевод	-0.13	>10%	слабая
Диктант	0.07	>10%	слабая
Чтение	0.08	>10%	слабая
Говорение	0.18	>10%	слабая
Переложение	-0.13	>10%	слабая

На основании результатов исследования, описанного выше, вряд ли можно сделать какие-либо выводы относительно возможного влияния интроверсии / экстраверсии на усвоение ИЯ. Во-первых, испытуемые находятся на достаточно продвинутом этапе изучения ИЯ. Большинство из них изучали ИЯ довольно интенсивно на протяжении последних 10 лет и более. За это время, учитывая сильную мотивацию испытуемых, их специальный отбор на факультет, влияние экстраверсии / интроверсии могло нивелировать и компенсироваться за счет других факторов. Для выявления возможного влияния рассматриваемых параметров на динамику усвоения ИЯ необходимо проведение специальных экспериментов, в которых бы вначале была измерена степень экстравертности / интровертности испытуемых, сделаны предсказания на основе таких измерений, а затем проводилось экспериментальное обучение, в котором бы тщательным образом фиксировалось поведение испытуемых в различных меняющихся условиях обучения. Затем необходимы регулярные срезы уровня владения ИЯ, результаты которых позволили бы установить сравнительную динамику развития экстравертных и интровертных билингвов. При чем по содержанию такие срезы должны включать как дискретные, так и интегративные тесты. В анализируемом же эксперименте большинство тестов, вероятно, следует классифицировать как дискретные, так как практически все они допускают использование монитора (т.е. дают достаточное количество времени для этого). Все эти факторы могут влиять на результаты испытуемых.

Что касается отмеченной умеренной корреляции экстраверсии с некоторыми тестами (преимущественно письменными), то она сама по себе не позволяет сделать далеко идущие выводы. Во-первых, потому что такая корреляция все-таки умеренная (причем, в случае с говорением, она находится на грани слабой) и, соответственно, связь с экстраверсией, хоть и явная, но незначительная. Во-вторых, эти результаты нельзя рассматривать иначе, как предварительные, так как по содержанию описанный выше эксперимент представляет собой скорее срез. Поэтому в целом, на данном этапе можно говорить скорее о тенденциях, чем о закономерностях. Для более четкого понимания последних необходимы специальные исследования.

Список литературы: 1. Беспалько В.П. Опыт разработки и использования критериев качества усвоения знаний // Сов. педагогика. - 1968. - №4. - С. 52-69. 2. Готтсданкер Р. Основы психологического эксперимента. - М.: МГУ, 1982. 3. Краткий психологический словарь / Сост. Карпенко Л.А.: Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. - М.: Политиздат, 1985. 4. Норакидзе В.Г. Методы исследования характера личности. - АН ГССР: Институт психологии. - Тбилиси: Меценерит, 1989. 5. Черноватый Л.Н. Психо-лингвистические основы теории педагогической грамматики. - Харьков: Основа, 1992. 6. Chastain K. Affective and ability factors in second language learning // Language Learning, 1975, vol. 25, pp.153-161. 7. Chomsky N. Syntactic Structures. - The Hague: Mouton, 1957. 8. Dulay H., Burt M., Krashen S. Language Two. - New York: Oxford Univ. Press, 1982. 9. Gardner R., Smythe P., Clement R., Gliksmann L. Second Language learning: A social-psychological perspective // Canadian modern language review, 1978, vol. 32, pp.198-213. 10. Ingram E. Basic Concepts in Testing // J.P.B. Allen, A. Davies (eds.) The Edinburgh Course in Applied Linguistics, vol.4: Testing and Experimental Methods. - Oxford Univ. Press, 1978, pp.11-37. 11. Krashen S. Second Language Acquisition and Second Language Learning. - Cambridge: Prentice Hall, 1981. 12. Naiman N., Frohlich M., Stern H., Todesco A. The Good Language Learner. Research in Education №7. - Toronto: Ontario Institute for Studies in education, 1978. 13. Oller J., Baca L., Vigila A. Attitudes and attained proficiency in ESL: a sociolinguistic study on Mexican-Americans in the South-West // TESOL Quarterly, 1977, vol. 11, pp. 173-183. 14. Rossier R. Extraversion-Introversion as a Significant Variable in the Learning of Oral English as a Second Language. - PhD dissertation. University of South Carolina, 1976. 15. Swain M., Burnaby B. Personality characteristics and second language learning in youth children: a pilot study // Working Papers on Bilingualism, 1976, vol. 11, pp. 76-90.

Поступила в редколлегию 1.09.1993 г.

И.С.ШЕВЧЕНКО, канд. филол. наук

ПРАГМАТИКА ПЕРЕВОДА ДРАМЫ: АСПЕКТ ДИАХРОНИИ.

Исследования в русле относительно нового направления - исторической прагматлингвистики (historischen Sprachpragmatik), которая занимается прагматическим анализом текстов различных исторических периодов, неизбежно заставляют обратиться и к проблемам прагматической адекватности переводов этих текстов. Помимо основных вопросов прагматики перевода, рассматриваемых в аспекте синхронии [например, Комиссаров, 1990:202-227], историко-прагматический подход призван дать ответ на ряд вопросов, в частности, о влиянии фактора временной соотнесенности текстов на ПЯ и на ИЯ на прагматическую адекватность перевода; о необходимости учета социокультурных, исторических, психолого-этических и иных экстралингвистических факторов, которые тем больше разнятся, чем дальше отстоят друг от друга в историческом и этническом плане тексты на ИЯ и на ПЯ; о зависимости прагматической адекватности перевода от особенностей языка и литературной традиции конкретных исторических периодов; от специфики авторской речи создателей текстов. В настоящее время делаются первые попытки анализа прагматики речи в диахроническом аспекте как в нашей стране, так и за рубежом [например: Карабан, 1989; Henne, 1980], однако создание сколько-нибудь полной теории исторической прагматлингвистики представляется делом будущего и потребует объединенных усилий лингвистов,

литературоведов, философов, историков. В данной статье проблемы прагматики перевода рассматриваются на примере достоинств и недостатков четырех переводов "Трагедии о Гамлете, принце Датском" Шекспира, выполненных Полевым, Лозинским, Гнедичем и Пастернаком (соответственно 1839-1891-1938-1947), разница во времени между переводами - около 50 лет, причем первый отстоит от времени создания оригинала на два столетия.

Художественный диалог в драматургическом произведении является его конституирующей, функциональной основой. В художественном диалоге при всем его отличии от реального прослеживается ряд основных черт, характерных и для реального диалога. Вместе с тем, имеется немало существенных различий: это, во-первых, двойная адресация, то есть нацеленность реплик художественного диалога к непосредственному слушающему (персонажу), и читателю / зрителю; во-вторых, в художественном диалоге фиксируется устная речь, личный речевой опыт автора, и вместе с тем, он строится по правилам письменной речи - происходит синхронизация двух различных норм; в третьих, речь на сцене, как указывает Р. Будагов, имеет свою специфику: диалог имеет определенную протяженность, он заранее спланирован автором, он развивает действие, его элементы взаимосвязаны, он подчинен правилам времени и темпа [Будагов, 1984].

В прагматике художественного диалога можно условно выделить два плана - внутренний и внешний, что соответствует коммуникации персонажей в произведении и коммуникативной посылке, воздействию автора на читателя / зрителя. Поэтому и ход анализа драматургического текста должен несколько отличаться от анализа прагматики естественной речи. В качестве материала данного исследования выбраны вопросительные конструкции (далее - ВК) как важный и часто встречающийся элемент драматургического текста. Прагмалингвистический анализ 440 ВК Шекспира и 1760 их русских переводов позволил выявить ряд общих закономерностей, касающихся реализации принципов (постулатов, максим) речевого общения, определить способы передачи типичных РА в ИЯ на ПЯ, выявить наиболее характерные прагматические дефекты перевода и ответить на некоторые из поставленных вопросов.

Значительные диахронические изменения произошли в содержании и способах реализации принципа вежливости. В общей иллокутивной палитре высказывания важную роль играют иллокутивные маркеры вежливости. В ранненовоанглийской речи они были гораздо более частотными, чем в современной речи. К 20-му веку их частотность снизилась, а такие формы как *sirrah*, *humbly*, *an it please you*, *pray* полностью вышли из употребления. Из названных обsolescent маркеров как правило адекватно передается на ПЯ *sirrah* ("милейший"), в то время как *pray* (you) нередко искажается, а *humbly* и вовсе опускается в половине наших примеров. Причину этого мы склонны усматривать в различии прагматических характеристик данных маркеров. Обращение и вводный элемент можно трактовать как метаречевые акты, то есть простые РА, внутри сложного РА, способствующие его осуществлению. Наречие *humbly*, напротив, не является отдельным РА и не выделяется в структуре дискурса, а лишь служит усилению ликоповышающего перлокутивного эффекта высказывания.

Игнорирование маркера вежливости в переводе искажает прагматику высказывания, ср.: Гамлет спрашивает у офицера норвежского войска: *Ham. "How purposed, sir, I pray you?"* Сэр. "Against some part of Poland". [IV, 4, 11] Гам. "Куда поход?" Кап. "На Польшу". (Пастернак) Гам. "Куда оно идет, спросить дозвольте?" (Лозинский) Гам. "Что ж вам угодно?." (Полевой) Гам. "Скажите, а куда оно идет?" (Гнедич).

В данном случае при сохранении иллокутивных характеристик РА -

квеситива происходит искажение регистра, снижение степени вежливости, особенно заметное в первом случае.

Не менее важным способом реализации принципа вежливости является прагма-стилистическое варьирование местоимений второго лица. Как правило, при передаче этих местоимений на ПЯ в примерах с формами единственного числа в ИЯ искажений не отмечается, однако в случаях множественного числа наблюдаются большие разночтения на ПЯ. Ни в одном из анализируемых переводов их авторы не были последовательны в выборе обращений на ТЫ или ВЫ при передаче форм множественного числа в ИЯ. Сюда относятся диалоги Гамлета с Горацием, Полонием, Офелией, короля с королевой, Лаэртом, Полонием, Гамлетом. В них одни и те же авторы передают you то как ТЫ, то как ВЫ без видимой закономерности. Тем самым при сохранении доминирующей иллокуции высказывания в ИЯ искажаются вторичные прагматические характеристики за счет неоправданного завышения / занижения регистра речи. Вероятно, это частично можно объяснить интерференцией социокультурного и языкового опыта переводчиков (ср. архаичные формы обращений, выраженных местоимениями второго лица в русском языке).

Постулат истинности выражался в 16-17 вв. достаточно частотным маркером i'faith, вышедшим из употребления в 20 веке. В переводах 19 века он практически полностью опущен, что искажает общую иллокуцию высказывания, лишь в переводах 20 века он передается с помощью "верите-ли, ей-же ей" и т.п. Ср.: King. "How fares our cousin Hamlet?" Ham. "Excellent, i'faith, of the chameleon's dish..." [III, 2, 93] Гам. "Отлично, ей-же ей..." (Лозинский) Гам. "Верите-ли, превосходно..." (Пастернак) Гам. "Превосходно!" (Полевой) Гам. "О, превосходно!" (Гнедич)

По нашим данным ВК ранненовоанглийского периода способны реализовать ряд РА, среди которых квеситивы составляют 70%, эмотивы - 12%, фатичные РА - 5%, побудительные - 5%, репрезентативы, манасивы и пр. - 8%. В четырех исследуемых переводах наиболее общие прагматические характеристики высказываний, как правило, соответствуют оригиналу, однако в деталях имеется ряд существенных отличий.

Так, ВК - квеситивы, как правило, передаются на ПЯ с помощью вопросительного по форме высказывания с ведущей иллокуцией спрашивания. Помимо допустимых в таких случаях модуляций, наблюдаются и неоправданные прагматические сдвиги в текстах на ПЯ по сравнению с ИЯ. Чаще всего это несоответствия локутивного аспекта (лексико-стилистические). Они появляются в случаях, когда переводчики сталкивались с архаичной лексикой, либо перед ними стояла сверхзадача, обусловленная особенностями эпохи, собственной эстетической концепцией переводчика (например, Пастернак считал необходимым максимально приблизить свой перевод Шекспира к разговорному языку) и пр. Приведем пример: королева - сыну: "What have I done that thou dardest wag the tongue In noise so rude against me?" [III, 4, 41] "Что я такого сделала, что ты так груб со мной?" (Пастернак) "Но что я сделала, что твой язык столь шумен предо мною?" (Лозинский) "Но что я сделала такое, за что ты так жесток ко мне?" (Полевой). "Но что я сделала, за что так дерзко ты можешь говорить со мной?" (Гнедич). Как видим, ни один из переводов не передает достаточно адекватно сопутствующую эмотивную иллокуцию оригинала.

Влияние социокультурного фона переводчика проявляется в передаче на ПЯ бранной лексики ИЯ: выражение sblood в составе квеситива Гнедич опускает в ПЯ, у Полевого читаем "Простите" (искажение регистра), лишь Лозинский и Пастернак передают его как "Черт возьми". Очевидно, что в более ранних переводах нарушается прагматический смысл высказывания.

Среди ВК - косвенных РА в пьесах Шекспира самыми многочисленными являются экспрессивы. Благодаря своей прагматической природе они переводятся двояко: как вопрос, либо как восклицание (в соответствии с их буквальным и косвенным прагматическим значением). Структурно они могут быть оформлены на ПЯ как восклицательные, либо вопросительные (реже повествовательные) предложения. Например, Лазрт видит безумную сестру: "Do you see this, o God?" [IV, 5, 198] "Ты видишь это, господи?" (Пастернак), "Вы видите! О боже мой!" (Лозинский), "О Боже мой!" (Полевой), "Боже, видишь ли ты это?" (Гнедич).

Многие ВК - экспрессивы в ИЯ - это риторические вопросы, они воспринимаются как сожаление и/или побуждение с обратной пропозицией, например, Гамлет вспоминает отца: "Must I remember? Why, she would hang on him..." [I, 2, 149] "Что поминать! (Пастернак), "Мне-ль вспоминать?" (Лозинский), "Могу-ль забыть?" (Полевой), "Зачем, зачем?" (Гнедич).

Косвенные побуждения, как и косвенные эмотивы, могут передаваться на ПЯ двояко: как побудительные и как вопросительные предложения. В оригинале трагедии ВК с *why* часто реализуют косвенные побуждения, а ВК типа *Will you do it?* реализуют так называемые гибридные РА. Последние передаются на ПЯ как вежливые просьбы с вопросительной структурой предложения, либо как директивы в повелительном наклонении в зависимости от социально-ситуативных характеристик РА.

Фатичные РА имеют своей целью установление и продление речевого контакта, проверку работы "канала связи". Если на ИЯ они реализуются сегментированными вопросами, то на ПЯ они чаще всего передаются в виде маркеров передачи очередности говорения - "Неправда-ли?", "Разве нет?" и т.п. Маркеры "проверки работы канала связи" типа *Dost thou hear?* являющиеся частью реплики на ИЯ, нередко искажаются на ПЯ: их переводят как обособленные РА - директивы, либо квеситивы; между тем в оригинале это составные РА в составе сложных речевых актов.

Характерная для ранненовоанглийского языка форма *How now?* также вызывает трудности при передаче на ПЯ. Они вызваны тем, что она может служить и этикетным РА, и квеситивом в зависимости от совокупности прагматических характеристик высказывания, контекста и ситуации. Между тем, в исследованных нами примерах они, как правило, передавались квеситивами на ПЯ без должного учета прагматических критериев ВК на ИЯ, например: входит Полоний, к нему обращается Гамлет: "How now, my lord! Will the king hear this piece of work?" [III, 2, 47-48] "Ну как, милорд, желает ли король посмотреть эту пьесу?" (Пастернак), "Ну что, сударь мой? Желает ли король..." (Лозинский), "Ну что? Угодно ли королю..." (Полевой), "Ну, что же, Полоний, - король изволит пожаловать на представление?" (Гнедич).

Данные нашей выборки свидетельствуют о том, что как правило прагматические характеристики диалогов на ИЯ достаточно адекватно передаются на ПЯ. Среди наиболее типичных случаев искажения прагматики оригинала следует назвать (а) сдвиги в локутивном аспекте, вызывающие искажение прагматики, не затрагивающее коммуникативного типа РА; (б) изменение степени иллокутивной силы высказывания; (в) искажение в выражении степени вежливости высказывания-оригинала; (г) нарушение границ простых и сложных РА оригинала при передаче на ПЯ; (д) искажение коммуникативного типа РА (крайне редко), например: обход караула: Фран. "I think I hear them. Stand ho! Who is there?" Нор. "Friends ..." [I, 1, 14] Фран. "Послушать, не они ли, - кто идет? (Пастернак) "Я их как будто слышу. - Стой, кто тут?" (Лозинский) "Кто идет?" (Полевой) "Да вот они! Стой! Кто идет?" (Гнедич).

В заключение можно сделать вывод о том, что временной разрыв в 300-400

лет не лишает нас возможности восприятия прагматических аспектов текста на ИЯ и их достаточно адекватной передачи на ПЯ. При всей специфичности прагматических характеристик речи ранненовоанглийского периода, в целом они универсальны и разнятся в деталях как качественно (локуция, иллюкутивные маркеры, нормы вежливости и пр.), так и количественно (частотность различных типов РА в речи). Прагматическая адекватность перевода драмы не находится в прямой зависимости от времени выполнения перевода. Так, в нашей выборке наиболее адекватный в прагматическом плане перевод выполнен Лозинским, Прагматическая адекватность перевода в целом зависит от совокупности интра и экстралингвистических факторов, среди которых немалую роль играют историческая эпоха создания перевода и оригинала, литературная традиция, авторские особенности драматурга и переводчика. Кроме того, нельзя не учитывать, что исследователь-филолог анализирует весь материал с позиций реципиента 20 в., неизбежно привнося в анализ критерии своего времени. Поэтому, хотя конечные выводы о прагматике речи различных исторических периодов пока преждевременны, полученные данные свидетельствуют о важности учета социокультурного и прагматического аспекта языка оригинала для создания прагматически адекватного перевода драмы, убеждают в необходимости дальнейших исследований в области исторической прагматической лингвистики.

Список литературы: 1. Б у д а г о в Р.А. Писатели о языке и язык писателей. М., 1984. 2. К а р а б а н В.И. Сложные речевые единицы. Киев: изд-во КГУ, 1988. - 130 с. 3. К о м и с с а р о в В.Н. Теория перевода. - М.: Высш. школа, 1990. - 253 с. 4. Н е п п е Н. Probleme einer historischen Gesprächsanalyse // Ansätze zu einer pragmatischen Sprachgeschichte. H. Sitta (Hg.). - Tübingen, 1980. - P. 89-102.

Поступила в редколлегию 1.09.1993 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Локшина Т.Ф., Рубцов И.В. Некоторые наблюдения над английскими заимствованиями в современном русском молодежном сленге	85
Липко И.П., Липко З.Н. К проблеме теории варьирования	87
Малимонова Н.В. Семантические типы оппозитивных отношений и оппозитивная реакция	90
Мартынюк А.П., Башкирева С.А. Функционирование сложных синтаксических структур и вопросов в речи мужчин и женщин	93
Маслова Н.И. Методика использования новых параметров для исследования грамматических вариантов	96
Мизецкая В.Я. Драматургический текст как источник изучения синтаксиса устной разговорной речи	99
Минкин Л.М., Симонок В.П. Текстообразующая функция общевпросительных предложений во французском языке	102
Митрофанов А.И., Полина В.С. Фоностилистические характеристики некоторых экспрессивных фраз в английском и русском языках и их взаимодействие в речи билингва	108
Мищенко В. Комплимент как этнолингвистическая проблема	111
Морозова И.Б. Изменение синтаксической организации диалога и линейных характеристик простого предложения в диахронии 18-20 вв (на материале английского языка)	116
Морозова И.Б. Грамматическое содержание эмотивных реплик в англоязычном художественном диалоге	118
Паповянец Э.Г. Коммуникативная обусловленность синтаксической организации текста в позиции зачина (на материале англо-американской прессы)	120
Паповянец Э.Г., Андреева О.П. Предсказуемый и непредсказуемый внутренний гипостазис	123
Перлина Ю.Г. Бимодальность немецкой эпиграммы (к проблеме напряженности эпиграмматического текста)	125
Прокопчук О.О. Обмежувальні значення у німецькій мові	129
Прокофьева Н.В. Реакция несогласия в диалоге	133
Ребрий А.В. О причинах возникновения инноваций в языке	136
Ребрий А.В. К вопросу об окказионализмах в современном английском языке	139

Рябых Н.В. Экспериментальное исследование влияния некоторых аффективных факторов на усвоение иностранного языка	142
Солощук Л.В. Закономерности структурной организации авторской речи в драматургическом произведении	144
Сотникова С.И. Языковые средства комического в немецких народных сказках (на материале сказок братьев Гримм)	147
Старцева Н.Н. Этимологический анализ когнитивной сферы речевой деятельности	151
Тимошенкова Т.М. Американская действительность в зеркале театра Теннесси Уильямса	155
Тимошенкова Т.М. Некоторые особенности творческой манеры С. Моэма	159
Траскина Л.Е. К вопросу о словообразовании глаголов с суффиксом -ieg- и его формальные варианты	162
Турчин В.М., Турчин М.М. Потапова Ж.І. Структура порівнянь в німецькій художній прозі	164
Турчин М.М. Потапова Ж.І. Історичний аспект дослідження власних імен в німецькій мові	168
Турчин М.М. Потапова Ж.І. Типологія утворення абrevіатур власних імен в німецькій мові	173
Угринюк В.М. Умотивованість фразеологізмів у мові та мовленні (на матеріалі фразеологічних одиниць сучасно німецької мови)	177
Фролова И.Е., Веприцкий М.Б. К проблеме определения статуса речевых актов, выражающих эмоциональную реакцию)	180
Хименко В.В., Иванова Л.А., Черкашина Н.И. Избирательность морфологических форм глаголов в функциональных стилях	182
Черноватый Л.Н., Рябых Н.В. Аффективные факторы в усвоении иностранного языка	185
Шевченко И.С. Прагматика перевода драмы: аспект диахронии	190

ПАМЯТИ Б.И. РОГОВСКОЙ И Б.С. ХАЙМОВИЧА

Глубокий след в становлении и развитии школы романо-германской филологии в Харькове оставили Б.И. Роговская и Б.С. Хаймович, которые в 50-70 гг. стояли у истоков ее создания. Они внесли неоценимый вклад не только в теорию языкознания, но и в организацию факультета иностранных языков в Харьковском госуниверситете, в подготовку квалифицированных научных кадров. Ими написаны десятки статей по актуальным вопросам германистики, издан оригинальный учебник теоретической грамматики английского языка, отмеченный широтой охвата материала, смелостью и новаторством многих трактовок. Опубликованный в 1968 г., он до сих пор не утратил своей актуальности и остается единственным учебником подобного уровня на востоке Украины.

С открытием факультета иностранных языков в ХГУ в 1957 г. Б.И. Роговская стала его первым деканом, а позже заведующей кафедрой английской филологии. Ею подготовлены 20 докторов и кандидатов наук, ее щедрый талант и деятельная доброта помогли найти верный путь в науке еще десяткам начинающих исследователей. Творческий характер ее научного дарования обусловил дерзновенный поиск, которым отличались ее исследования, безошибочную научную интуицию в выборе тем исследования, способность предвидеть новые направления в развитии лингвистики задолго до того, как их идеи были сформулированы в печати другими исследователями.

Известный историк и теоретик языка Б.С. Хаймович с присущим ему глубоким аналитизмом стремился к построению строгой непротиворечивой системы языка. Многогранный, универсальный исследователь, он всегда находился на передовых рубежах современной лингвистической науки. Стоя на позициях объективного анализа, максимально лишенного субъективизма, доцент Хаймович избегал в своих трудах крайностей структурализма. Разносторонний дар исследователя обусловил его поиски новых методологических подходов в науке, что нашло отражение в многочисленных статьях монографии (неизданной при жизни), посвященной актуальной проблеме морфологического строя английского языка, которая отнюдь не потеряла своей актуальности и сегодня.

Отмечая огромный вклад этих ученых в отечественную лингвистику и организацию высшего образования в нашей стране, Ученый совет факультета иностранных языков ХГУ принял решение о проведении начиная с 1995 г. ежегодных научных чтений памяти Б.И. Роговской и Б.С. Хаймовича.

Збірник наукових праць

ВІСНИК

ХАРКІВСЬКОГО ДЕРЖАВНОГО УНІВЕРСИТЕТУ

№ 384

Російською-українською мовами